

Бережная С.В. Бондаренко И.И. Кучемко Н.М.

ТОТАЛИТАРИЗМ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ XX ВЕКА

Svetlana Berezhnaya Igor Bondarenko Nikolai Kuchemko

TOTALITARIANISM IN THE HISTORY OF EUROPE
OF THE 20th CENTURY

Библиотека "Руниверс"

Бережная Светлана Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент,
декан исторического факультета
Харьковского национального
педагогического университета
им. Г.С. Сковороды.

Автор более 100 статей
по истории, праву, исторической
компаративистике.

Бондаренко Игорь Иванович

Профессор, доктор юридических наук,
вице-президент Всемирной Академии
Наук Комплексной Безопасности,
вице-президент Международного
антитеррористического единства,
председатель Совета директоров
Европейского центра изобразительных
искусств, почетный академик
Российской академии художеств.

Кучемко Николай Миронович

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
Харьковского национального
педагогического университета
им. Г.С. Сковороды.

Бережная С.В. Бондаренко И.И. Кучемко Н.М.

ТОТАЛИТАРИЗМ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ XX ВЕКА

Svetlana Berezhnaya Igor Bondarenko Nikolai Kuchemko

TOTALITARIANISM IN THE HISTORY OF EUROPE OF THE 20th CENTURY

Братислава
Bratislava

2012

Бережная С.В., Бондаренко И.И., Кучемко Н.М.

Под общей редакцией кандидата исторических наук **Д.В. Климова**

Художественный редактор **И.Я. Керемецкий**

Перевод — **П.Е. Смирнов**

Редактор английского текста **Тодд Лефко**

Иллюстрации — картины Заслуженного художника РФ, академика РАХ,

президента Творческого союза художников России **К.В. Худякова**

Макет — **Ю.В. Филимонов**

Тоталитаризм в истории Европы XX века. Учебное пособие. — Европейский Центр Изобразительных Искусств, Братислава 2012. — 192 с.: ил.
ISBN 978-80-970927-2-6

Деспотия, вождизм, тирания и ... тоталитаризм. Эти термины, характеризующие отношение общества и власти, воспринимаются как синонимы. Однако явление тоталитаризма особого рода, проявившиеся лишь в современной истории. Некая эклектика общественно-политической мысли XX века, сочетание несочетаемого, что, в свою очередь, полностью соответствует основополагающему закону диалектики «Единства и борьбы противоположностей». Авторы представляют комплексный подход к изучению уникальной политической системы, далеко не всегда опирающуюся только на подавление. Учёные-юристы и историки в своей книге не только анализируют феномен происхождения тоталитарного общества, существовавшего вопреки демократическим европейским традициям, но и дают развёрнутый и аргументированный ответ на вопрос: возможно ли повторение пройденного? Проблемы, казалось бы ушедшего в историческое небытие прошлого, всё ещё сохраняют свою актуальность.

Труд предназначен не только студентам, специализирующимся в области новейшей истории, политологии и философии, но, как представляется, будет не без интереса действующим политикам и идеологам.

Иллюстрации к книге — Заслуженного художника Российской Федерации, президента Творческого союза художников России, академика Российской академии художеств **К.В.Худякова**.

ISBN 978-80-970927-2-6

© Европейский Центр
Изобразительных Искусств,
Братислава 2012.

Типография: **ФАБЕРПРИНТ**.

Тираж: 1000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема тоталитаризма выбрана не случайно. Это феноменальное явление XX столетия, однако корни его уходят вглубь веков. Идеи древнегреческого философа Платона относительно государственного устройства его современные критики характеризовали именно как тоталитарные. По мнению авторов книги (есть и другие точки зрения) тоталитаризм возник и оставил заметный след именно в истории современной цивилизации, которая в силу объективных причин не предрасположена к порождению недемократических общественно-политических систем. Политический режим, при котором власть полностью контролирует жизнь общества, является объектом пристального изучения учёных-обществоведов. Выводы по различным аспектам этой проблемы неоднозначны и даже, порой, диаметрально противоположны. Одни исследователи рассматривают тоталитаризм как частный случай тривиальной диктатуры, известной человечеству с древнейших времён, другие (в их числе и авторы настоящего издания) — как уникальное по своей природе явление, проявившееся исключительно в общественно-политической жизни XX-го века и ранее не встречавшееся в истории человечества. Данная трактовка может быть объяснена тем, что для возникновения подобного рода политической системы, ставшей реальностью благодаря применению методов социальной инженерии, до конца XIX — начала XX столетия не было необходимых условий и предпосылок.

Следует отметить, что в исследованиях, посвящённых тоталитаризму, до сих пор немало разночтений. В частности, неоднозначно трактуется вопрос о сущности тоталитаризма и его историческом месте. По-разному объясняются причины его возникновения в век цивилизации, а также факторы, обеспечившие победу демократической тенденции в общественном развитии. Высказываются взаимоисключающие суждения по вопросу возможности реанимации тоталитаризма в современных условиях. Дискутируются и другие аспекты этой проблемы.

На основе анализа исследований, посвящённых этой довольно непростой теме, авторы стремились привлечь внимание читателей к наиболее важным её аспектам.

ВСТУПЛЕНИЕ

Мир вновь стоит перед вызовом, поскольку демократическим принципам государственного управления угрожают силы авторитаризма и фундаментализма.

Авторы этой книги, точно определив суть проблемы, проанализировали основные вопросы, с которыми сталкивается каждое общество и каждое поколение.

Книга написана тремя видными учеными, в центре внимания которых — три основополагающих вопроса, вызывающих активные дискуссии в интеллектуальных кругах.

Во-первых, почему некоторые общества сделали выбор в пользу тоталитарной или авторитарной системы власти. Анализируя исторический контекст, авторы показывают, что тоталитаризм представляет собой целостную идеологическую, экономическую и политическую систему. И тоталитаризм, и демократия являются разновидностями политической культуры. Но так же, как в медицинской лаборатории, не все культуры можно считать здоровыми.

В книге признаётся, что демократия — это не просто отсутствие тоталитаризма или результат его ликвидации, а следствие действия ряда сил, которые неизбежно ослабевают и умирают, если их постоянно не подпитывать и не охранять.

Американский президент Авраам Линкольн заметил: «С трудностями способны справиться почти все, но если хочешь испытать характер человека, дай ему власть». Авторы осознают, что главный вопрос тоталитаризма, так же, как и демократии, заключается в характере использования власти. Власть определяет, как распределять ресурсы, каким путем и с какими целями инвестировать в будущее, как выстраивать отношения между управляющими и управляемыми.

Исключительно важный вопрос, поднимаемый авторами, — это проблема «социальной инженерии». Они признают, что в данном процессе отражается не только желание установить контроль над обществом, но и проблема философского плана, заключающаяся в том, что важны не только средства, но и цели, ради которых эти средства применяются. В книге справедливо отмечается, что социальная инженерия применяется и в демократических обществах, но совершенно в иных целях, нежели в тоталитарных.

Хороший историк не только помнит даты, но и объясняет значение и контекст тех или иных событий. Авторы прекрасно ориентируются в исторических событиях, но, что еще важнее, приводят множество примеров из европейской и российской истории, прослеживающих сам процесс развития тоталитаризма. Они замечают, что определения у тех или иных явлений могут быть различными, но многие их существенные элементы схожи.

Во-вторых, авторы пишут о том, почему все эти разнообразные формы тоталитаризма были изначально обречены на провал. Они глубоко вникли в сущность тех социальных и технологических процессов, благодаря которым на разных исторических этапах возникали новые разновидности этого явления.

В-третьих (и это самое важное), авторы стараются донести до нас очевидную истину, что тоталитаризм не исчезает полностью, а лишь меняет формы, фразеологию

и внешнее обличье. Рост авторитарных движений, активизация сил — как левых, так и правых — проповедующих ненависть, возврат этих сил на политическую арену во многих странах — всё это должно служить серьезным предупреждением.

Люди хотят улучшения своей жизни, справедливости, прозрачности государственной власти. В условиях нынешнего глобального экономического кризиса, появления всё новых разделительных линий между классами, активизации борьбы между силами прошлого и силами будущего в международном масштабе, проблемы, поднимаемые в книге весьма актуальны и для простых граждан, и для правительств во многих странах.

Очевидно, что эта книга привлечет внимание широкой американской аудитории, ведь прямо или косвенно она затрагивает те дискуссии, которые ведутся в интеллектуальных кругах. Экономическое и политическое обновление общества, роль и полномочия правительства, способность отдельных групп манипулировать финансовыми ресурсами, доступом к политическим рычагам и средствам коммуникации, чтобы влиять на формирование общественного дискурса — всё это проблемы, которые в Америке так и не удастся разрешить.

Из всего того, что написано в этой книге, американцам следовало бы уяснить одно: демократия обретается медленно, но потерять ее можно быстро — еще до того, как общество осознает, что контроль над ним установили те или иные влиятельные группы, представляющие свои специфические интересы.

Авторы книги на достаточно высоком уровне провели анализ основных проблем, с которыми сталкивается любое общество. Но важнее всего их напоминание читателю, что демократия не гарантирована обществу на века, что если демократические силы и властимущие не смогут сдержать данные народу обещания лучшей жизни, то угроза тоталитаризма будет вновь и вновь появляться на горизонте, то и дело выглядывая из засады и никогда не отказываясь от того, чтобы вернуться к власти.

Тодд Лефко,
политолог, профессор, США

Тема 1
СУЩНОСТЬ ТОТАЛИТАРИЗМА

В научный оборот термин «тоталитаризм» ввели в 1923 году итальянский антифашист, один из лидеров Авентинского блока Дж. Амедолла и известный публицист и историк П. Гобетти. В лексиконе антифашистов этот термин приобрёл негативный смысл, став синонимом понятий «антидемократический», «репрессивный» и использовался в негативном смысле для критики сторонников лидера итальянских фашистов Б. Муссолини. Тем не менее, позже, в тремя годами позднее, в 1926 году, ведущий идеолог итальянского фашизма Д. Джентиле счёл возможным перенять данное понятие у своих политических оппонентов, полагая, что «тоталитаризм» наиболее точно выражает сущность и цель их политики — обеспечение единства личности, партии и государства во имя достижения высшей национальной цели. Кстати, сам Б. Муссолини также охотно использовал термин в своих выступлениях. Некоторые исследователи даже приписывали дуче авторство в изобретении этого термина. Но в данном случае речь могла идти лишь о плагиате с подменой понятий.

В энциклопедии Кирилла и Мефодия (изд. 1996 г.) читаем: «Тоталитаризм» (от лат. *totalis* — весь, целый, полный):

- 1) одна из форм государства (тоталитарное государство), характеризующаяся его полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией прав и свобод, репрессиями в отношении оппозиции и инакомыслящих (например, различные формы тоталитаризма в фашистской Италии, Германии, коммунистический режим в СССР, франкизм в Испании и др. — с конца 20-х годов XX века.);
 - 2) направление политической мысли, оправдывающее этатизм, авторитаризм.
- С 20-х годов XX в. тоталитаризм стал официальной идеологией фашистских Германии и Италии.

Как видим, применение в определении латинского «*totalis*» обязывает нас признать факт существования государства, способного осуществлять полный, стопроцентный контроль над всеми сферами жизни общества и гражданами. Возможно ли это? Безусловно, нет. Английский социолог С. Андрески писал в 1980-х годах, что по этому критерию ближе всех к 100-процентному тоталитаризму был СССР в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Гитлеровская Германия «потянула» у него на 85% тоталитарности накануне Второй мировой войны и на 95% в конце её; фашистская Италия была тоталитарной всего на 55%. При этом Андрески резонно полагал,

что даже Сталин не мог контролировать и подавлять абсолютно все и вся, включая мелкие воровские шайки, адюльтер, пьянство и т.д.

Следует отметить, что данное определение «тоталитаризма» было сформулировано ещё в годы «холодной войны» и активно использовалось в идеологическом противостоянии с Советским Союзом, который, как известно, американский президент Р.Рейган в начале 80-х именовал «империей зла».

Энциклопедическое определение тоталитаризма не отражает его главной особенности — возникновение этого типа общественно-политической системы не в силу естественных социально-экономических причин или силовым путём, а с помощью применения методов социальной инженерии.

Поэтому вряд ли возможно в полной мере согласиться с таким определением тоталитаризма, приводимым в популярных энциклопедиях.

Но в позднелатинском языке есть другой термин — «totalitas» (цельность, полнота), который, по мнению авторов, более точно отражает сущность дефиниции «тоталитаризм». Через призму этого понятия категория «тоталитаризм» может применяться для обозначения политического режима, тяготеющего к установлению абсолютного (тотального) контроля над всеми сторонами жизни общества. Именно такими были режимы Италии, Германии, Испании, СССР, стран Центральной и Восточной Европы и некоторых азиатских государств в период господства в них тоталитаризма.

Исторические корни тоталитаризма

Тоталитаризм как разновидность диктаторского политического режима, настолько уникального по способу формирования и ряду существенных характеристик, что большинство современных исследователей квалифицирует его как феномен XX века. Безусловно, явление это имеет свои политические, экономические, социальные и идеологические исторические корни. Ему присущи родственные связи с однотипными видами правления в прошлом. Причём, речь идет не только о деспотических режимах, но даже, как это ни парадоксально, и о демократических, когда их истинная сущность подменялась политическим фальсификатом, но при этом формально декларировалось демократическое развитие общества.

В рамках настоящего исследования вряд ли возможен доскональный анализ исторических корней появления в XX-ом веке тоталитарных режимов. Ясно, что на их возникновение и формирование оказали влияние национально-исторические традиции России и Германии, как стран, где многие столетия функционировали самодержавные формы правления, сформировались и действовали массовые народные движения, возникшие на основе тоталитарных идеологий. Их население постоянно ощущало комплекс неполноценности, отсталости в плане мирового цивилизационного развития. В Германии, в частности, это обстоятельство усугублялось и многовековой раздробленностью немецких земель. Фактически Германия сформировалась как единое государство лишь в конце XIX-го столетия в результате решительной победы Пруссии в Франко-прусской войне 1870 — 1871 гг. Известно, что положение Российской империи отягощалось наличием отсталого в социально-экономическом плане крепостного строя, отменённого в 1861 г. Во многих европейских странах крепостничество начинает исчезать ещё в средние века, а в тех же немецких землях в начале XIX-го века. В этом же ряду стоит и Италия. Рисорджименто — национально-освободительное движение на Аппенинском полуострове — завершилось лишь в 1870 г. с присоединением Рима к Итальянскому королевству.

Лидеры стран, с которыми в дальнейшем стало ассоциироваться понятие «тоталитаризм», стремились ликвидировать отсталость в процессе буржуазной модернизации, причём сделать это в невероятно короткие сроки и чрезвычайными методами.

(В случае с Россией уместно также вспомнить и реформы Петра I-го, которые также осуществлялись радикальными методами на рубеже XVII — XVIII веков). Речь, прежде всего, шла об осуществлении индустриализации в своих странах, как правило, в интересах создания современной военной промышленности.

Всё это способствовало формированию у многих поколений тех стран, в которых оформились тоталитарные режимы, терпимости к перманентному бедственному экономическому положению, позитивной восприимчивости к чрезвычайным жизненным ситуациям. Радикальные меры при решении возникающих проблем, которые в демократическом обществе разрешались поэтапными реформами, воспринимались как должное.

Заметим при этом, что два основных вида тоталитарных режимов — коммунистическо-сталинский и национал-фашистский не имели единой теоретической и идеологической основы и целостности. Скорее вместе они представляли из себя причудливую смесь разнородных теоретических и идеологических систем и элементов: новейших индивидуальных проектов, древних национальных мифов, романтизации насилия и вождизма, соединения господства и бунтарства, социальной активности и покорности, волюнтаризма и нивелировки личности. Все эти и другие идеи имеют глубокое историческое прошлое. Их легко обнаружить в трудах Ф. Ницше, Н. Фихте, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и др., которые «болели» за интересы своей нации, либо за судьбы малоимущих классов, наций или групп населения во всём мире.

Вместе с тем, в этих видах идеологических концепций тоталитаризма нельзя не выделить их общие черты. Как правило, тоталитарной идеологией является та, которая проповедует:

- а) исключительную роль какой-то общности;
- б) связывает с этой общностью какую-то чрезвычайную миссию (построить коммунизм, обеспечить мировое господство, преодолеть перманентный кризис, в кратчайшие сроки осуществить индустриализацию и т.п.);
- в) проповедует мысль, что лишь эта общность может возглавить процесс;
- г) содержит «образ врага», ибо борьба «против» лучше сплачивает людей, чем борьба «за».

Но по справедливому мнению Н. Загладина, парадокс заключается в том, что при определённых условиях любая идеология может обеспечить развитие общества к тоталитаризму. К примеру:

- национальная теория — стремление к развитию национальных культур, традиций, языка, к восстановлению ранее погрязших национальных прав может перерасти в воинствующий национализм, который нередко принимал крайние формы (объявление себя «высшей» нацией, которая призвана руководить другими);
- идеология гуманизма, сочувствия угнетённым, обездоленным, стремление улучшить их положение может привести (и приводило!) к «классовой войне» против всякого богатства, за уравниловку в распределении и т.п.;
- религиозная идея часто сопутствовала нетерпимости к другим религиям, что в историческом плане нередко сопровождалось ожесточённым религиозным противоборством, вплоть до крестовых походов XI — XIII столетий;

– идеология демократии может привести к запрету «недемократических» сил, либо к попытке навязать своё понимание демократии (социалистической или либеральной) другим народам.

Иными словами, ни одна идеология не обладает абсолютным иммунитетом к тоталитаризму.

Тоталитаризм характеризуется теоретической восприимчивостью, приспособляемостью к любой идеологии. Вместе с тем, политический режим обосновывает своё существование исходя из философских воззрений учёных и мыслителей прошлого.

Так, например, великий немецкий философ Г.Гегель своей волей разделил историю человечества на четыре мировые эры: восточную, греческую, римскую, и ... германскую. Поскольку римская эра давно миновала, выходит, что человечество не догадывалось о том, что оно давно живёт в германской эре.

Это дало повод доценту-историку Грейфсвальдского университета Э. Арндту, опубликовавшему в 1803 г. свой труд «Германия и Европа», выдвинуть идею объединения Германии под лозунгом «единства народа и государства». Эта цель, по его мнению, должна быть достигнута отнюдь не путём переселения немцев с других территорий на историческую родину. «Великая Германия» в этом случае простиралась бы от Атлантики до Урала. Так в духовную жизнь немецкого общества вошла идея пангерманизма, которую всемерно поддерживало пруссачество с его милитаристским духом. Эти идеи в последующем стали основой программы нацистов в гитлеровской Германии.

Можно рассмотреть пример и из прямо противоположной области. Так, в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, опубликованном в 1848 г., представлена научно-обоснованная концепция освобождения людей труда от капиталистического гнета и эксплуатации, фактически ставшая в последующем теоретической основой другого вида тоталитаризма — коммунистически-сталинского. Создатели этой теории положили в её основу идеи гуманизма и интернационализма. Основной задачей при этом было освобождение людей физического труда. При этом в качестве пути решения поставленной задачи они видели преимущественно революционное насилие, считая, что осчастливить всех обездоленных можно только в результате мировой революции. Позднее В. Ленин сформулировал идею о возможности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране. Эти и другие идеи марксизма-ленинизма в реальных условиях XX-го столетия были не только восприняты и частично реализованы, но и существенно деформированы в интересах тоталитарной власти: сохранив догматику и фразеологию марксизма-ленинизма, тоталитарный коммунистически-сталинский режим поставил их на службу достижения прямо противоположных целей — укрепления национального этатизма, задушившего свободу и демократию. Отчасти это можно было бы объяснить тем, что сталинская элита не в состоянии была решить сложную философскую проблему, которая досталась в наследство от отцов-основателей коммунистического учения. Государство, по мнению которых, должно постепенно отмереть, утрачивая одну за другой свои функции. И. Сталин столкнулся с объективной задачей укрепления государственных

институтов в определённый исторический период. Однако «вождь народов» преодолеть возникшую тенденцию не только не смог, но и не захотел, доведя идею до почти полного абсолюта.

Таким образом, тоталитаризм — явление современности, отличающееся рядом специфических признаков: унитарной идеологией, массовым народным движением, жестокой диктатурой и массовыми репрессиями, стремлением к тотальному контролю над обществом и личностью. Именно совокупность этих признаков выделяет тоталитаризм из системы родственных ему авторитарных режимов, из которых он может вырасти и в которые может, при наличии определённых условий, преобразоваться. Эти признаки не были присущи не только древним деспотиям, но и антидемократическим режимам нового времени. Вместе с тем, тоталитарные режимы исторически связаны со всеми формами правления, которые известны человечеству. Тоталитаризм, по сути, есть обратная сторона цивилизации, создавшей условия не только для развития демократии, но и для возникновения в причудливых формах антидемократических режимов.

Историческое место тоталитаризма

Единого мнения по этой проблеме нет. Многие исследователи рассматривают тоталитаризм вне времени и пространства, полагая, что он имеет глобальный характер и его без труда можно заметить, например, в Древнем Риме после правления Диоклетиана (П. Сорокин), государстве древних инков, правлении Птолемеев в Древнем Египте, в Японии периода династии Токугава (С. Андрески), в «гидравлических обществах» Древнего Востока (К. Виттфогель), Англии времён Тюдоров, Московской Руси времён Ивана Грозного (Л. Шапиро) и др. Ещё легче оказалось обнаружить «тоталитарные личности» среди политических деятелей. Чаще других разные исследователи к ним относят Кромвеля, Робеспьера, Сен-Жюста, Ивана Грозного, Петра I и др.

Разумеется, диктаторские режимы, в какое бы время и в каком бы регионе они ни существовали, имеют немало общих черт: все они не демократичны, применяют принудительные меры в управлении, не отличаются гуманизмом к собственному народу, агрессивны по отношению к другим государствам и др.

Не вызывает сомнения и то, что тоталитарные режимы имеют глубокие исторические корни, опираются на идеологические концепции, которые в разных регионах мира формировали общественное сознание граждан своих стран в духе национализма, пангерманизма, особой миссии пролетариата, якобы способного осчастливить весь трудовой мир путём построения коммунизма и т.п.

Однако признание сущностного сходства всех видов диктатур вовсе не означает их идентичности, более того, принципиальной разницы их отдельных видов. Именно таковыми являются диктаторские режимы тоталитарного типа, которым принадлежит особое место в истории.

Историкам хорошо известно, что диктатуры древности формировались естественным путём. Ведь в то время подавлять индивидуальность человека, лишать его собственности, заставлять подчиняться определённым порядкам никакой необходимости не было. Индивидуальность и отношения собственности ещё не сложились, человек ощущал себя частью определённой общности, а верования, обычаи, традиции, авторитет вождей воспринимались как нечто естественно данное и не подлежащее сомнению. Более того, люди в странах

с азиатскими деспотическими режимами оплачивали свой индивидуализм голодной смертью.

В этих условиях жёсткая централизация власти, концентрация скудных ресурсов в руках правящей элиты, олицетворявшей собой государство, были жизненной необходимостью, и, хоть как-то обеспечивали выживание максимума людей и минимальную защиту от стихии природы и набегов враждебных племён.

Поэтому первые государства могли существовать только как деспотии. Но даже это явилось величайшим прогрессом применительно к конкретному историческому периоду, хотя и имевшим свою оборотную сторону.

Деспотические режимы обеспечивали стабильность существования первых очагов цивилизации, и тем самым содействовали накоплению знаний, развитию культуры. Однако, они консервировали общество и вели к стагнации общественного развития и технического прогресса.

Историческое время в тех регионах, где сложился азиатский способ производства, шло чрезвычайно медленно, что обусловило формирование там совершенно нового типа культуры, религии и восприятия мира.

В отличие от этого естественного процесса тоталитарные режимы создавались волевым способом и для преодоления чрезвычайных ситуаций. Но решение этих задач, чаще всего, вовсе не являлось абсолютно необходимым условием для выживания населения. Более того, возникающие проблемы могли быть успешно разрешены и в условиях демократического управления. Речь шла, например, о преодолении последствий экономических кризисов, ускоренной индустриализации, милитаризации экономики с целью подготовки к войне и т.п.

Для тоталитарных режимов сверхзадачи были условием расширения функций государства, концентрации в его руках огромных ресурсов. Нет ничего удивительного в том, что тоталитарные государства, применяя методы социальной инженерии, воспроизвели в отдельных элементах механизмы власти, которые уже были известны человечеству.

Пожалуй, одним из самых убедительных аргументов в пользу того, что тоталитарные режимы представляют собой феномен XX века, является то, что до этого столетия просто не было необходимых условий и возможностей для формирования обществ диктаторского типа на основе социально разработанной идеологии и с помощью методов социальной инженерии. При этом диктаторская власть в большинстве тоталитарных стран установилась демократическим путём.

Только XX век создал инструменты социальной инженерии. Появившиеся во второй половине XIX — начале XX-го столетий средства массовой информации позволили внедрять в сознание людей любую идеологию, побуждающую к действию. Первая мировая война «научила» политических и военных деятелей проводить мобилизации колоссальных людских и материальных ресурсов для решения чрезвычайных задач.

Когда возможностями социальной инженерии в XX-ом столетии начали пользоваться фанатики, политические маньяки, цена оказалась слишком высокой, а результаты — трагическими для целых народов.

Тоталитаризм XX века и был продуктом неуклюжих, грубых попыток апробации рычагов социальной инженерии для претворения в жизнь химерических, нереаль-

ных планов осуществления мирового господства фашистов или курса на создание мирового коммунистического общества.

Однако, тоталитарные общества, созданные искусственно, в отрыве от эпохи, для которой диктатуры были органичны, или даже прогрессивны, не могли стать прочными и жизнеспособными и, в конечном итоге, проиграли обществам, развивавшимся по пути демократии.

Краткая историография проблемы

Историография тоталитаризма обширна. Претендовать на её сколько-нибудь обстоятельный анализ в рамках настоящей работы невозможно. На различных исторических этапах существовало несколько исследовательских школ, принципиально различающихся по своему подходу к оценке явления.

Все научные труды по тоталитаризму можно разделить на три основных группы:

1. Исследования западных обществоведов, которые имели возможность достаточно свободно публиковать результаты своих исследований проблемы уже в 1920–30-е гг.;
2. Работы советских исследователей, длительное время испытывающих на себе давление цензуры, которая препятствовала объективному рассмотрению коммунистическо-сталинской форме тоталитарного режима.
3. Труды украинских и российских авторов постсоветского периода.

Западная историческая наука уделила значительное внимание исследованию тоталитаризма. С середины 1920-х гг., когда в Италии сформировался тоталитарный режим и появился сам термин «тоталитаризм». До начала 1930-х гг. о нём писали в основном официальные лица страны, в первую очередь Б. Муссолини и идеологи тоталитарного режима Дж. Джентиле и А. Рокко, которые прославляли «тоталитарную волю» и «тоталитарную идею» фашистского движения. Однако, уже в начале 1930-х гг. в Европе были опубликованы труды других исследователей, представлявших не только политическую, но и научную элиту. Одной из первых основополагающих научных работ, посвящённых тоталитаризму, была монография австрийского экономиста П. Дракера (в 1933 г. эмигрировал в Англию), которая называлась: «Конец экономического человека. Исследование нового тоталитаризма». В этом труде П. Дракер утверждал, что массовые тоталитарные движения есть порождение протеста людей, слепо действующих в соответствии со стихийными законами капиталистической экономики (описанными ещё Марксом), породившими социальное неравенство. Автор впервые пришёл к выводу, что тоталитаризм подчиняет экономику политической воле.

Он одним из первых выделил основные формы тоталитарных режимов — фашистскую и советскую. По его мнению, и в будущем формой общественного раз-

вития останется такая политическая система, которая продолжит контролировать социально-экономическую сферу, но этот контроль будет осуществляться демократическим путём.

В годы Второй мировой войны интерес учёных к проблеме тоталитаризма заметно снизился. Однако уже в первое послевоенное десятилетие на Западе было издано немало трудов, посвящённых тоталитарному феномену. Авторами наиболее известных публикаций этого периода по проблеме были Х. Арендт, Т. Адорно, О. Хаксли, Дж. Оруэлл, С. Коэн, Зб. Бжезинский, К. Фридрих, Л. Шапиро, из русских эмигрантов Е. Замятин, А. Зиновьев, П. Сорокин и др.

Характерной чертой работ авторов этого времени являлось то, что в них тоталитаризм в основном рассматривался через призму анализа его отдельных черт и характеристик, таких, например, как исследование процесса внедрения тоталитарных идеологий в сознание людей, выявление причин эрозии структур гражданского общества, уступивших свои позиции тоталитарной власти, характеристике положения личности в тоталитарном обществе, стремящейся к самовыражению, её отношений с властью, диктовавшей «сверху» стереотипы поведения человека и др.

В целом исследования этого периода подготовили предпосылки для комплексного анализа тоталитаризма и обобщающей формулировки его основных признаков.

Впервые такая попытка была предпринята Ханной Арендт в изданной ею в США монографии «Происхождение тоталитаризма» (1951 г.). Однако наибольшее влияние на послевоенное поколение западных исследователей этой проблемы оказала работа американских политологов К. Фридриха (эмигрант из Германии) и Зб. Бжезинского, которая называлась «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956 г.). Авторы сформулировали следующие признаки тоталитаризма:

1. Политическая система опирается на тщательно разработанную официальную идеологию, которая пронизывает все жизненно важные сферы человеческого существования, содержит в себе безусловное отрицание господствующих в старом обществе порядков и призывает к сплочению граждан во имя построения нового общества, причём, если потребуются, то и насильственным путём, который способен обеспечить «счастливую» жизнь народу;
2. Существует единственная массовая партия, возглавляемая вождём, членство в которой открыто лишь для небольшой части населения. Эта партия обладает олигархической структурой и, как правило, либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо фактически полностью подменяет её;
3. Управление осуществляется посредством системы террора, направляемого партией и тайной полицией;
4. Средства массовой информации — пресса, радио, кино — находятся под жёстким контролем властей;
5. Средства вооружённой борьбы монополизированы партией и правительством;
6. Партия и правительство осуществляют централизованное руководство экономикой и большинством общественных организаций путём бюрократической координации их деятельности.

Вскоре после опубликования труда Фридриха и Бжезинского на Западе у ряда учёных-обществоведов возникли сомнения относительно универсальности

и полноты характеристики тоталитаризма в варианте его признаков, изложенных авторами.

Многие исследователи задались правомерным вопросом: являются ли все выделенные признаки обязательными и исчерпывающими для признания режима тоталитарным? Эти сомнения были обусловлены рядом обстоятельств:

во-первых, работа вышла в свет в годы обострения «холодной войны», поэтому всё, что присуще положительного тоталитарной системе власти, её успехи авторы «не заметили». Игнорировали они и тот очевидный факт, что значительная часть простого народа в тоталитарных странах поддерживала власть;

во-вторых, в признаках тоталитаризма, предложенных Фридрихом и Бжезинским, дана общая характеристика тоталитаризма, без учёта различия его основных форм: национал-фашистской и коммунистически-сталинской. А между тем эти режимы по ряду параметров были не столько схожими, сколько диаметрально противоположными, что нельзя было не учитывать;

в-третьих, авторы труда приписали тоталитарным режимам признаки, которые характерны не только любым диктаторским системам, но даже либеральным демократиям — например, контроль за вооружёнными силами и государственное управление экономикой;

в-четвёртых, в результате войны основные фашистские тоталитарные государства перестали существовать и опыт их довоенной деятельности стал достоянием истории, а, значит, не мог непосредственно влиять на послевоенную характеристику явления;

в-пятых, в СССР, олицетворявшем коммунистически-сталинскую форму тоталитаризма, после смерти Сталина происходили демократические перемены, слабо подпадавшие под его классическую характеристику. Поэтому жизнь вносила коррективы в понимание проблемы.

Начало этому процессу положили сами авторы этого труда: они внесли изменения в определение тоталитаризма, смягчая акценты относительно его одиозности, а с 1970-х гг. Зб. Бжезинский вообще перестал употреблять термин «тоталитаризм».

Западные исследователи, такие как Дж. Паломбаро, И. Дейгер, Р. Такер, А. Инкельс и др., в 1960-е — первой половине 1980-х гг. подвергли резкой критике признаки тоталитаризма, разработанные К. Фридрихом и Зб. Бжезинским. Они указывали на то, что их концепция заслоняет многообразие социально-исторических явлений и связей, сводит содержание и механику исторического процесса к действиям отдельных политических группировок и деятелей, изображает советское общество застывшим социальным организмом, а это не отвечает действительности. Сторонники этой точки зрения, по сути, были склонны отказаться от применения термина «тоталитаризм» в новых условиях, признавая существование самого явления в строго ограниченном времени и пространстве, когда и где действовали лидеры, пользовавшиеся неограниченной властью, и применялся массовый террор. Речь в данном случае шла лишь о признании «чистого», «абсолютного» тоталитаризма.

Но не все представители западной науки придерживались и придерживаются этой точки зрения. Ряд учёных этой школы полагают, что в новых условиях тоталитарная система себя не изжила полностью, а лишь существенно изменилась, приспособившись к конкретной обстановке.

К примеру, американский политолог Х. Линц, соглашаясь с тем, что постсталинские реальности в СССР и Восточной Европе не укладываются в рамки шести признаков Фридриха и Бжезинского, отметил, что это ещё ничего не значит. Просто, считал он, тоталитарная концепция недостаточно разработана, и что в своём классическом варианте она учитывала ужасы гитлеровского террора и массовых сталинских репрессий, но при этом недооценивала многие позитивные черты тоталитарных систем, которые привлекали к себе людей, в т.ч. и тех, кто имел полное представление и о худших проявлениях тоталитаризма.

Были недооценены также возможности эволюции тоталитаризма, существование его различных форм, не вполне чётко разграничивались грани между тоталитаризмом и просто недемократическими режимами.

В 1975 г. Линц предложил новые критерии признания системы тоталитарной.

Известный российский исследователь тоталитаризма Н. Загладин, следующим образом сформулировал эти признаки:

1. Сложился единый (но не обязательно монолитный) центр власти, определяющий рамки допустимого плюрализма в деятельности различных структур и групп, чаще сам создающий их с целью выявления оппозиции и контроля над ней, что превращает эти группы в чисто политические образования, не отражающие внутренней динамики развития общества, существующих в нём интересов;
2. Функционирует одна, целостная и более или менее интеллектуально обоснованная идеология, на основе которой определяется политика, или которой манипулируют, чтобы оправдать проводимую политику. Устанавливаются пределы, за которыми критическое отношение к господствующей системе взглядов воспринимается как ересь, подлежащая наказанию. Идеология выходит за рамки обоснования политических программ, включает в себя претендующие на универсальность истолкования социальной реальности, высшей цели и смысла существования общества и отдельного человека;
3. Партия и многочисленные контролируемые ею вспомогательные структуры поощряют, вознаграждают и направляют активное участие граждан в выполнении политических и социальных функций. Пассивное повиновение и апатия, согласие людей с ролью отверженных и управляемых, к чему стремятся многие авторитарные режимы, рассматриваются правителями как нежелательные.

В последнее тридцатилетие на Западе возникло новое течение среди исследователей тоталитаризма. Это работы по тоталитарному и неототалитарному периодам таких авторов, как М. Харт, А. Негри, Янн Епплбом, К. Гайден, С. Куртуа, Н. Верт, А. Пачковский, К. Бартошек и многих других.

Результатом их исследований явилось то, что на обсуждение научной общественности было представлено немало новых аспектов характеристики тоталитаризма.

Авторы стремятся не употреблять термин «тоталитаризм» в научной лексике, а сам режим квалифицируется ими как специфический тип современной власти в век массовой демократии, которая держит население под контролем с помощью разнообразных средств, особенно террора. Некоторые исследователи предлагают поставить в один ряд с тоталитарными системами XX-го века разного рода диктатуры,

деспотии, аристократические режимы, бонапартистские системы и полицейские государства.

Есть немало других современных публикаций на Западе, авторы которых относительно тоталитарных и посттоталитарных обществ и политических режимов далеко не всегда соглашались с выводами своих предшественников. Это означает, что вместе с неототалитаризмом формируется и его идеологическая основа, призванная оправдать существование режима.

Подводя итоги краткого анализа историографии тоталитаризма в странах Запада, можно сделать вывод о том, что именно там были достигнуты реальные результаты исследования этого сложного явления. Вместе с тем, природа тоталитарных обществ и режимов, причины их создания в век господства демократии, их существенные характеристики, историческое место, результаты деятельности и многие другие принципиальные проблемы до сих пор остаются предметом острых дискуссий, столкновений различных точек зрения, в т.ч. концептуального характера, что приближает обществоведов к выработке единых, научно-обоснованных оценок тоталитарного феномена.

Советская историография в исследовании тоталитаризма явно не преуспела. На пути этого процесса стояли политические и идеологические факторы. Начиная с 1930-х годов и вплоть до «перестройки» середины 1980-х годов советские обществоведы, а затем и обществоведы социалистических стран, вынуждены были проповедовать официальные концепции своих коммунистических партий, согласно которым тоталитарным мог быть только политический режим, порождённый капитализмом на Западе, а социалистические государства якобы представляли собой общества подлинной демократии. Эта концепция была заложена в определении фашизма, принятом на XIII пленуме Исполкома Коминтерна в 1933 г. В нём указывалось, что «фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала».

Согласно этому определению, фашизм, а значит и тоталитаризм есть уродливое детище капитализма, причём, якобы находящегося в стадии загнивания и упадка. А между тем, уже в 1930-х гг. даже среди лидеров Коммунистического Интернационала были теоретики и политические деятели, которые указывали на явные существенные сходства режимов, сложившихся в Италии, Германии и СССР (А. Грамши, П. Тольятти). Однако считалось, что эти сходства носят чисто внешний, формальный характер. Поэтому, если в Коминтерне, а также среди советских обществоведов, и возникали какие-то дискуссии вокруг тоталитаризма, то все они касались обсуждения только его национал-фашистской модели. Попытки выйти за рамки официального подхода в оценке советской политической системы, как правило, завершались репрессиями против учёных, в лучшем случае их высылкой из страны, в худшем — физическим уничтожением.

Начавшаяся в 1985 г. в СССР «перестройка» вызвала лавинообразный поток новой литературы по проблеме. Правда, на первых порах она не отличалась высоким качеством. На страницах периодических изданий и в научных кругах развернулась широкая дискуссия вокруг сталинизма, которая, хотя и позволяла взглянуть на про-

блему без идеологических шор, тем не менее, не могла выйти из под влияния традиций повторения официальной точки зрения по любой теоретической проблеме. Многие статьи, опубликованные, например, в серии сборников, изданных под рубрикой «Перестройка: гласность, демократия, социализм», судя по их содержанию, были написаны не ради поиска истины, а с надеждой «очиститься» от сталинизма и вернуться к «гуманному, демократическому» социалистическому будущему. Были, конечно, среди них в теоретическом плане и новаторские труды. К примеру, в сборнике этой серии «Иного не дано» (1989 г.) в статье Л. Гозмана и А. Эткинда обоснованно утверждалось, что тоталитарная система создаёт культ личности, что подлинный смысл тоталитаризма — в культе власти, тяготеющей к абсолютному контролю над обществом, что с течением времени тоталитарные режимы слабеют, дряхлеют, превращаясь в конечном итоге в авторитарные.

Однако, уже в начале 1990-х гг., сразу после распада СССР, в постсоветской историографии появился ряд серьёзных, заслуживающих позитивной оценки работ по тоталитаризму. Среди них следует упомянуть статьи Н. Загладина, опубликованные в трёх номерах журнала «Кентавр» под общим названием «Тоталитаризм и демократия: конфликт века». В них автор уделяет внимание историографии проблемы, излагает свою позицию по принципиальным вопросам сущности тоталитаризма, прослеживает исторический опыт становления тоталитарных систем в Италии, Германии, Советском Союзе, странах Восточной и Центральной Европы, даёт сравнительный анализ основных параметров тоталитарных обществ, анализирует факторы заката тоталитаризма и посттоталитарные тенденции в современном мире. Идеи, изложенные в статьях, а затем и монографии, посвящённой этой проблеме, близки нашему взгляду на анализ проблемы тоталитаризма, и мы используем научные достижения автора в данной монографии.

В то же время в постсоветской историографии тоталитаризма появилось немало других заслуживающих внимания публикаций российских авторов. Среди них работы Ю. Афанасьева, Г. Бардюгова, А. Бутенко, П. Волобуева, Д. Волкогонова, К. Гаждиева, Л. Гордона, А. Галкина, В. Иноземцева, Ю. Игрицкого, С. Кара-Мурзы, Ю. Корякина, Э. Клопова, Р. Медведева, А. Миграняна, Д. Проэктора, О. Платонова и многих других, труды которых существенно обогатили постсоветскую российскую историографию тоталитаризма. Эти авторы, так или иначе, пытались ответить на главный вопрос: так всё же тоталитаризм, и, прежде всего, деформированный социализм в СССР и других странах, живших после войны по его законам — что это? Большинство исследователей не сомневаются в том, что в сталинский период в СССР имела место тоталитарная система управления, а в послесталинский — разные авторы советский политический режим называют как «командно-административный», «административно-командный», «командно-бюрократический», «административно-бюрократический» и т.д. Все эти определения лишь констатируют факт, что после смерти Сталина «чистый тоталитаризм» в СССР перестал существовать, однако они не содержат ответа на вопросы: когда, почему, в каких конкретно масштабах это произошло. Исследование этой проблемы в российской историографии продолжается. Наиболее существенные результаты этого процесса нашли отражение в коллективной монографии российских исследователей, которая называется «Тоталитаризм

в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их последствия», опубликованной в 1996 году.

Читатели, ознакомившись с этой монографией, обогатят себя знанием истории возникновения и генезиса тоталитарных режимов в разных странах, примут виртуальное участие в дискуссиях специалистов, исследующих эти проблемы на современном методологическом уровне. В качестве позитивного момента следует отметить, что авторы монографии в целом признают феноменальность такого исторического явления, как тоталитаризм, ограничивая его хронологическими рамками XX века. При этом в работе приводятся многочисленные свидетельства исторической взаимосвязи любых других диктатур с тоталитарными режимами современности.

В последние два десятилетия активизировались исследования тоталитаризма на Украине. Начало этому процессу положило проведение в Харькове в сентябре 1993 г. международной конференции «Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20 — 80-е годы XX века)», на которой были представлены многочисленные доклады и сообщения историков из России, Украины, других стран Европы. Материалы конференции в 1994 и 1995 гг. были опубликованы в двухтомнике.

Сегодня уже можно говорить о том, что заложен фундамент украинской школы изучения тоталитарного и неототалитарного феномена.

По тематическому содержанию публикации украинских авторов по этой проблеме можно разделить на две группы.

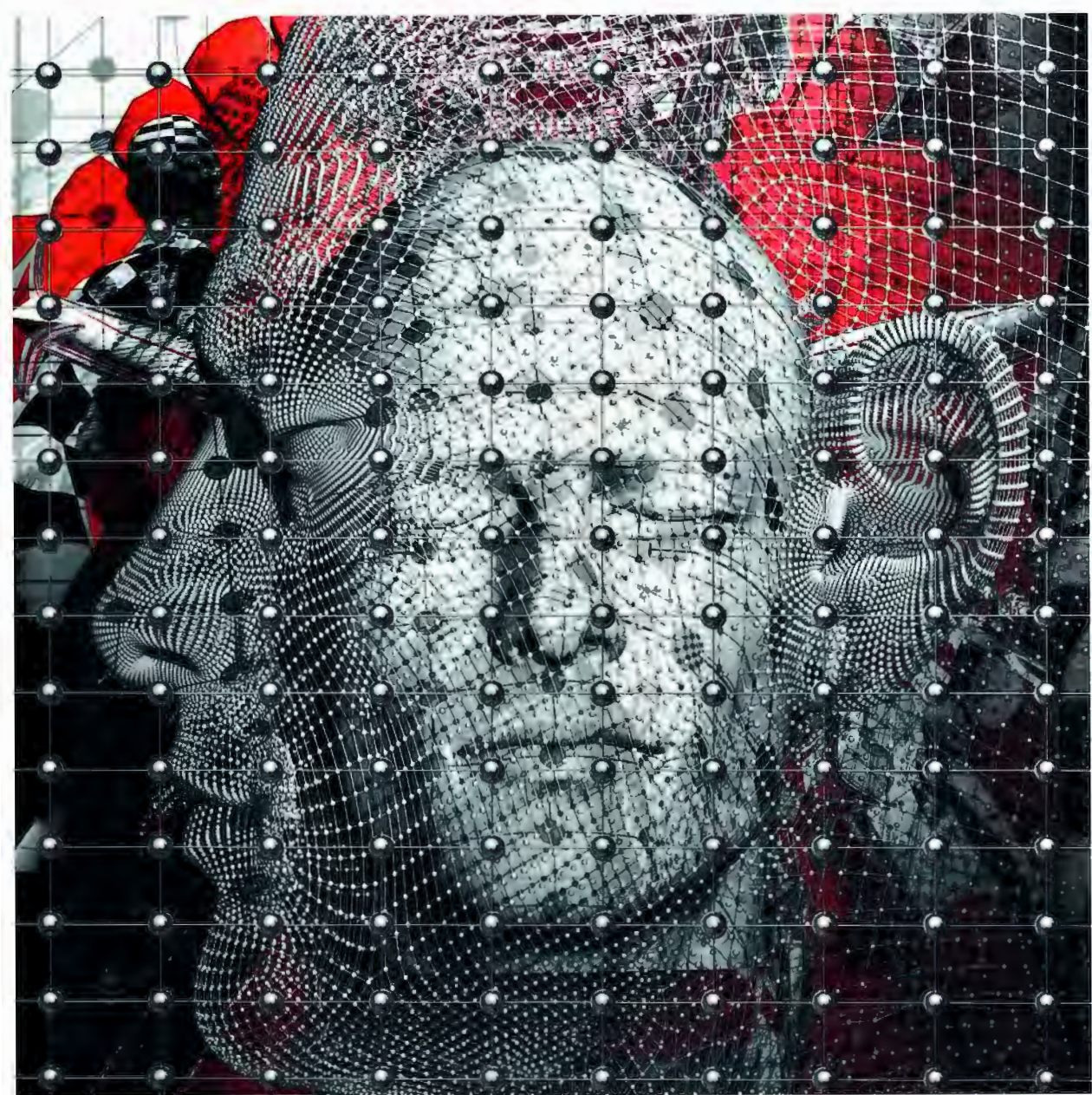
К первой группе относятся труды историков, как правило, старшего поколения, среди которых И. Билас, В. Даниленко, М. Коваль, И. Курас, С. Кульчицкий, Ю. Шаповал и др. Их работы в большей степени посвящены критике советской модели тоталитаризма и идеологическому обоснованию официального политического курса украинской власти, сделавшей в 1990-е гг. поворот в сторону резко отрицательных оценок событий, фактов и процессов советской истории, деятельности центральной советской власти и её политики по отношению к Украине. В работах этих авторов украинский народ представлен как жертва политики тоталитарного коммунистического режима СССР, как объект политического, экономического, социального и национального неравноправия и преследования, которые, иногда, (например, в период голодомора 1932-33 гг.) по их мнению, принимали даже форму геноцида. С этой позицией однако, согласны далеко не все учёные-обществоведы. Эту оценку голодомора на Украине отказались принять ООН и многие парламенты цивилизованных государств, тем не менее, именно эти идеи длительное время доминировали в украинской исторической науке по этой проблеме.

Труды второй группы историков, политологов, социологов, правоведов, среди которых В. Баран, С. Вонсович, С. Грабовский, Б. Демьяненко, О. Дергачев, О. Долженков, Г. Крючков, С. Киселёв, В. Кулик, Т. Метелёва, В. Полохало, М. Попович, Г. Почепцов, Ф. Рудич, В. Смирнов, Д. Табачник, И. Терлецкая, Г. Чернявский, Б. Ярош и многие другие, отличаются меньшей степенью политизации и посвящены в своём большинстве дальнейшему исследованию тоталитаризма с выделением исторического, социологического, политологического и правового аспектов.

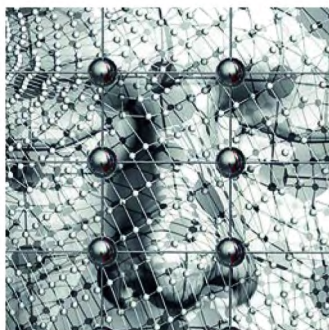
В этих работах содержится заметный вклад в решение дискуссионных проблем, уделяется значительное внимание анализу неототалитаризма, показывается его реальная угроза для украинской демократии, которая, в условиях перманентного экономического и политического кризиса в стране подвергается реальной опасности замены демократических институтов власти неототалитарной формой правления.

Таким образом, тоталитаризм XX века стал объектом глубокого анализа в трудах западных, советских и постсоветских исследователей. В публикациях по этой проблеме нашли достаточно глубокое отражение сущность тоталитаризма, его исторические корни, феноменальность как особой формы диктатуры, сформированной в ряде стран Европы и Азии на идеологической основе и с применением методов социальной инженерии, особенности тоталитарных режимов на различных этапах развития и в разных странах, проанализированы причины исторической бесперспективности тоталитаризма, и, в то же время, живучести неототалитарных идей и движений и многие другие аспекты проблемы.

Вместе с тем, это явление нельзя считать изученным в полной мере. Интерес к нему со стороны современных исследователей достаточно большой. Появляется и много новых публикаций, которые обогащают историографию проблемы.

Тема 2
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
СТАНОВЛЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ,
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ ТОТАЛИТАРИЗМА

Италия

Италия — родина фашизма, как одной из основных разновидностей тоталитаризма. Следует напомнить, что в советской историографии фашизм в одинаковой степени ассоциировали как с Италией, так и с Германией 1933 — 1945 гг. Это естественно, поскольку трудно отрицать общность политических режимов Б. Муссолини и А. Гитлера. Вместе с тем, на взгляд многих современных исследователей тоталитаризма, между ними всё же было меньше общих черт, чем между германским и советским режимами.

Возникновение фашизма в Италии было обусловлено рядом внутренних и внешних предпосылок.

Во-первых, в итальянском обществе националистическая идеология и националистические движения имели глубокие исторические корни. Начиная с конца XVIII столетия национально-освободительное движение итальянского народа против австрийского гнета и за объединение итальянского государства, вошедшее в историю под названием *рисорджименто* (буквально — возрождение) несло в себе идею сильного национального государства, стоящего над людьми, местными и групповыми интересами. В конце XIX — начале XX веков итальянские националисты в печати обличали современный им строй в одряхлении, чрезмерной «гуманности» и противопоставляли ему в деле возрождения «великой Италии» сильную героическую личность — вождя.

Очередным шагом в развитии правого экстремизма в стране было создание в 1910 г. Итальянской националистической ассоциации, главный идеолог которой А. Рокко объявил национализм явлением «революционным», отстаивал корпоративизм («национальную солидарность производителей»), огосударствление профсоюзов (синдикатов) и экономический протекционизм. В дальнейшем во взглядах итальянских националистов стали объединяться лозунги абсолютной ценности государства — нации с социал-дарвинистскими мотивами выживания и торжества «сильнейших».

Помимо национализма и консервативного романтизма, одним из источников итальянского фашизма стало движение «футуристов» — авангардистское и антитрадиционалистское художественное течение, которое проповедовало индустриализм, провозглашало конец «господства человека» и человеческих чувств, воспевало век

техники и скорости. С фашизмом его роднит также призыв к радикальному разрыву с прошлым: его ценностями, нормами, музеями и библиотеками. Этот радикализм футуристов сопровождался неприкрытым социал-дарвинизмом: по их взглядам этические принципы и гуманистические традиции хороши для «хилых, калек и арестантов», не имеющих будущего, но не для молодых, сильных и живущих в полную силу людей. Футуристы были рьяными националистами и поборниками внешней экспансии. У футуристов итальянский фашизм взял свою революционаристическую и прогрессистскую тональность, которая существенно отличалась от мистического расизма германского нацизма.

Во-вторых, Италия, также как Германия и Россия, относилась к странам, где процесс индустриализации задержался и, поэтому, осуществлялся ускоренными темпами. Это предопределило формирование массового общества, которое постоянно решало задачи чрезвычайного характера. Человек в этом обществе изначально чувствовал себя не как полноценный индивид, а как участник массовой ментальности, который обязан жить по законам и правилам, далеко не всегда отвечающим его интересам.

В-третьих, в конце XIX — начале XX веков в Италии сохранялось немало черт традиционного (аграрного) общества. Индустриализация в это время коснулась в основном Севера страны, Юг же оставался преимущественно аграрным. Тесное переплетение индустриальных и аграрных традиций, огромное влияние на все стороны жизни общества латифундистов, позиции которых были сильны как на Юге, так и на Севере, в условиях кризисных ситуаций далеко не всегда способствовали поиску рационального демократического выхода.

В-четвёртых, после объединения Севера и Юга в стране не был решён национальный вопрос, что усиливало национализм, как идейную основу будущего фашизма. На государственном языке (литературном итальянском) говорил лишь небольшой процент населения, большинство же людей говорило на диалектах, причём южане, например, до сих пор считают неаполитанский диалект отдельным языком.

В-пятых, на возникновение фашизма в Италии, как и в целом в Европе, огромное влияние оказала Первая мировая война, породившая в стране глубочайший экономический и политический кризис. Финансовая система страны войной была подорвана. Внешний долг Италии к концу войны составил 19 млрд. лир. Военные расходы в 1918 г. поглощали до 80% бюджета (46 млрд. лир). Золотой и валютный запасы были практически полностью истрочены на закупку стратегических материалов и вооружения. Это привело к неконтролируемой инфляции. Недостаток средств в казне вёл к лавинообразному банкротству предприятий. Так, в 1919 г. банкротами стали 500 предприятий, в 1920 — 700, в 1921 — 1800, в 1922 — 3600, а в 1923 г. — 5700. В этих условиях стремительно росли безработица и массовое обнищание крестьян. К примеру, если в 1920 г. в Италии насчитывалось 150 тыс. безработных, то в 1922 г. — 407 тыс.

Всё это стало благодатной почвой для усиления массовой ментальности, проявлявшейся в спонтанных погромах продовольственных магазинов, самовольном захвате земель и т.п. На этом фоне происходило оживление деятельности радикальных организаций, манипулировавших народной массой в своих политических интересах.

В свою очередь неконтролируемая активизация масс неизбежно вела к перерастанию экономического кризиса в политический. Король Италии, правительство

и парламент оказались неспособными урегулировать ситуацию. Этим воспользовались радикалы и националисты, выступавшие с шовинистическими лозунгами.

Таким образом, после Первой мировой войны в Италии создались условия, которые способствовали возникновению фашизма. Главными среди них были: слабость итальянского государства в проведении им внутренней и внешней политики; последствия «искалеченной победы» в Первой мировой войне; активное массовое движение трудящихся в 1919 — 1920 гг.; рост численности и влияния левых партий; крушение идеалов и стереотипов довоенного времени в массовой психологии итальянцев.

Фашизм в Италии возник в 1919 г. В марте этого года в Милане, а затем и в других городах, были созданы первые фашистские организации, которые стали называться боевыми союзами (по-итальянски — фаши ди комбаттименто).

Характерной чертой фашистов изначально была политическая демагогия, рассчитанная на привлечение на свою сторону широких слоёв народа. Среди начальных демагогических лозунгов значились: ликвидация монархии, отмена титулов, введение налога на крупный капитал, установление 8-ми часового рабочего дня, упразднение обязательной воинской повинности, аграрная реформа по принципу «Земля тем, кто её обрабатывает».

В своей среде фашисты ввели военизированную форму одежды — чёрные рубашки, особую организационную структуру — легионы, когорты и древнеримское приветствие — взмах протянутой вверх прямой руки. С помощью этих нехитрых приёмов фашисты хотели разжечь националистические настроения народа в области внешней политики, сузить влияние на общественно-политическую жизнь революционного движения и его партий, обеспечить себе помощь и поддержку влиятельных монополистических кругов и верхушки армии.

Но на начальном этапе, в 1919 — 1920 гг., этих целей фашистам достичь не удалось, их демагогическая пропаганда массового успеха не имела. Численность фашистских союзов не превышала нескольких тысяч человек. В это время лидером итальянских фашистов становится Бенито Муссолини — в прошлом участник социалистического движения, отъявленный безбожник, уехавший в эмиграцию в Швейцарию, однако после возвращения в Италию он вступает в социалистическую партию и успешно занимается журналистикой. В 1912 г. Муссолини стал главным редактором социалистической газеты «Аванти». С началом Первой мировой войны он покидает социалистическую партию и в 1919 г. становится инициатором образования фашистских союзов (итал. *fascismo* от *fascio* — пучок, связка, объединение), в составе которых были сформированы вооружённые отряды, предназначенные для разгрома рабочих и демократических организаций.

Число фашистских союзов, их влияние в условиях послевоенного экономическо-го кризиса быстро росло: если осенью 1920 г. в стране было 200 фашистских союзов, то через год их количество выросло в 10 раз. В мае 1921 г. фашисты получили около 7% мест в парламенте, а через полгода (ноябрь 1921 г.) на съезде фашистских союзов в Риме была образована «Национальная фашистская партия». С этого времени началась подготовка фашистов к захвату власти. С помощью социальной демагогии, провокационных лозунгов типа: «Земля тем, кто её обрабатывает», «Установление

сильной власти» и им подобных, используя тяжёлое экономическое положение страны, фашисты привлекли на свою сторону значительную часть населения разных социальных слоёв и сумели продемонстрировать свою силу и влияние путём организации т.н. «похода на Рим», в котором участвовали 25 тыс. чернорубашечников. Не встретив сопротивления, колонны фашистов 30 октября 1922 г. вступили в «Вечный город». По сути это была «бескровная революция», вынудившая короля предложить Муссолини пост главы правительства. Италия, таким образом, стала первой страной в Европе, в которой начал устанавливаться авторитарный, а затем и тоталитарный режим фашистского типа. Именно эта страна открыла дорогу волне европейского фашизма.

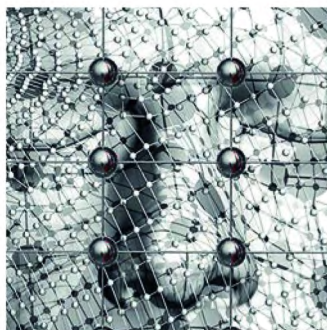
Путь Италии к тоталитарной диктатуре сопровождался поэтапным захватом властных функций фашистской партией и её лидером. Важным рубежом на этом пути стало 3 января 1925 г., когда новое правительство Италии было сформировано только из фашистов, а Муссолини заявил, что борьба между правительством и оппозицией будет силовой.

Очередное пятилетие (1925 — 1929 гг.) явилось начальным этапом на пути страны к полному тоталитаризму. В 1926 г. в Италии была установлена монополия одной партии, одной печати, одной идеологии — фашистской. Партия постепенно приобретала олигархический характер, срашиваясь с государством.

В 1929 году Муссолини коренным образом перестраивает структуру государства, создавая вместо самоуправляющихся демократических институтов (парламент, партии, профсоюзы) новую, корпоративную структуру, при которой и государственные и общественно политические организации оказываются в общей пирамиде власти со строгим управлением по вертикали сверху вниз. В 1929 г. парламент был распущен.

Очередное десятилетие (1929 — 1939 гг.) в истории Италии отмечено дальнейшей концентрацией политической власти и возрастанием её контроля над экономикой и обществом, усилением роли фашистской партии в государстве, ускоренным процессом т.н. «фашизации» масс. В эти годы идеология окончательно стала обслуживать тоталитарный режим, проявилась экспансионистская сущность итальянского фашизма. Его сторонники объявили себя наследниками Древнего Рима и провозгласили «новую цивилизацию», к которой, якобы, должно прийти всё человечество.

Для итальянского тоталитарного режима, как, впрочем, и для аналогичных режимов в других европейских странах, была характерна организация репрессий в отношении своих противников. Так, последовательные критики итальянских фашистов, впервые употребившие в своих публикациях термин «тоталитаризм» Дж. Амэндола и П. Гобетти были жестоко избиты в 1925 г. чернорубашечниками. Тем не менее, Муссолини по сравнению с другими диктаторами не столь широко использовал карательные меры. Разумеется, всех, кто сопротивлялся режиму, подвергали аресту и отдавали под суд особого трибунала. После вынесения приговора осуждённых обычно отправляли в тюрьмы (некоторые граждане просидели по 17 лет) или в ссылку на острова. С 1927 по 1935 год трибуналом было осуждено 2947 антифашистов. Но расстрелы применялись не часто. Например, смертный приговор был приведён в исполнение в отношении 4-х лиц, покушавшихся на жизнь дуче.

Германия

Становлению тоталитаризма в Германии, так же как и в Италии, предшествовал длительный период зарождения и нарастания националистических настроений и националистических движений. Этот процесс стимулировался ещё войнами с Наполеоном в начале XIX века, а затем движением за объединение страны. А. Мюллеру и другим представителям германского политического романтизма, государство представлялось выразителем мифического духа нации и воплощением её потребностей, а поэтому они требовали создания единого, сильного германского государства, способного обеспечить реализацию идеи немецкого превосходства и сохранения в стране средневековых феодальных порядков.

Эти идеи были в известной степени реализованы в процессе объединения страны под эгидой Пруссии путём династических войн. Так «железом и кровью» в конце XIX-го века была создана Германская империя, представлявшая собой милитаристское, националистическое и деспотическое государство, власть в котором принадлежала консерваторам во главе с рейхсканцлером О. фон Бисмарком. Канцлер рассчитывал на поддержку землевладельцев и других слоев населения, предрасположенных к борьбе с капиталистической тенденцией развития страны. Чтобы сдержать рабочее движение, власти выдвинули идею «государственного» социализма как средства решения социальных проблем «сверху», путём реформ, осуществляемых монархическим режимом. Однако, проведённые Бисмарком в конце 70-х гг. XIX-го века реформы не дали желаемого результата, а лишь усилили симпатии народа к социал-демократии. Вместе с тем, в немецком общественном сознании сохранялась мысль о том, что именно монархия могла бы послужить для мелкого собственника защитой от крупного капитала, особенно находящегося в руках евреев.

На основе идеи воинствующего антисемитизма в 1878 г. придворным пастором А. Штекером в стране была основана монархическая «Христианско-социальная рабочая партия», которая претендовала на защиту интересов трудящихся и вообще «маленьких людей». Вместе с ней возникали и более радикальные антисемитские движения, в состав которых входили представители мелкой городской буржуазии, ремесленников, крестьян, люмпен-пролетариев. В этой среде, особенно в условиях кризиса экономики, появлялась болезненная реакция на капиталистическое

развитие, причём недовольство целенаправленно фокусировалось на конкурентов — евреев и на «еврейство» вообще. Так, постепенно антисемитизм всё более приобретал расистское и экономическое обоснование. Многие крупные торговцы и банкиры Германии всячески поддерживали националистические союзы и партии.

Очевидно, что это был «предфашизм», причём не только идейный, но и организационный. Первая политическая организация движения «Лига антисемитов» имела тайное членство и была построена на жёстких принципах вождизма. Эта организация собрала сотни тысяч подписей под петицией, требовавшей ограничения гражданских прав евреев.

В 1880 г. организованные «Лигой» банды устроили серию еврейских погромов. Вместе с «Лигой антисемитов» в последней трети XIX столетия в стране появились другие антисемитские организации, такие, например, как «Социальная имперская партия», «Немецкая партия реформ» и др. Все они требовали ограничения «еврейского элемента» в экономике, ликвидации «привилегий мобильного крупного капитала», прекращения эксплуатации немецких рабочих «еврейским капиталом».

В конце XIX-го века антисемитские организации начали объединяться. Так, в начале 1880-х годов возникло международное объединение антисемитов из Германии, России и Австро-Венгрии, которое провело в Дрездене два международных конгресса. В это же время было проведено объединение антисемитских союзов.

В 1886 г. в стране по инициативе и «под руководством» Т. Фрича было сформировано «Немецкое антисемитское объединение», программа которого предусматривала создание «немецко-социального» государства с сильной императорской властью, ограничением демократических свобод и экспансионистской внешней политикой. Участники движения не только проповедовали крайний национализм, но и требовали ограничить свободу предпринимательства и крупной торговли с помощью мер жёсткого «государственно-социалистического» регулирования.

В последующие годы в антисемитском лагере происходили расколы и объединения. С 1890 г. он был представлен в германском парламенте. В 1914 г. группировки антисемитов слились в движение «дойч-фёлькише», которое опиралось на многочисленные организации — молодёжные, спортивные, рабочие и крестьянские. Расистские, националистические и экспансионистские идеи этого движения пользовались поддержкой властей и таких объединений, как «Пангерманский союз».

«Фёлькише» развили и довели до крайности «идеологию крови и почвы» с её теорией об особых качествах германской нации, призванной обеспечить ей мировую гегемонию. Обскурантизм (мракобесие) и реакционно-консервативные черты, воспевание древнегерманских доблестей сочетались в ней с заимствованиями из самых модных учений — «расовой школы» (С. Чемберлен, Ланге, Либенфельс), социал-дарвинизма, мистической «теософии» и «ариософии» (Г. фон Лист). Всё это в соединении с представлениями о сильном государстве как выразителе идеи нации, с антисемитизмом, апологетикой «национального труда» и «национального производящего капитала», составило впоследствии идейную базу германского национал-социализма, который непосредственно вырос на движении «фёлькише» и оккультно-расистских организаций, таких как «Германский орден», «Орден рыцарей святого Грааля» и «Общество Туле». Именно последнее, проповедовавшее смесь тибетских священных

книг, эзотерических учений мага Гурджиева и немецких оккультных орденов, стало центром мюнхенских «фёлькише» и избрало своим символом арийскую «свастику».

Таким образом, немецкий фашизм с момента своего зарождения имел прочные идейные и политические основы. В сочетании с неблагоприятными для Германии последствиями Первой мировой войны, фашизм получил все шансы не только к возникновению в качестве идеологии, но и к организации на её основе политической партии, которая, как показали дальнейшие события, оказалась довольно успешной в борьбе за власть.

Первые фашистские организации в Германии возникли в 1919 году. Среди них, организованный слесарем Антоном Дрекслером кружок (в его составе было 6 чел.). Его целевые установки — сильное государство, сильная власть, возрождение армии, возвращение Германии прежних границ — весьма понравились Гитлеру, и он стал его седьмым членом. С этого времени начинается новый этап в истории германского фашизма. В 1920 году была образована Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП). Её программные установки А. Гитлер 24 февраля 1920 года первоначально изложил в пивном баре «Хофбройхаус», а затем в окончательном варианте сформулировал в книге «Майн Кампф».

Квинтэссенцией нацистской программы, как и программ фашистской итальянской партии и фалангистов Испании, явилась переоценка роли нации и государства. Нация в ней определялась как вечная реальность, независимая от входящего в неё народонаселения и от перипетий истории. Правда, в документах НСДАП идея вечности нации присутствует в тот период не столь явно. Однако открыто проповедуется расизм. Немцы определяют общностью крови. Постоянство крови лежит в основе вечности нации. Сохранение чистоты крови объявляется основной национальной целью. Гитлер утверждал: «кровосмешение и соответствующее понижение расового уровня является единственной причиной вымирания древних цивилизаций; люди гибнут не в результате проигранных войн, а из-за утраты сопротивляемости организма, которая присутствует лишь в чистокровной личности. Все, кто не принадлежит к высшей расе, составляют отбросы».

Не вдаваясь в подробности нацистской программы, назовём её основные идеи: а) преимущественный, целостный примат национализма и расизма; б) пангерманизм; в) существенная роль армии; г) обличение либеральной парламентской системы; д) стремление к обновлению политических нравов; е) корпоративный принцип построения общества; ж) признание частной собственности, но обличение порождаемых ею злоупотреблений; з) предпочтение, отдаваемое мелким и средним предприятиям; и) проблема борьбы классов снимается путём национальной солидарности; к) национальная роль школы; л) обновление ведущих слоёв общества через индивидуальные усилия и образование; м) интеграция индивидуума в определённый ряд сообществ; н) утверждение независимости государства от церковных организаций.

Именно с этой программой германские нацисты в 1920-е гг. начали свой поход к власти. Их путь к властному Олимпу, по сравнению с итальянскими фашистами, был более длительным и трудным.

В начале география политической деятельности НСДАП ограничивалась Мюнхеном, а численность партии росла медленно. В 1919 г. в ней насчитывалось не более

100 чел., в 1920 г. благодаря изданию своей газеты «Фелькишер беобахтер», она увеличилась до 3000 чел. В 1921 г. партия создала свои штурмовые отряды, её единоличным лидером стал А. Гитлер. К 1923 г. в партии было уже 56 тыс. членов. Это свидетельствовало о том, что НСДАП удалось выделиться среди других многочисленных схожих группировок, в т.ч. за счёт демагогических лозунгов, жёстких и беззастенчивых методов борьбы с компартией Германии, которую поддерживала часть рабочего класса страны. На этом этапе партии Гитлера удалось привлечь на свою сторону симпатии властей. С их точки зрения, коммунисты представляли для общества значительно большую угрозу, чем фашисты. К тому же компартия усугубила своё положение в результате попытки коммунистов в октябре 1923 года захватить власть в стране вооружённым путём (Гамбургское восстание).

В этих условиях, используя опыт итальянских фашистов, которые пришли к власти в результате «Марша на Рим», фашисты Германии в ноябре 1923 г. вывели штурмовиков на улицы Мюнхена, предъявив при этом правительству Баварии требование передать власть НСДАП. При этом расчёт был на то, что фашистскую партию поддержит армия и те фракции в правительстве, которые выступали за власть «сильной руки» в подавлении коммунистического движения.

Однако эти надежды фашистов тогда не оправдались, поскольку Гамбургское восстание коммунистов (октябрь 1923 г.) уже было подавлено, а правящие круги пока были в состоянии самостоятельно контролировать положение в стране. За нарушение законов Гитлеру пришлось 13 месяцев отсидеть в тюрьме, где, кстати, им был написан первый том «Майн Кампф».

Как ни парадоксально, но пока Гитлер был в тюрьме, тоталитарные силы Германии упрочили своё положение, ибо хотя НСДАП и распалась на несколько группировок, однако география их деятельности теперь охватила почти всю страну. На выборах в рейхстаг в мае 1924 г. эти группировки, объединившись в Национальный блок, получили около 2 млн. голосов, а в Баварии стали второй по силе политической партией.

Выйдя из тюрьмы, Гитлер, хотя и не без трудностей, сумел быстро восстановить контроль над партией и усилить её позиции в обществе. Численность НСДАП с 17 тыс. в 1926 г. выросла до 40 тыс. в 1927 и 120 тыс. в 1929 г. В этот период она создала свои территориальные и производственные ячейки, что позволило усилить работу с различными слоями населения.

Разразившийся в 1929-33 годах мировой экономический кризис с особой силой проявился в Германии, ещё не восстановившейся в полной мере после Первой мировой войны. Популярность правительства и сформировавших его политических партий стала быстро падать. Одновременно росло влияние Компартии Германии (КПГ), призывавшей народ решить все проблемы путём установления диктатуры пролетариата, и НСДАП, которая предлагала стране режим сильной личности — Гитлера, якобы способного сплотить нацию на платформе национал-социализма.

В противостоянии КПГ и НСДАП до ноября 1932 г. перевес имели национал-социалисты. Так, на выборах в рейхстаг в 1928 г. партия Гитлера получила 800 тыс. голосов, а на выборах в 1930 г. — уже 6 млн. 400 тыс. Кандидатура Гитлера на выборах президента в 1932 г. была поддержана уже 13 млн. избирателей, в то время как кандидат от КПГ собрал лишь 3,7 млн. голосов. Явное преимущество над коммуни-

стами национал-социалисты имели также на парламентских выборах в июле 1932 г.: 13 миллионов голосов у национал-социалистов против 5,3 млн. у коммунистов.

В этих условиях идея создания коалиционного правительства, которое состояло бы из партий центра и «НСДАП», казалась национал-социалистам нецелесообразной, ибо фюрер не желал ни с кем делиться властью.

Однако выборы в Рейхстаг в ноябре 1932 года привели к утрате национал-социалистами 2-х миллионов голосов избирателей. Хотя этот факт пока не свидетельствовал о кризисном состоянии партии, однако стало ясно, что НСДАП миновала пик своего влияния, и Гитлер пошёл на компромисс, возглавив коалиционное правительство. 30 января 1933 г. президент Гинденбург назначил его рейхсканцлером. В новое правительство вошли близкие к фашистам партии — националистов и «Стального шлема». Последняя, кстати, была создана в 1918 г. офицерами германской армии, требующими реванша после поражения в Первой мировой войне.

Этот компромисс носил временный характер. Фактически с этого времени в Германии начался этап установления тоталитарной диктатуры. Германия менее, чем за полгода превратилась в политическую пустыню. Гитлер решительно и последовательно уничтожил демократические институты власти и гражданское общество.

Внедрение нацизма во все сферы государственной и общественной жизни осуществлялось по следующим основным направлениям:

1. Принятие мер по консолидации нацистского режима, устранения его оппозиции;
2. Внедрение на всех уровнях жизни общества нацистской государственно-политической структуры;
3. Обеспечение развития экономики, готовой к тотальной войне;
4. Коренное изменение социальной иерархии немецкого общества;
5. Разработка и осуществления внешней политики, которая могла бы обеспечить мировое господство немецкой нации.

Более или менее полное освещение этих направлений требует привлечения значительного фактического материала. Однако в рамках учебного пособия остановимся лишь на некоторых, ключевых фактах становления и деятельности Третьего Рейха как тоталитарного государства.

Гитлер считал, что федеративное буржуазно-демократическое государство, каким являлась Германия, в лучшем случае годится для локальных и колониальных войн, однако оно не способно провести тотальную войну, которая позволила бы не только ликвидировать последствия Версаля (Версальского мирного договора 1919 г., официально завершившего Первую мировую войну — прим. ред.), но и обеспечить стране новое жизненное пространство. Поэтому, уже весной 1933 г. имперское устройство подверглось существенной перестройке. Согласно принятому 7 апреля 1933 г. закону «О слиянии областей с империей», ландтаги были отстранены от формирования земельных правительств, земельные администрации стали возглавлять назначаемые властью штатгальтеры (наместники), переподчинённые имперскому правительству. Спустя месяц был ликвидирован Рейхсрат. После смерти 2 августа 1934 г. президента Гинденбурга, в руках Гитлера сосредоточились полномочия рейхсканцлера, президента и главнокомандующего. Принцип фюрерства стал нормой всего государственного устройства.

Таким образом, при формальном сохранении Веймарской Конституции, в верховной власти Германии утвердилась тоталитарная диктатура. Получив тотальные властные полномочия, Гитлер в короткое время предпринял меры по ликвидации демократических институтов общества и распространению принципа фюрерства на все государственные структуры.

Фашисты быстро провели чистку государственного аппарата. Неблагонадежных уволили. В этих условиях чиновники и служащие устремились в НСДАП, ибо без членства в правящей партии нельзя было рассчитывать на успешную карьеру.

Следующим шагом упрочнения германского тоталитаризма была ликвидация в стране многопартийности.

Первой жертвой фашистских репрессий стала Коммунистическая партия. Она была необоснованно обвинена в поджоге Рейхстага 27 февраля 1933 г., хотя действительно этот пожар был специально устроен штурмовиками. 3 марта был арестован лидер немецких коммунистов Э. Тельман, а против членов партии были начаты массовые репрессии. Из 300 тыс. членов КПП (на начало 1933 г.) около половины подверглись преследованиям и репрессиям, десятки тысяч — были убиты. Для осуществления карательных функций в недрах прусского МВД возникает тайная государственная полиция — гестапо. В марте 1933 г. началось создание концлагерей, подчинявшихся сначала полиции, СА (штурмовые отряды) и СС (охранные отряды), но уже осенью переданных в исключительное ведение СС, что стало основой экономического могущества этой организации. Всего к концу Рейха только на территории Германии насчитывалось 1100 концлагерей, через которые прошли 18 млн. человек разных национальностей, из них 12 млн. погибли (в т.ч. 1 млн. немцев).

В апреле 1933 г. были распущены профсоюзы, в июне вне закона была объявлена социал-демократическая партия Германии, а вскоре и другие партии объявили о «самороспуске». Принятый в июле 1933 г. закон запрещал существование в стране любых политических организаций, кроме НСДАП.

В декабре 1933 г. принимается закон «Об обеспечении единства партии и государства», в соответствии с которым рейхсканцлер как фюрер единственной законной партии получал право лично формировать состав Рейхстага и назначать высших должностных лиц.

Вместе с ликвидацией многопартийности, в 1933-34 гг. Гитлер предпринял решительные шаги по уничтожению т.н. «левого» крыла в НСДАП, которое являлось наследием национально-революционного движения. «Левое течение» возглавили братья Грегори и Отто Штрассеры. Оно оформилось в НСДАП после провала Мюнхенского путча 1923 г. Программные установки этого течения существенно отличались от программы гитлеровского крыла партии. Штрассеры стремились распространять национал-социализм только в рабочей среде. Они выступали против внедрения принципа фюрерства во всех государственных структурах, были противниками диктатуры одной партии, призывали к объединению «всех здоровых сил общества», опираясь на которые считали необходимым создать государственный режим с избираемым президентом во главе и сословно-корпоративным представительным органом как основной властью.

В экономической сфере Штрассеры выступали за более жёсткую политику в отношении монополий и крупных землевладельцев, требовали автаркии народного

хозяйства, интенсивного налогового обложения прибылей, широкой национализации промышленной собственности. Они отвергали биологическую агрессивность внешней политики Гитлера, полагая, что Германия должна стать лидером Срединно-европейского союза с участием Франции и других стран (даже СССР), который бы осуществлял революционную оборону против империализма.

Штрассеры открыто проповедовали свои взгляды. В 1920 — начале 1930-х гг. им неоднократно удавалось формировать из своих сторонников самостоятельные организации и даже автономные партии (среди них: «Рабочее содружество северо- и западногерманских ГАУ», «Боевое содружество революционных национал-социалистов», «Чёрный фронт» и др.). Однако сыграть сколько-нибудь заметную политическую роль организациям Штрассеров не удалось.

Ясно, что придя к власти, Гитлер не мог терпеть столь опасных соперников. 30 июня 1934 г. во время «ночи длинных ножей» лидеры «левого течения» были уничтожены. Тогда же погибли и многие руководители штурмовиков, в т.ч. их командир Эрнст Рем. Более 200 тыс. членов СА были изгнаны из «штурмовых отрядов».

Так, Гитлер закрепил своё монопольное господство в НСДАП и положил начало уникальной тоталитарной модели государства, которое существенно отличалось и от коммунистически-сталинского тоталитаризма, и от других фашистских режимов.

Деятельность государства обычно связана с управлением, контролем и подавлением. Особенностью формирования тоталитарной государственности в Германии, которое в целом было завершено к 1934–35 гг., явилось не только то, что к этому времени в стране была сформирована сверхцентрализованная полицейская политическая система, но и то, что эта система претендовала на изменение основ отношения человека и государства. В основу этих отношений была положена доктрина, согласованная и тесно связанная с нацистской идеологией.

В соответствии с этой доктриной индивидуальная природа личности отрицалась. Личность рассматривалась как органическая, неотъемлемая часть общества, а её правовой статус — как производный от статуса немецкого народа. Поэтому основой правового положения человека должна быть его общественная лояльность и признание интереса народа (читай — власти) выше собственного интереса. При этом понятие «народ», согласно национал-социалистической доктрине, сужалось до отдельной социальной группы (арийская раса), которая объявлялась высшим субъектом правоотношений и единственным носителем властного суверенитета. Таким образом, полноценной личностью в Третьем рейхе признавался лишь тот человек, который обладал «расовой чистотой». Это нашло юридическое закрепление в принятых в 1935 г. «Закоме о гражданстве» и «Закоме об охране немецкой крови и немецкой чести». Согласно этим законам все граждане страны разделялись на две категории: граждан и подданных. Если первые обладали всей полнотой политических и социальных прав, то вторые — лишались политических прав и существенно ограничивались в ряде гражданских прав. «Расово чистые» граждане должны были постоянно доказывать своё желание «верно служить германскому народу».

В угоду доктрине арийского народного государства в Германии была подвергнута глубокой трансформации вся правовая система, которая, по сути, стала неправовой. Уже к 1937 г. основной свод германского права — Гражданское уложение 1896 г., был

заменен совокупностью отдельных законов, лейтмотивом которых было: «Право — это то, что полезно народу и рейху».

Исходя из этого постулата в правовые нормы были внесены принципиальные изменения, призванные обеспечить жизнеспособность Третьего Рейха. Так, в интересах поддержания расовой чистоты немецкого общества ограничивалась свобода вступления в брак, для бракосочетания требовалась санкция специальных «судов здоровья».

Гитлер считал, что 20% населения имеет биологические дефекты. Уже 14 июня 1933 г., т.е. спустя полгода после прихода к власти фашистов, был принят закон «О предупреждении появления потомства, больного наследственными болезнями», который предусматривал принудительную стерилизацию, решение о которой принимали судьи по расовым вопросам. Только в 1933–36 гг. было стерилизовано 168 тыс. несчастных. С августа 1939 года специальная инструкция вменяла в обязанность акушеров умертвлять неполноценных новорожденных. В концлагерях умертвлялись «неполноценные» взрослые. Так началась на основе нового брачно-семейного «права» и расистской идеологии большая программа эвтаназии, или «облегчения умирания обезболивающими средствами».

В Третьем рейхе принципиально изменялось положение и роль отраслей права.

Система уголовного права, исходя из фундаментальных интересов личности и общества, была ориентирована на установление ответственности за государственные преступления. Трактовка государственных преступлений была расширена как с точки зрения правонарушений в области нового законодательства (например, расового), так и возможности превентивного наказания инакомыслия. При этом на первый план была выдвинута правовая категория «враг народа», относившаяся чаще всего к лицам, не разделявшим национал-социалистические («народные») убеждения. Значительно ужесточилась ответственность за государственные преступления и преступления против членов НСДАП, к числу которых были отнесены, например, расовые преступления и преступления против должностных лиц государства. Эти преступления карались смертной казнью (режим ввёл повешение), или заключением на срок свыше 15 лет.

Новой властью существенно упрощению подверглась система судопроизводства. В частности, законодательству Рейха была придана обратная сила — наказанию подлежали и преступления, совершённые до принятия соответствующего закона. Слушание дел производилось по сокращённой процедуре: постановлением 1935 г. судьям предписывалось руководствоваться при рассмотрении дел принципами «национального правосознания» и идеями национал-социализма. В случае если в законе не было прямых предписаний меры наказания, собственное правосознание судей считалось достаточным основанием для вынесения решений суда.

Институт адвокатуры был полностью огосударственен, но при этом процедура судебной защиты оставалась обязательной.

Судебная система в условиях Третьего Рейха существенной перестройки не терпела. Вместе с тем, наряду с обычными судами с 1937 г. были введены специальные суды для рассмотрения антиправительственных преступлений, которые состояли из трёх членов партии, а их заседания проходили без присутствия присяжных.

Сохранялись и партийные суды, которые рассматривали дела членов НСДАП. Кроме того, в 1936 г. для рассмотрения особо важных дел был учреждён Народный суд, который состоял из назначавшихся пожизненно судей, присяжных заседателей и советников. Нельзя не заметить, что этот суд, даже в условиях фашистской системы, отличался относительной гуманностью выносимых приговоров. Так, за время своего существования он приговорил 225 тыс. чел. в общей сложности к 600 тыс. годам заключения (в среднем 2,6 года на подсудимого). За годы пребывания фашистов у власти судами всех категорий было вынесено порядка 5 тыс. смертных приговоров, правда, большинство из них приходилось на годы войны.

В годы Третьего Рейха была сформирована принципиально новая властная структура, формальной основой которой должно было стать народовластие. Декларируя единство личности и государства, фашисты считали целесообразным заменить представительную демократию прямой плебисцитарной демократией. Следует отметить, что реально в годы существования Третьего Рейха плебисциты проводились редко: в 1933 г. на плебисците решался вопрос о выходе Германии из Лиги Наций; в 1934 г. — о президентских полномочиях канцлера; в 1938 г. — о присоединении Австрии. Кроме того, на плебисцитарной основе утверждался список кандидатов в состав Рейхстага (однако 810 депутатов отбирал лично фюрер).

Поэтому декларируемый общенародный характер власти в Третьем Рейхе фактически носил формальный характер. Реальная власть в стране изначально была сосредоточена в структурах диктаторского государственного механизма, среди которых главенствующую роль занимала нацистская партия. Её деятельность была преимущественно направлена не на регулирование внутренних проблем общественной жизни, а на достижение стратегических задач национал-социалистического движения, которое должно было объединить волю народа (расы) для достижения мирового господства немцев.

Нацистская партия уже в первые годы Третьего Рейха обеспечила себе полную монополию политической власти либо путем подчинения партийному аппарату всех вертикальных властных структур (армия, бюрократия), либо путем вытеснения их (церковь). Как руководящая сила общества, НСДАП действовала на основе принятого в июле 1934 г. Указа об обязательности решений заместителя фюрера по партии. Она имела разветвлённую сеть отраслевых отделов, руководители которых, как правило, занимали руководящие посты в государственном аппарате. В свою очередь, среди государственных чиновников к концу 1930-х гг. порядка 70% были членами НСДАП, а среди учителей — 100%. Все чиновники несли полную публично-правовую ответственность перед фюрером (Закон о чиновничестве 1937 г.).

Гитлеровский режим ликвидировал федеративное устройство страны и существовавшую до этого систему местного самоуправления. Основой территориально-политического устройства теперь стала внутренняя структура НСДАП — страна была разделена на 33 ГАУ (партийный округ Германии, а гауляйтерами называли руководителей региональных отделений), 827 округов (крайс), 21 тыс. районов (ортс группен), свыше 260 тыс. партийных ячеек. ГАУ, будучи основным звеном территориального деления, как правило, совпадало с военными и административными округами. Во главе округов стояли штатгальтеры (наместники), которые были представителями

имперского правительства, и, почти всегда, руководителями областных партийных организаций. Они несли личную ответственность перед фюрером.

Роль фюрера, который после плебисцита 1934 г. сосредоточил в своих руках чрезвычайные полномочия, была исключительно велика. Его правовой статус определялся сочетанием функций Рейхсфюрера, Рейхсканцлера и Верховного главнокомандующего, что позволяло ему сосредоточить в своих руках высшее партийное, государственное и военное управление.

Партийно-государственная структура Третьего Рейха была пронизана тоталитарной идеологической концепцией, которая, по сути, обеспечивала теоретическое обоснование его существования. Именно идеология формировала стереотипы тоталитарной власти, такие как: «единая Родина», «единая историческая судьба», «единственный вождь народа» и др. Идеология призывала народ к унификации взглядов, формируя в его сознании «общие святыни» и ненависть к «общим врагам». В конечном итоге это укрепило социальную базу фашистов, позволило им придти к власти относительно законным путём и получить поддержку основной массы населения страны в процессе подготовки к завоеванию господства в мире. Фашизм идеологическими методами сумел сформировать у собственного народа убеждение в том, что созданное им на этом этапе немецкое суверенное государство — временное. Оно является лишь средством мобилизации всех ресурсов общества для реализации высшей цели — установления нового мирового расового порядка, в котором государственной системой будет воспитана «новая личность» с особой социальной этикой и моралью. Жизнь этой личности будет всецело подчинена великим принципам, служению высшей истине.

Таким образом, для нацистского государства идеологическая функция была жизненно важной. Исходя из этого, в рамках государственного механизма идеологическая машина вскоре стала не только фактором воздействия на умы граждан в духе национал-социализма, но и сама превратилась в важный регулятор общественных отношений. Под руководством рейхсминистра народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса, на службу официальной пропаганде были поставлены новейшие достижения в области средств массовой информации, кинематограф, фундаментальная и прикладная наука, искусство, спорт, туризм, досуг. Эта невиданная ранее идеологическая система превратила даже партию, государство, общественные организации в свои составные части. Создавая разветвлённую сеть дочерних организаций, НСДАП на основе их идейного единства стала действительно массовой и охватила все слои населения. К 1945 г. только в рядах самой партии насчитывалось 6 млн. человек.

Особое внимание НСДАП уделяла идеологической обработке молодёжи арийского происхождения, которая в возрасте от 10 до 18 лет в обязательном порядке должна была состоять в молодёжной организации «Гитлерюгенд», в 1935 г. слившейся с нацистской партией. Структура Гитлерюгенда была выработана исходя из дифференцированного подхода в работе с разными по возрасту и полу группами детей и подростков. Так, из мальчиков 10 — 14-ти лет создавались группы Дойчес юнгфольк (Немецкая молодёжь), девочек этого возраста объединяли организации «Юнгмедельбунде» (Союз девочек). Собственно «Гитлерюгенд» включал старшие группы (молодёжь 14-18 лет), которые также разделялись на организации для юношей — «Гитлерюгенд», и организации для девушек — «Бунд дойчер медель» (Союз немецких девушек).

Деятельность этих организаций касалась в той или иной степени всех сторон общественной жизни, хотя её приоритетными направлениями являлись идеологическая и физическая подготовка молодёжи.

Таким образом, в Третьем Рейхе вся молодёжь в возрасте от 10 до 20 лет была охвачена контролем предельно централизованной идейно-политической системы воспитания, перед которой власть ставила задачу сформировать у будущего поколения страны необходимые режиму духовные, социальные и физические качества личности немца арийского происхождения.

Идеологическое воздействие на население страны власть подкрепляла деятельностью мощного репрессивного аппарата нацистского Рейха, который не только занимался воспитанием общества в духе нацизма, но и осуществлял тотальный контроль над общественным сознанием. Эти задачи решала «империя СС», которую возглавлял Г. Гиммлер. С приходом к власти Гитлера, отряды СС превратились из его личной охраны, которая формировалась из особо преданных ему людей, в настоящее государство в государстве. Признаком преданности фюреру являлось обязательное членство всех высших чиновников НСДАП и Рейха в СС. Структура СС включала несколько ярусов: «шар» (8 чел.), «труппе» (3 шар), «штурме» (3 труппе), «штурмбанн» (3 штурме), «штандарте» (3-4 штурмбаны), «абшнит» (8-10 тыс. чел.), «группе» (несколько абшнит), которые объединялись в т.н. «Общие отряды СС» — «Альгемейне». Эти отряды наряду с «караульными отрядами» (Вахфербенде) и «отрядами для поручений» («Ферфюнгсгруппе») составляли войска СС, которые выполняли не только силовые функции, но и считались прообразом будущей армии Третьего Рейха.

Организационно система СС окончательно сформировалась к концу 1930-х годов, когда было создано Имперское главное управление безопасности (РСХА) во главе с С.Р. Гейдрихом (с 1942 г. — Э. Кальтенбруннером), в состав которого были включены практически все службы, ранее осуществлявшие отдельные функции обеспечения внутренней безопасности. Теперь каких либо сфер жизни немецкого общества, недоступных влиянию СС, не существовало.

Уже с 1933 г. СС контролировало создававшуюся систему концентрационных лагерей, которые, по сути, стали главным рычагом идейно-воспитательной работы СС. До Второй мировой войны эта система была ориентирована не только на санацию общества путём физического уничтожения неудобных режиму граждан, но прежде всего на их идеологическое воспитание. Мы уже приводили данные о том, что через концлагеря прошло более 1 млн. немцев, большинство из которых впоследствии были освобождены и частично восстановлены в правах.

Особое внимание СС уделяло воспитанию самих членов своей организации. Гиммлер считал, что именно эта организация со временем должна будет превратиться в расовую элиту немецкой нации.

С приходом к власти руководство Третьего Рейха придавало особое значение преодолению перманентного экономического кризиса и созданию условий для развития экономики. Относительно методов решения этой сложной проблемы первоначально в экономическом блоке руководящих органов страны не было единства. Уже весной 1933 г. министерство труда предложило реорганизацию хозяйственной системы на сословной основе, при реализации которой предусматривалось сформировать

сословия по отраслевому принципу, затем ставилась задача объединить их в единый организм, тело («карпо»), и таким образом преодолеть антагонистическое противостояние классов, создать условия для единых действий всех немцев в борьбе за реализацию программы НСДАП. Эта система, по сути, не предполагала ликвидацию рыночных отношений в экономике, однако исходила из того, что при определённых условиях (война) на основе централизации управления возможна тотальная мобилизации всех экономических ресурсов нации для решения фундаментальных задач внешней политики страны. Национал-социалистическая партия должна была осуществлять тотальный контроль над всей системой экономических отношений.

Экономические реформы координировались созданным 15 июня 1933 г. Генеральным советом народного хозяйства, состоявшим из 12 представителей предпринимательских кругов (Г. Крупп, Ф. Тиссен, Г. Феглер, Ф. Флик и др.) и пяти представителей министерства имперского хозяйства. Уже в 1933 г. под руководством Совета была сформирована новая региональная структура германской экономики, состоявшая из 18 хозяйственных округов. В каждом из них была создана Окружная хозяйственная палата с прямым подчинением Имперской хозяйственной палате. Также был создан особый Хозяйственный суд. Структура и деятельность хозяйственных палат изначально строилась на принципе фюрерства, а с января 1934 г. этот принцип управления был введён и на предприятиях. Система производственных советов (фабзавкомов), существовавшая раньше, ликвидировалась. Трудовые отношения на предприятиях регламентировались производственным уставом, согласно которому владелец предприятия получал статус фюрера и нес личную ответственность за хозяйственную деятельность перед фюрером нации. Что касается участия рабочих и служащих в управлении предприятием, то оно ограничивалось созданием Совета доверенных лиц из их представителей с консультативными функциями.

Министерство имперского хозяйства в случае возникновения конфликта между фюрером предприятия и доверенными лицами разрешало его с помощью назначаемых им «попечителей труда». Призванные защищать интересы рабочих профсоюзы были запрещены. Их место занял единый Немецкий трудовой фронт, в тесной связи с которым функционировало Объединение германских союзов работодателей. Контроль за деятельностью этих организаций осуществляла НСДАП.

Следующим шагом в реформировании экономики Третьего Рейха стал принятый 27 февраля 1934 г. Закон «О подготовке органического построения народного хозяйства», согласно которому предусматривалось сформировать отраслевую корпоративную структуру хозяйства, состоящую из двух основных подразделений: «Организации промыслового хозяйства» в составе групп: промышленности, энергетики, транспорта, торговли, ремесла, банков и страхования, и «Имперского сословия продовольствия», которое было подчинено Министерству сельского хозяйства и обладало значительной автономией, образуя собственную общественно-политическую организацию «Союз кормильцев Рейха».

С середины 1930-х годов реформирование германской экономики было сконцентрировано на её подготовке к войне. На основе принятого закона «Об имперской обороне» первоначально эти задачи решали Совет имперской обороны и особое ведомство — Управление генерального уполномоченного по военной экономике,

а с 1936 г. и ведомство по выполнению четырёхлетнего плана мобилизации экономики Германии, которое возглавил Г. Геринг. Ему были представлены особые полномочия в области регулирования производства, распределения ресурсов и потребления. Реформа военной экономики завершилась уже во время войны, когда было создано Министерство вооружения и боеприпасов, обладавшее правом формирования новых промышленных объединений по профилю своей деятельности.

Таким образом, в течение десятилетия нацистское руководство Германии провело крупномасштабную организационную перестройку экономики, в результате которой была внедрена беспрецедентная централизация в его руководстве и усилены регулирующие механизмы экономического развития. Достаточно отметить, что к 1939 г. государственное планирование в промышленности охватило 80% общего объёма производства. Почти вся промышленность была принудительно картелирована, что привело к сокращению самостоятельных предприятий и резко усилило концентрацию промышленного производства. Принятые меры по «аризации» банков (очищение от «еврейского капитала») привели к сокращению банков в 3,6 раза (с 1725 до 477).

В этих условиях и при сохранении частной собственности возросло непосредственное участие государства в системе производства. В 1930-е гг. оно стало крупнейшим инвестором средств, увеличив сумму инвестиций в промышленность с 3 млрд. марок в 1933 г. до 21 млрд. марок в 1938 г. Это позволило быстро увеличить долю государственного сектора в промышленности и в кратчайшие сроки оживить производство, продемонстрировав миру своеобразное «экономическое чудо» тоталитарного образца.

Ещё одним рычагом этого «чуда» стало значительное сокращение частнособственнической эксплуатации труда и присвоение этой функции государством, которое тотальную мобилизацию трудовых ресурсов прикрывало необходимостью обеспечения «общественных интересов».

Принятые меры государственного регулирования экономики дали Германии периода Третьего Рейха исключительно высокие результаты. За первые пять лет правления тоталитарного фашистского режима национальный бюджет страны удвоился, а промышленное производство возросло на 102%. Тяжёлая индустрия уже в 1934 г. достигла докризисного уровня, а в 1939 г. превысила его на 50%. Германия вышла на первое место в мире по выплавке стали и алюминия, она значительно увеличила производство нефтепродуктов, синтетического каучука, автомобилей, станков. При этом возрастающими темпами увеличивался выпуск военной техники, что обеспечивалось приоритетным финансированием этого производства. Так, расходы на вооружение за 1932—1938 гг. выросли в 10 раз и перед началом войны составили 58% государственного бюджета. В целом в 1938 г. Германия заняла второе место в Европе по экономическому потенциалу.

Подводя итог анализа экономической системы, созданной в Германии в годы тоталитаризма, следует отметить, что она существенно отличалась от структуры экономики других тоталитарных государств. В Германии в 1930-е гг. сложилась особая модель государственно-монополистического капитализма, которая была непохожа на либеральную (кейнсианскую), прежде всего, преобладанием прямых методов государственного регулирования. Экономика в стране в этот период носила к тому же

подчёркнуто мобилизационный характер. Рыночные отношения в ней, несмотря на сохранение частной собственности, фактически были уничтожены, ибо в условиях отсутствия свободы распоряжения средствами производства и их отчуждения, частная собственность превращалась лишь в легальную форму имущественного расслоения.

Экономическая деятельность человека определялась внешними факторами, имевшими идейно-политическую при-роду. Мобилизационная эффективность такой системы в рамках подготовки к тотальной войне была очевидной, но вряд ли она удовлетворяла интересы основных групп населения немецкого общества, без поддержки которых нацистский режим не мог осуществить свою глобальную программу.

Придя к власти, нацисты поставили перед собой цель коренным образом изменить социальную иерархию немецкого общества и обеспечить привилегированное положение в нём граждан арийского происхождения. Реализации этой цели служила выработанная и проводившаяся режимом тактика, предполагавшая воздействие на чистокровных немцев экономических факторов, лежавших в основе формирования их «бытия» независимо от социальной группы населения, а также мер идеологического и психологического характера, ориентированных на формирование удобного режиму мировоззрения людей и их поведенческие стереотипы. Такая комплексная социальная политика позволяла органически соединить программные постулаты НСДАП с традиционными ценностями, приемлемыми или привлекательными для любого немца.

Реализация социальной программы нацистов Германии должна была обеспечить внедрение в сознание немцев арийского происхождения таких ценностей, как культ труда, материнства, мужской доблести, народного единства, патриотизма. При этом высшей гражданской обязанностью каждого немца провозглашался труд на благо нации. Создавая реальные условия для участия граждан Германии в труде, фашистский режим в короткие сроки сумел ликвидировать безработицу. На 31 января 1933 г. в стране насчитывалось 6 млн. 013 тыс. 612 безработных, но уже в 1934 г. их осталось 3 млн., а в 1936 г. — ни одного. Это имело не только огромный психологический, но и экономический эффект. Рабочая сила направлялась на военное производство и строительство. Свобода её передвижения контролировалась.

Чтобы должным образом реализовать обязанность граждан на труд, государство применяло самые различные формы и методы. Так, среди всех категорий трудящихся, вплоть до конторских служащих и студентов, проводились профессиональные соревнования с целью повышения квалификации; был введён в числе наиболее значимых праздников Национальный день труда 1 мая; в составе Германского трудового фронта была создана общественная организация «Сила через радость», под эгидой которой действовала разветвлённая система народного досуга, призванная стать свидетельством особого внимания государства к труженикам. Повсеместно центрами досуга становились «Дома немецкого труда», в которых создавались народные театры, проводились выставки, организовывались туристические и спортивно-оздоровительные мероприятия. Государство не жалело на это денег. Для финансирования программ организации «Сила через радость» в 1933–34 гг. было выделено 24 млн., в 1935 — 17 млн., в 1936 г. — 15 млн. марок. Эта организация получила от государства два первоклассных океанских лайнера, ей были переданы под дома отдыха виллы эмигрантов, поручена реализация проекта создания «народного автомобиля» —

«Фольксваген». Кстати, стоимость будущего автомобиля, которые после постройки завода за счёт средств акционеров, получивших талон на его приобретение, предполагалась в размере 397 долларов. Если учесть, что средний заработок немецких рабочих в конце 1930-х годов составлял примерно 7 долларов в день, то приобретение такого автомобиля было вполне доступно практически для каждой работающей семьи.

Надо отдать должное нацистскому режиму — с приходом к власти он заботился не только о сегодняшнем дне, но и о своём будущем. В стране была разработана и действовала программа «Источник жизни», которая призвана была стимулировать рождаемость, поддерживать детство и сохранять патриархальные устои в семейной жизни. Правительство с 1933 г. выплачивало особые пособия в сумме одной тысячи марок женщинам, которые после замужества оставляли работу и занимались семьёй. Проводилась финансовая поддержка многодетных семей, осуществлялось разностороннее обеспечение социального статуса материнства. Во второе воскресенье мая, когда отмечался «Материнский день», проводились награждения многодетных матерей Крестом славы. При этом нацистский режим осуществлял жёсткую политику «нравственного оздоровления немецкого общества», жесточайше преследуя проституцию и гомосексуализм. В решении проблем «оздоровления» нации важная роль отводилась искусству, которое призвано было воспевать героику труда, материнства, солдатскую доблесть и народное единство.

Обеспечивая социальную поддержку нацистскому режиму, спланировав нацию в его интересах в духовном и идеологическом отношении, власть ставила каждую из социально значимых групп в двойственное положение: с одной стороны представляла ей преимущества, с другой — вводила жёсткие рамки социальных ограничений. Так, крупные предприниматели при гитлеровском режиме получили государственную протекционистскую поддержку: они были защищены от забастовок рабочих, от риска в предпринимательской деятельности, при этом свобода предпринимательства и возможность получения сверхприбылей уменьшилась, хозяин предприятия по-сути превратился в государственного чиновника, потеряв право самостоятельно определять виды продукции, масштабы производства, условия найма рабочей силы, цену товара, право на движение капитала, ввоз и вывоз товара. Принудительное картелирование крупного капитала ограничило вторжение в элитную группу предпринимателей среднего бизнеса.

Под влияние той же бюрократической машины попали ремесленники, торговцы, кустари и другие представители мелкобуржуазных слоёв. Именно эти слои оказали существенную поддержку приходу фашистов к власти. Представлявший их Боевой союз промыслового среднего сословия, стремившийся добиться декартелизации производства, уже в 1933 г. был распущен. При этом многие мелкие предприятия были ликвидированы или слиты с более крупными, однако выжившие в этих условиях вошли в систему имперской палаты ремесла, и, благодаря запрету создания новых мастерских и торговых точек, получили доступ к государственным заказам и кредитам.

Среди сельского населения оплотом расовой чистоты и оборонной мощи государства правительство считало зажиточных крестьян-бауэров (земельные наделы от 7,5 до 125 га), в то время как все остальные крестьяне (ландверты) считались просто сельскими хозяевами.

В отношении бауэров правительство применяло двойственный подход: с одной стороны, на основании принятого в 1933 г. «Закона о наследственных дворах» оно в известной мере ограничивало свободу их действий: им запрещалось продавать и закладывать землю, а также дробить наделы при наследовании; с другой — создавало условия для обеспечения их материального благополучия и стабильности развития: бауэры освобождались от долгов, поземельного налога и налога на наследство. В связи с ликвидацией свободного рынка на продукцию сельского хозяйства, выращенный урожай они сдавали на государственные приёмо-сдаточные пункты по твёрдым, выгодным для производителей ценам. Протекционистские пошлины на ввоз в Германию продовольствия также защищали хозяйства бауэров от разорения. В результате этих мер уже к середине 1930-х гг. сословие бауэров консолидировалось и экономически укрепилось, став опорой сельскохозяйственного производства в стране. Мелкое крестьянское хозяйство в этих условиях было обречено на разорение. Не пользовались должной поддержкой государства и юнкера-латифундисты: на них не распространялись привилегии сословия «кормильцев Рейха».

В столь же двойственном положении в Рейхе оказался немецкий пролетариат. Власть распустила профсоюзы, защищавшие его права. На уровне 1932 г. были заморожены тарифные ставки заработной платы. В стране были введены трудовые книжки, что означало запрет свободного перехода рабочих на другие предприятия. Вместе с тем, защищая рабочих, государство жёстко установило продолжительность рабочего дня, размер заработной платы, ввело ограничение прав предпринимателей на необоснованное увольнение рабочих, создало «социальные суды чести» для разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями. Такой суд мог лишить хозяина предприятия фюрерства, что было равнозначно потере им собственности.

Следует однако отметить, что социальное положение рабочего класса Германии в 1930-е гг., по сравнению с кризисными 1920-ми — началом 1930-х гг. существенно улучшилось: резко сократилась безработица, стабилизировалась система потребления, выросла благотворительность богатых в пользу бедных, благодаря деятельности организации «Сила через радость» многие простые немцы впервые получили возможность разностороннего и здорового досуга. В стране была создана целостная государственная система образования и воспитания детей и молодёжи, содержание и направленность которой, к сожалению, не носили гуманистического характера.

Что касается государственных служащих и интеллигенции, то эти категории граждан Германии также испытывали двойственное влияние со стороны фашистской власти: сохраняя привилегированное положение в обществе при условии солидарности с властью, они, в то же время, чувствовали существенные ограничения своего социального статуса. Именно они, государственные служащие и интеллигенция в наибольшей степени подвергались контролю власти и страдали от политики нацификации, расовых и идеологических чисток. Так, с приходом фашистов к власти, для приобщения масс к культуре нацистского содержания был создан Дом германского искусства. Сезанн, Ван Гог, Пикассо оказались под запретом. Из библиотек были изъяты книги сотен авторов. Германские университеты лишились 2800 лучших профессоров. Уехали Эйнштейн и Ферми. Наука, как и искусство, была изолирова-

на от внешнего мира. Зато появились периодические издания типа «Германская химия», «Германская математика» и другие журналы и книги нацистского содержания.

Оставшиеся в стране интеллигенты, в их числе преподаватели и учителя, практически утратили свободу творчества, свободу слова. Правда, те из них, которые адаптировались к новому режиму, в социальной иерархии Рейха заняли наиболее обеспеченное и защищённое положение. Высокий общественный статус этих интеллигентов был обусловлен их существенной ролью в обеспечении контроля государства над мыслями и чувствами его граждан.

Подводя некоторые итоги социальной политики Третьего Рейха, следует отметить, что она сводилась к формированию жёсткой корпоративной системы общества, в котором каждая максимально изолированная клетка имела свои социально-экономические функции. Эти изолированные звенья скрепляло пестуемое режимом чувство расового превосходства. Режим широко использовал также символизм и мифотворчество. Проповедуемые фашистским режимом Германии «ценности» должны были обеспечить единство нации, предопределять поступки человека, его политическое, социальное и экономическое поведение и оказывать влияние даже на семейные отношения. Характерно, что большинство немцев, попавших под влияние нацистской идеологии, устраивали новые правила жизни, и они лояльно относились к происходящим изменениям, надеясь таким образом вырваться из условий убогой беспросветной жизни периода перманентного кризиса 1920-х — начала 1930-х гг.

Тех же, кто оказывался в оппозиции к новому политическому режиму, безжалостно изолировали или уничтожали. Наиболее пострадавшими от фашистского режима по причине его идейного, духовного отторжения оказались родовое немецкое дворянство, католики и коммунисты.

Безосновательным и бесчеловечным преследованиям нацистов подверглись некоторые группы населения страны: евреи, цыганы и даже немцы, причём не только не согласные с идеологией нацизма, но и больные наследственными болезнями. Им не нашлось места в «расово чистом» Рейхе. Первые три года пребывания нацистов у власти еврейское население не подвергалось в массовом порядке прямым репрессиям. Евреи формально оставались даже под защитой закона, если против них совершались уголовные преступления. Но по мере укрепления власти нацистов, в Германии был принят ряд законов, которыми права евреев были сведены на нет. К 1936 г. евреям было отказано в гражданстве, праве иметь оружие, владеть многими видами собственности, заключать браки с лицами арийской расы.

Новый виток эскалации расизма в стране начался в ноябре 1938 г., когда по всей Германии прокатилась волна еврейских погромов. К этому времени численность еврейского населения сократилась с 500 тыс. (1933 г.) до 300 тыс. чел. Многие евреи пытались эмигрировать, но это стало уже почти невозможно. На евреев наложили контрибуцию в сумме 1 млрд. марок, которую они выплатить не могли. Тогда это стало основанием для конфискации их предприятий и личных ценностей. Евреев стали ограничивать в передвижении (гетто), начиная с 6 лет они обязаны были носить на одежде специальный знак своей национальности. Существовал даже план вывоза евреев из Европы на остров Мадагаскар, но уже во время войны нацисты

поняли его нереальность. Тогда на смену этой политике пришёл Холокост — планомерное уничтожение евреев в лагерях смерти (всего погибло до 6 млн. чел.). Такая же участь постигла 22 тыс. проживающих в Германии цыган.

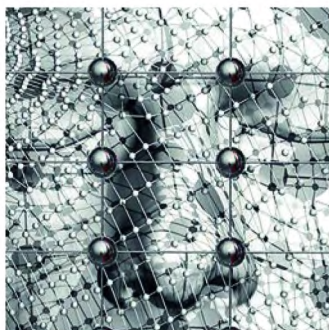
«Расовую чистоту» в мировом масштабе призвана была обеспечить внешняя политика нацистской Германии.

Нацистский режим Германии к концу 1930-х гг. добился стабилизации внутреннего положения в стране. Но это не рассматривалось властью как конечный результат её деятельности: она хотела видеть весь мир живущим по законам национал-социализма. А достигнуть этого можно было только в результате победоносной войны. Поэтому, начиная с середины 1930-х гг., Гитлер и его окружение стали игнорировать военные ограничения Версальского договора для Германии и неприкрыто наращивать военную мощь страны.

В 1935 г. в стране была введена всеобщая воинская повинность для мужчин от 18 до 43 лет с принятием от призванных в армию клятвы на верность фюреру. В 1938 г. вся военная власть была сконцентрирована в руках главнокомандования вооружёнными силами во главе с фюрером, которому стали подчиняться главнокомандующие сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил. Военное министерство, как промежуточная инстанция между фюрером и армией, было ликвидировано. Координировать работу всех военных и гражданских учреждений в военных округах теперь стали «уполномоченные по национальной обороне», которые назначались Советом министров по вопросам обороны империи.

В системе вооружённых сил была создана мощная разведка, форсировалась военная подготовка личного состава вермахта, наращивалось производство вооружений. К началу Второй мировой войны германская армия стала одной из сильнейших в Европе: её численность составила 2 млн. 760 тыс. чел. На вооружении она имела 3695 самолётов, 3200 танков, в составе военно-морских сил состояло 2 линкора, 5 крейсеров, 57 подводных лодок.

Опираясь на эту мощь, в конце 1930-х гг. фашистская Германия во внешней политике предпринимает всё более агрессивные акции, полностью противоречащие Версальскому договору. Заранее готовясь к агрессии, чтобы не связывать себя международными обязательствами, она ещё 14 ноября 1933 г. выходит из Лиги Наций. Как первоочередную акцию Гитлер готовит аншлюс Австрии, результатом которого было её присоединение 12 марта 1938 года к Рейху. При этом ведущие страны Запада, зная, что аншлюс запрещён целой серией международных договоров, фактически дали молчаливое согласие на эту акцию. Фашисты восприняли безнаказанность как своего рода одобрение подобных действий на международной арене. И вскоре, в сговоре с правительствами Италии, Великобритании и Франции (Мюнхенское соглашение, сентябрь 1938 г.) Гитлер расчленяет Чехословакию и включает Судетскую область в состав Германии, а в начале 1939 г. была присоединена к Рейху и оставшаяся территория Чехословакии. Дальнейшим шагом германских нацистов стала их «забота о судьбе немцев в Польше», что спровоцировало начало Второй мировой войны, ставшей для Третьего Рейха его крахом.

Испания

В отличие от фашистов Италии, Германии, других европейских стран, добившихся власти относительно демократическим способом, путь испанских фалангистов на властный Олимп в 1930-е гг. был более тернистым. Он сопровождался не только многолетним острым политическим противоборством, но и гражданской войной.

Понять особенности испанского варианта тоталитаризма может помочь краткий исторический очерк этой страны в 1930-е — первой половине 1970-х гг., когда испанские фалангисты во главе с Франко боролись за власть, а затем, захватив её вооружённым путём, осуществляли руководство страной, хотя в принципе в западном цивилизованном мире в послевоенные годы тоталитарные режимы себя исторически изжили. В этой связи нам представляется, что испанский вариант тоталитаризма — один из немногих, но реальных примеров, свидетельствующих о том, что определённая модификация искусственно созданной на базе тоталитарной идеологии диктатуры может функционировать какое-то время даже в окружении цивилизованных, демократических государств современного мира. Этот вывод имеет практически-политическое значение для всех стран до сих пор находящихся в зоне доиндустриального, или индустриального развития (сюда входит и Украина), по этой причине предрасположенных в той или иной степени к реанимации тоталитарных политических режимов.

После Первой мировой войны Испания оставалась аграрно-промышленной державой. В начале 1920-х годов 57% её самодеятельного населения было занято в сельском хозяйстве, и лишь 21,9% — в промышленности. Огромной частью аграрных ресурсов страны владели помещики. Так, на долю 150 тыс. помещиков приходилось 12 млн. га земли, в то время как один миллион бедных крестьян владели всего 6 млн. га земли, а 2,5 млн. крестьян были батраками.

Феодальные пережитки являлись главным тормозом развития испанского общества. Однако Испания по уровню экономического развития не была однородной: Север (Каталония, Баскония и Астурия) был развит в промышленном отношении, в то время как остальные территории страны характеризовались как сугубо сельскохозяйственные.

Первая мировая война способствовала резкому усилению концентрации капитала в Испании, активному инвестированию в промышленность и сельское хозяйство иностранных вложений. Достаточно сказать, что к 1930 г. сумма иностранных инвестиций в испанскую экономику составила около 1 млрд. долларов. Пятую часть из них составляли английские капиталы, однако наращивали свою инвестиционную активность также американские, французские и бельгийские капиталисты.

Характерной особенностью испанской власти была её опора на католическую церковь, которая являлась крупнейшим земельным собственником, банкиром и промышленником страны.

Надёжным оплотом монархии была также армия с её многочисленным реакционным офицерством и генералитетом, которая активно вмешивалась в политическую жизнь страны. Монархия в периоды острых политических кризисов не раз прибегала к привлечению армии для защиты власти. Так было в сентябре 1923 г., когда генерал Примо де Ривера с согласия и при поддержке короля совершил государственный переворот и установил военно-монархическую диктатуру.

Для Испании межвоенного периода важную роль в её политической жизни играл национальный вопрос. Каталония, Баскония и Галисия были населены национальными меньшинствами, при этом две первых провинции являлись наиболее развитыми в промышленном отношении и поставляли промышленную продукцию в другие регионы страны. Однако помещичье-буржуазная монархия лишила их элементарных экономических и культурных прав, что вызвало широкое движение борьбы за автономию этих районов, во главе которого стояли влиятельные буржуазно-националистические партии.

Таким образом, наличие в Испании острых политических, экономических, социальных, идеологических противоречий, которые нередко носили антагонистический характер, вызвали в конечном итоге в стране буржуазно-демократическую революцию.

Для анализа проблемы важно отметить, что именно в ходе этой революции, продолжавшейся все 1930-е гг. в форме политического, а затем и военного противоборства, в Испании зародились два основных общественно-политических движения: фашизм в форме фалангизма, франкизма, который в конкретно-исторических условиях обрёл свою социальную базу, достиг власти, правил Испанией 36 лет и стал единственным на Западе тоталитарным режимом, пережившим своих прародителей на три десятилетия, и Народный фронт, объединивший демократические силы для противостояния фашизму в его борьбе за власть, в том числе путём гражданской войны, которая закончилась для него и поддерживавших этот фронт интернациональных сил поражением.

Что касается фашизма, то в Испании он возник уже на первом этапе буржуазно-демократической революции (апрель 1931 г. — ноябрь 1933 г.), когда в стране у власти были республиканско-социалистические правительства.

Напомним, что в январе 1930 г. в связи с мировым экономическим кризисом рабочий класс, мелкая и средняя буржуазия, передовая интеллигенция, прогрессивно настроенные офицеры армии поднялись на борьбу против правившей в это время в стране диктатуры Примо де Ривера, который вынужден был подать в отставку, после чего в августе этого года сформировался союз республиканских партий и социа-

листов, подписавших т.н. Сан-Себастьянский пакт. В апреле 1931 г. в стране на базе партий этого пакта было сформировано временное правительство во главе с Алькадо Самора, которое, используя поддержку народных масс, могло в короткий срок разрешить многие насущные проблемы страны. Но оно этого не сделало.

Эта бездеятельность правительства в сочетании с позитивными результатами фашистского движения в Италии и Германии, дали толчок зарождению и развитию фашизма на Пиренейском полуострове.

Родоначальником испанского фашизма стал Эрнесто Хименес Кобальеро — бывший социалист, выходец из мелкой буржуазии. Побывав в Италии в конце 1920-х годов, он стал поклонником взглядов Муссолини, а после прихода в 1933 г. к власти в Германии Гитлера, симпатизировал и ему. Вернувшись в Испанию, Кобальеро активно пропагандировал теорию воинствующего «латинизма».

В 1931 г. сын школьного учителя из Саморы, бывший бедный студент Рамиро Ладесма Рамос сформировал группу сторонников нацизма и основал журнал под названием «Завоевание государства», в котором активно пропагандировал идеи немецкого фашизма. Уже в первом номере журнала он публикует манифест с изложением взглядов возглавляемой им группы единомышленников, которые легли в основу всех последующих документов испанских фалангистов. Основные положения этого манифеста сводились в общих чертах к следующему: государство, говорилось в нём, должно быть облечено всей полнотой власти; теория и практика марксизма должны всячески искореняться; коммунистическому обществу и государству должны быть противопоставлены ценности общества, построенного по принципу иерархии, национальной идеи и эффективной экономики. В манифесте провозглашались синдикалистская структура экономики, применение в руководстве обществом методов прямого действия против групп предыдущего политико-социального режима.

Эти идеи привлекли внимание бывшего студента юридического факультета в Саламанке Редондо, выпустившего в 1931 г. собственную газету — еженедельник «Libertad», на страницах которой также пропагандировались фашистские взгляды. 13 июня 1931 г. эта газета провозгласила создание кастильской хунты испанского действия, обратившейся с её страниц с реваншистским призывом бороться за «Испанию великую и действительно свободную».

В сентябре 1931 г. группировки Ладесмы и Редондо объявили о создании движения, которое получило название «Национал-социалистическая Хунта наступления» (ХОНС). Его программа состояла из 16 пунктов, включающих в себя отрицание сепаратизма и классовой борьбы, аннексию Испанией Гибралтара, Танжера, французского Марокко и Алжира, беспощадное преследование иностранного влияния в Испании. И Ладесма, и Редондо отводили привилегированное место римско-католической вере, которая господствовала в стране, хотя это расходилось с антикатолическим взглядом нацизма. Испанские последователи Гитлера оправдывали такой подход тем, что эта вера является ничем иным, как «расовой» традицией Испании. Более того, Редондо считал, что католическая вера для испанцев является эквивалентом «арийской крови» для германцев арийского происхождения.

В 1931-32 гг. активность ХОНС была минимальной. Однако в это время другие, более богатые и более решительные молодые люди стали группироваться вокруг

Хосе Антонио Примо де Ривера — сына бывшего диктатора страны. 9 октября 1933 г. на митинге, состоявшемся в мадридском театре «Комедиа», он произнёс профашистскую речь, полную сарказма и цинизма, в которой заявил народу, что он бесправен, потому что беден, и что только богатые вправе править жизнью. «Вы свободны работать, если Вы этого хотите», — сказал он и продолжил развивать свою мысль: «Никто не может Вас заставить принять те или иные условия труда. Но, будучи богатыми, именно мы предлагаем те условия, которые хотим; если Вы их не примите, вы подохните с голоду посреди прекрасных либеральных свобод». Тут вряд ли требуются комментарии.

С ноября 1933 г. начинается деятельность новой фашистской организации Испании, которую возглавил Хосе Антонио. Она получила название «Испанская фаланга». Все другие родственные организации влились в её состав.

Программа Фаланги — типично фашистская. Однако её влияние в этот период на народные массы было минимальным. Так, в 1936 г. на очередных выборах Кортесов сторонники этой партии потерпели поражение. Прошедшие выборы показали, что большинство народа отвергает фашизм. Народный фронт во вновь избранных Кортесах получил большинство — 286 депутатов из 470. Правые, располагая только 132 голосами, потеряли возможность установить фашистскую диктатуру легальным путём. Созданное после выборов правительство левореспубликанских партий во главе с Мануэлем Асаньей пользовалось поддержкой Народного фронта. В обстановке резкого повышения политической активности трудящихся, правительство в короткие сроки провело ряд прогрессивных преобразований в стране, однако эта деятельность решительностью и последовательностью не отличалась. Используя этот фактор, реакционные силы перешли к подготовке мятежа против республиканцев. Реакционные генералы Х. Санхурхо, Ф. Франко, Э. Мола и др. готовили верные им воинские части к боевым действиям против собственного народа; капиталисты, финансисты и помещики проводили экономический саботаж: закрывали заводы и фабрики, вывозили из страны капиталы, оставляли поля необработанными, искусственно создавали безработицу, фашистские молодчики терроризировали сторонников Народного фронта.

Одновременно, не надеясь на собственные силы, испанские фашисты обратились с просьбами о военной и материальной помощи к фашистским правительствам Рима и Берлина. Общими усилиями международной реакции мятеж был подготовлен. Вечером 17 июля 1936 г. радиостанция города Сеуты, расположенного в испанском анклав на северном побережье Марокко, прямо напротив Гибралтара, передала условную фразу-сигнал к выступлению заговорщиков: «Над всей Испанией безоблачное небо». Мятеж, начавшись в Испанском Марокко под руководством генерала Франко, затем распространился на весь полуостров. Для республиканского правительства действия Франко и его единомышленников стали полной неожиданностью, но народ вышел на улицы в полной решимости отстаивать демократию. Правительству ничего не оставалось, кроме того, чтобы раздать оружие и начать борьбу против мятежников. Так, в стране началась гражданская война, которая носила не только внутривнутриполитический, но и интернациональный характер. По сути, это было вооружённое противостояние европейского фашизма с антифашизмом,

диктатуры с демократией. Однако испанская демократия в известной мере была весьма специфичной, поскольку представляла не только общенародную, антифашистскую, антитоталитарную общественность, но и коммунистическое движение, которое, как известно, в своей значительной части само являлось формой тоталитарного режима.

Германия и Италия открыто помогали Франко в его борьбе против республиканцев. СССР маскировал свою поддержку Народного фронта Испании под видом добровольческого движения, участники которого желали защищать испанскую демократию с оружием в руках. Следует отметить, что, действительно, в Советском Союзе нашлось немало тех, кто искренне хотел помочь испанским республиканцам. Немало добровольцев из стран Запада готовы были дать первый открытый бой фашизму. Из них в дальнейшем формировались интернациональные бригады.

Масштабы внешнего вмешательства в гражданскую войну в Испании были весьма внушительными. Так, на стороне мятежников воевали 50 тыс. немецких, 150 тыс. итальянских солдат и офицеров, а так же 100 тыс. завербованных марокканских военнослужащих. На стороне Народного фронта сражались 35 тыс. добровольцев из разных стран Европы, в том числе 5 тыс. граждан СССР. Обе противоборствующие стороны получили от своих союзников большое количество оружия и боевой техники. Только Италия, например, поставила Франко около 2 тыс. орудий, 1 тысячу самолётов, около 1 тысячи танков и БТР, 2 подводные лодки, 4 эсминца и много другой военной техники и оружия. Материальную помощь мятежникам оказывали и другие государства.

В свою очередь СССР с октября 1936 по октябрь 1937 г. отправил в Испанию 52 транспорта с военными грузами. Всего СССР поставил Испании 806 самолётов, 362 танка, 120 бронемашин, 1555 орудий, 50 000 винтовок.

Интервенция иностранных государств в Испании, неприкрытая дипломатическая поддержка франкистов Англией и Францией, ярко продемонстрированная «политикой невмешательства», открыто продемонстрированная на Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г., а также отсутствие достаточного единства внутри рабочего класса страны привели к затяжной гражданской войне, которая длилась с июня 1936 г. по март 1939 г. и сопровождалась огромными человеческими жертвами — она унесла жизни 600 тыс. человек, из которых 400 тыс. погибли по вине политического режима Франко (до 1944 г.). Результатом войны стало установление в апреле 1939 г. в Испании фашистской диктатуры генерала Франко.

Режим Франко отличался тем, что его лидер в любой ситуации умело маневрировал, не впадал в панику, находил компромиссные пути решения самых сложных проблем, был расчётливым и хладнокровным, непреклонным и категоричным, религиозным, и, когда надо, застенчивым, осторожным и дистанцированным от толпы. Многие испанцы подражали каудильо и считали его личные качества идеалом менталитета гражданина страны. Может быть, благодаря в первую очередь личным качествам Франко, внутренняя эрозия франкизма растянулась на десятилетия.

Испанские фашисты, придя к власти, вынуждены были приспособливаться к реальной обстановке, сохраняя себя за счёт тактических уступок демократическому

сообществу. При этом режим оставался диктаторским. Политические партии и «красные» профсоюзы, входившие в 1936-39 гг. в Народный фронт, после прихода Франко к власти были запрещены, а многие члены этих организаций брошены в тюрьмы. К концу 1930-х гг. по разным данным число политических заключённых в Испании составляло от 500 000 (сведения Ватикана), до 1 — 2 млн. (сведения корреспондента «Ньюс Кроникл» А. Филлипса). В стране были ликвидированы национальные автономии каталонцев, басков и галисийцев, а борцы за национальные права всячески преследовались.

Всё это вызвало негативную реакцию мирового сообщества. Как известно, Вторая мировая война закончилась крахом фашистских государств. После неё режим Франко оказался своеобразным анклавом в демократическом мире Европы. Получив осуждение на Потсдамской конференции как власть, установленная с помощью фашистских режимов Германии и Италии, Испания оказалась в международной изоляции. Ей по этой причине было отказано в приёме в ООН и другие международные организации, а странам-членам ООН было рекомендовано разорвать с Испанией дипломатические отношения, что они вскоре и сделали. Страна не получила помощь по плану Маршалла, лишилась активов, которые Народный фронт разместил в Госбанке СССР для оплаты советских военных поставок в годы гражданской войны.

Всё это привело к тому, что Испания оказалась в крайне тяжёлом международном и внутреннем положении.

В ответ на эту ситуацию Франко тут же смягчил свой политический режим: в апреле 1947 г. был создан большой королевский Совет, а в июле 1947 г. в стране состоялся референдум по государственному устройству Испании, во время которого более 14 млн. испанцев высказались за восстановление монархии, в которой они видели символ единства нации и способ покончить с фашистской диктатурой. Приняв результаты референдума и объявив Испанию монархией (пока без монарха), Франко продемонстрировал Западу намерение развивать в стране демократию. Этот шаг убедил Запад в том, что более эффективно влиять на испанское руководство можно и сохраняя с ним связи. В 1949 г. европейские страны восстанавливают с Испанией дипломатические отношения. В 1953 г. Франко заключил с США договор об обороне, экономической помощи и взаимной безопасности. На территории страны появились американские военные базы. В конце 1955 г. Испания была принята в ООН.

С целью адаптации фашистского режима к демократическому миру Европы, в июле 1945 г. в стране была обнародована Конституция — «Хартия испанцев», в которой фактически формально провозглашались без каких-либо гарантий права граждан страны (на уважение личности, труд, свободное выражение идей и др.), а также прописывались их обязанности.

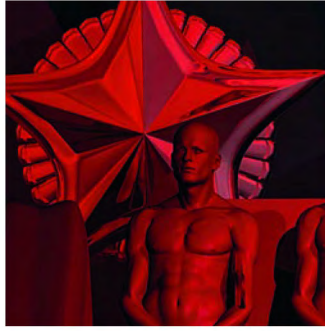
Вместе с тем, опираясь на результаты проведённого в 1947 г. референдума, Франко специальным законом закрепил за собой пожизненно пост главы государства. Ему присвоены титулы «каудильо Испании» и «генералиссимус Вооружённых Сил». Испания объявлялась «католическим, социальным и представительным государством», «королевством с незанятым престолом» и «Монархией без монарха».

Созданный в соответствии с этим законом Регентский Совет существовал номинально, ибо кандидатуру на королевский престол реально мог предложить только сам диктатор. Таким образом, некоторые демократические подвижки режима в первые послевоенные годы были номинальны, так как вся полнота законодательной, исполнительной, судебной и военной власти по-прежнему находилась в руках Франко.

Весьма гибкую политику Франко проводил и в экономической сфере. Сразу после войны он взял курс на автаркию (создание замкнутого самодовлеющего хозяйства в рамках отдельной страны), который способствовал быстрому экономическому возрождению Испании в 1950-е годы: тогда ежегодный прирост производства в стране составлял порядка 8 процентов. Однако, уже к началу 1960-х годов автаркия себя изжила и Испания в своём экономическом развитии стала существенно отставать от стран с рыночной экономикой, занимая в это время по уровню промышленного производства 13-е, а сельскохозяйственного — 15-е место в Европе. Понимая, что автаркия в экономической сфере больше не принесёт желаемых результатов, Франко постепенно заменил её курсом на рыночную экономику. Благодаря этому страна безболезненно интегрировалась в Европейское сообщество.

Тема 3
КОММУНИСТИЧЕСКО-СТАЛИНСКАЯ
МОДЕЛЬ ТОТАЛИТАРНОГО
ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ

Советский Союз

Если для установления тоталитарной власти итальянским фашистам потребовалось порядка 5 лет, германским национал-социалистам — чуть больше десяти лет, то коммунистически-сталинский тоталитаризм в СССР прошёл к вершине своего господства более длительный и сложный путь.

Одна из причин этого была заложена в двойственном характере коммунистической идеологии и её неоднозначном понимании российскими социал-демократами на этапах создания партии.

Известно, что в марксистской идеологии изначально содержались некоторые черты тоталитаризма, ставшие программными для Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), созданной на её II съезде в 1903 г. Особенно это было характерно для большевистской фракции партии.

Идеология марксизма-ленинизма предполагала наличие класса с особой миссией (пролетариат — могильщик капитализма). Эта идеология утверждала, что только одна партия может выражать интересы рабочего класса, возглавить его борьбу за власть и коммунистическое переустройство общества. Она провозглашала революцию основным методом борьбы за власть, а эту власть называла диктатурой, пусть даже пролетариата. РСДРП [1898 г.], РКП(б) [1918 г.], ВКП(б) [1925 г.], КПСС [1952 г.] как всякая тоталитарная партия создавала необычайные органы, в составе которых формировались вооружённые отряды. С 1917 г. до распада СССР в 1991 г. эти учреждения последовательно представляли: ВЧК [1917 г.], ГПУ [1922 г.], ОГПУ [1923 г.], НКВД [1934 г.], НКВД — НКГБ [1941 г.], МГБ [1946 г.], КГБ [1954 г.].

Изначально партия не была полностью тоталитарной. Уже в момент своего образования на II съезде РСДРП она раскололась на две фракции — большевиков во главе с В.И. Лениным и меньшевиков во главе с Г.В. Плехановым. Если первые отдавали преимущества в борьбе за власть насилию, революции, то вторые придерживались эволюционных методов движения к социализму, полагая, что достичь программных целей партия может путём реформирования капиталистического общества, опираясь на широкую социальную базу, заинтересованную в улучшении жизни народа.

В большевистской фракции РСДРП в дореволюционный период и в 1917 г. также присутствовала эволюционная тенденция. В частности, после Февральской

революции некоторое время большевики вынашивали вполне реальную надежду взять власть в свои руки путём победы на очередных выборах в Советы. В ходе Октябрьской революции при формировании высших и местных органов власти они пошли на компромисс с левыми эсерами и другими демократическими силами.

Большевики вплоть до победы Октябрьской революции не могли претендовать на тоталитарную власть, так как не были самой влиятельной силой общества. Так, среди 822 делегатов I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.) было лишь 105 большевиков; на II съезде Советов (октябрь 1917 г.) среди делегатов преобладали большевики, но этот съезд не представлял интересы всего народа страны. Более точно расклад внутривластных сил отражал состав депутатов Учредительного собрания, хотя оно избрано было по спискам, составленным до Октябрьской революции, однако и здесь среди 707 депутатов было лишь 175 большевиков.

Другое дело, что после Февральской революции влияние большевиков в массах стремительно возрастало, и, как результат, их численность только с февраля по октябрь 1917 г. увеличилась в 15 раз (с 24 тыс. в феврале до 350 тыс. в октябре). Однако в этом было «виновато» Временное правительство, которое, придя к власти на гребне массового народного движения, было не в состоянии решить ни одного злободневного вопроса, выдвинутого Февральской революцией: война продолжалась, народ не обрёл свободу, крестьяне не получили землю, не был решён и национальный вопрос. Это стоило российской буржуазии потери власти.

Не была партия полностью тоталитарной и после Октябрьской революции. Насильственный захват власти большевиками в октябре 1917 г. в центре во многих регионах, в т.ч. в Украине, был встречен настороженно. Брестский мир, заключённый в марте 1918 г. с Германией по инициативе Ленина, получил неоднозначную оценку: «левые коммунисты» во главе с Н. Бухариным, другие политические силы считали его предательством национальных интересов страны.

Казалось бы «военный коммунизм» обладает всеми признаками тоталитаризма. В это время: были запрещены все партии, кроме правящей; была ликвидирована свобода печати; фракции РКП(б) фактически правили государственными органами; осуществлялся «красный террор»; произошло полное огосударствление экономики (национализация промышленности, продразвёрстка, централизованное распределение на безденежной основе).

Но эти меры, предпринятые в условиях войны, воспринимались народом как нечто должное. Однако когда гражданская война пошла на убыль, оказалось, что для мирных условий жизни принять «военный коммунизм» народ уже не был готов. В стране против Советской власти и её послереволюционного курса развернулся массовый протест, в том числе в форме вооружённой борьбы, охватившей все регионы страны. Это были вовсе не «кулацкие мятежи», как в своё время утверждала советская историография, а всенародная, прежде всего крестьянская война против «военного коммунизма». Массовые выступления солдат и крестьян вспыхнули во всех регионах страны. Наиболее резонансными были кронштадтский мятеж, т.н. «антоновщина» в Тамбовской и Воронежской губерниях, «поповщина» в Поволжье, «махновщина» на Украине, «кайгородовщина» на Алтае, Западно-Сибирское восстание крестьян и многие другие. Эти события вынудили

Советскую власть отказаться от методов «военного коммунизма» и принять Новую экономическую политику (НЭП). Объективно НЭП давал России реальный шанс принять демократическую альтернативу развития и рыночную экономику, отказавшись от тоталитарной перспективы развития. Однако, судя по заявлениям В. Ленина, всё, что было связано с капитализмом, коммунистическое руководство партии и страны не устраивало. Для него НЭП была лишь тактическим ходом в борьбе с капиталистической тенденцией развития России. В этом легко убедиться, процитировав самого Ленина. После принятия НЭПа, «вождь мирового пролетариата», как известно, заявил, что эта политика введена «всерьёз и надолго». Но уже через год, на XI съезде РКП(б) в 1922 г. он сказал: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился! Теперь цель выдвинута другая — перегруппировка сил» (ПСС, т. 45, с. 87). Понятно, что эта «перегруппировка» должна была обеспечить победу советской власти в борьбе с «новыми» капиталистами и вернуть страну к идеалам коммунистических ценностей в большевистском варианте.

С этого начался новый виток движения советского общества к тоталитаризму. Его важнейшей вехой стало утверждение в РКП(б) — ВКП(б) единовластия вождя — И. Сталина. Став в 1922 г. Генеральным секретарём партии, он, опираясь на одну группу своих сторонников, громил других, затем менял «группу поддержки» и добивался поражения новых политических противников. Так, в 1922 — 1925 гг. были разбиты левые группировки большевиков (наследники «рабочей оппозиции» и «группы демократического централизма», «рабочая группа», авторы «заявления 22-х», «рабочая правда», «сторонники Троцкого», «Платформа 46-ти» и другие).

Эти группировки выступали за демократизацию партийной жизни, однако потерпели поражение. В результате внутривнутрипартийной борьбы укрепилась группировка в наибольшей степени связанная с государственным и партийным аппаратом, которую возглавлял Сталин.

Таким образом, к 1928-29 гг. Сталин оттеснил от руководства партией и государством всех конкурентов и стал единовластным диктатором.

Утверждению тоталитаризма в СССР способствовало свертывание НЭПа, на смену которому пришла политика «сплошной коллективизации», которая обеспечила «командные высоты» государства в сельском хозяйстве и его централизованное управление. Центральная власть теперь распространялась на все сферы жизнедеятельности общества.

Укрепление сталинского режима тоталитарной власти сопровождалось усилением репрессий против реальных и мнимых противников курса партии, которые во второй половине 1930-х гг. переросли в борьбу с «врагами народа». Отношение к этой категории граждан определялось степенью лояльности человека к сталинскому режиму, к тому варианту социализма, который сформировался в СССР к середине 1930-х гг.

Масштабы репрессий в СССР в период сталинизма колоссальны, хотя статистические данные о них крайне противоречивы. По утверждению некоторых политологов, социологов, писателей, которые порой сами признаются, что их данные не являются результатом работы с документами, количество репрессированных достигает

100 млн. чел. (это каждый второй житель СССР (!?!)). Ясно, что это явно эмоциональное и политизированное преувеличение.

Вместе с тем, в научных публикациях нередко встречается и более реальная статистика, которая основана на документальных данных. Так, авторы этого пособия встретили публикацию, в которой утверждалось, что Н.С. Хрущёв в процессе подготовки к XX съезду КПСС (1956 г.), на котором получил осуждение культ личности Сталина, поручил правоохранительным органам подготовить сведения о масштабах репрессий в 1921 — 1953 гг. Ему предоставили данные: в СССР в эти годы за контрреволюционные преступления были осуждены 3 млн. 777 тыс. 380 чел., из которых к высшей мере наказания приговорили 642 тыс. 980 чел. Будучи лично причастным к репрессиям, Н.С. Хрущёв эту цифру в докладе приводить не стал.

В последние два десятилетия в российской исторической науке появились новые сведения о масштабах репрессий в СССР. Так, российский историк А. Дугин, десятки лет исследовавший документы ГУЛАГА, в своей монографии «Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты», изданной в 1999 г. к 80-летию этой организации, утверждает, что с 1930 по 1953 гг. в исправительно-трудовых колониях побывало 6,5 млн. чел., из них по политическим статьям около 1,3 млн. чел. Последняя цифра в три раза меньше той, которую предложили Н.С. Хрущёву.

Ныне, в отличие от советского прошлого, никто не делает секретов из криминальной статистики. В тюрьмах и других исправительно-трудовых учреждениях даже самых демократических стран отбывают наказание люди, совершившие преступления. Их численность хорошо известна, и это подвигло А. Дугина сделать сравнительный анализ количества заключённых в расчёте на тысячу населения в период существования ГУЛАГА в СССР и одной из современных демократических стран — США. Может быть это сравнение, как всякое другое, «хромает», но оно весьма любопытно. Сегодня в тюрьмах и колониях США содержится 2 млн. 190 тыс. заключённых. Это означает, что при общей численности жителей страны в 300 млн. чел., на каждую тысячу американцев приходится 1,37 заключённых. В России при наличии 1 млн. 200 тыс. заключённых на 140 млн. чел. населения этот показатель составляет 1,16 чел. Если эти данные сравнить с 1940 г, когда в ГУЛАГЕ насчитывалось 1 млн. 659 тыс. 992 заключённых, а население СССР составляло 194 млн. чел., получается, что на 1000 жителей в то время приходилось 1,17 заключённых. Опираясь на эту статистику (документально авторами она не проверена), А. Дугин ставит вопрос: «А почему из Сталина делают монстра? Почему обвиняют советскую власть во всех смертных грехах? Ведь порядок приведённых цифр вполне сопоставим и с сегодняшней Россией и с современным Западом». Автор считает, что политические, идеологические факторы привели к необъективной оценке личности Сталина — одного из немногих глав государств, которому удалось вывести разрушенную страну в мировые лидеры.

Согласиться, или не согласиться с этим выводом А. Дугина — дело каждого читателя.

Было ли сопротивление репрессиям и становлению тоталитарного режима в СССР? Безусловно, было. В 1920 — 1930-е гг. против диктатуры Сталина выступала старая ленинская гвардия. Ещё В. Ленин в «Письме к съезду» (1922 г.) предлагал переместить Сталина с поста Генерального секретаря и заменить его человеком, отличающимся более лояльными качествами по отношению к товарищам. Кроме

Ленина в межвоенный период против Сталина выступали Н. Бухарин, Л. Каменев, Г. Пятаков, К. Радек, А. Рыков, Л. Троцкий, М. Томский, А. Шляпников и многие другие старые большевики, понимавшие опасность сталинского режима для демократического развития России. Так, Бухарин с тревогой предупреждал, что сталинская политика может закончиться трагедией для страны и народа, и, в частности, что его тезис о якобы обострении классово-борьбы в ходе строительства социализма представляет особую опасность. «...У самых ворот социализма, мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костьми», — писал он. К великому сожалению, этот пророческий прогноз оправдался.

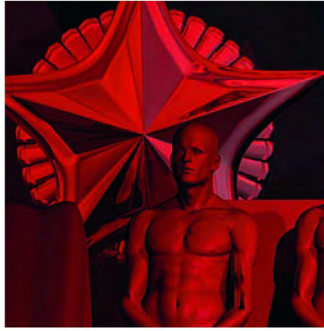
Вместе со старой ленинской гвардией против сталинского режима протестовали молодые выдвиженцы на высокие государственные посты. Среди них С. Сырцов (Председатель Совнаркома РСФСР), выступивший в 1929 г. с инициативой «переместить Сталина» на другой пост. В 1932 г. резкой критике Сталина подвергли М. Рютин и его сторонники, разработавшие рютинско-еленковскую программу, в которой Сталин именовался как «великий провокатор», «разрушитель партии», «могильщик революции в России» и т.п. В 1932 г. против Сталина попыталась выступить группа А. Смирнова (Нарком торговли РСФСР), Н. Эйсмонта (Нарком снабжения РСФСР) и В. Толмачёва, которые предлагали «убрать» Сталина с поста Генерального Секретаря.

В 1934 г. на XVII-ом съезде ВКП(б) протест против сталинского режима нашёл своё отражение в голосовании за состав Центрального Комитета партии. Из 1227 делегатов съезда против Сталина по некоторым данным голосовало 292 делегата. (В работах историков приводятся и другие статистические данные). Фамилию Генсека вычеркнули из списка почти четверть делегатов съезда с правом решающего голоса. Однако итоги голосования были сфальсифицированы, а их истинные результаты не объявлялись. В итоговых официальных документах значилось, что Сталина не поддержали лишь 3 участника «Съезда победителей», как было принято именовать это партийное мероприятие.

Судьба упомянутых оппозиционеров была одинаковой: все они стали жертвами сталинских репрессий. Так, XVII-й съезд ВКП(б) получил также название «Съезд расстрелянных».

Тем не менее, зафиксированы отдельные случаи выступлений против Сталина даже в самые одиозные 1937-38 гг. Так, к примеру, протест против сталинского режима в это время выразил старый большевик И. Пятницкий, за что был арестован и расстрелян. А бывший комиссар Волжской флотилии в годы Гражданской войны, который в 1930-е годы занимал пост посла в Болгарии, Ф. Раскольников, будучи вызванным в ЦК, и, понимая, что это — арест, вместо собственной явки, прислал Сталину письмо следующего содержания: «Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решёткой, так же далёк от истинного социализма, как произвол Вашей личной диктатуры, не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата».

Были и другие факты протеста против движения страны к тоталитаризму. Может быть они имели бы успех. Но грянула война, в годы которой репрессии сталинского режима стали ещё более масштабными, и, нередко, касались не только коллаборационистов и политических противников, но и целых народов.

Восточная Европа

После Второй мировой войны в результате освобождения от фашизма страны Восточной Европы — Польша, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Албания, Болгария, Югославия и Германская Демократическая Республика — избрали социалистический путь развития, приведший в последующем к формированию в них тоталитарных режимов советского образца.

Почему это стало возможно? Каковы причины утверждения советской модели тоталитаризма в этом регионе мира? Западная, советская и постсоветская историографии дают различные ответы на эти вопросы. Западные исследователи, особенно в годы «холодной войны», однозначно утверждали, что просоветские режимы в Восточной Европе — результат насильственных действий СССР, который помогал им в освобождении от фашизма (социализм, по их мнению, был привнесён в эти страны «на штыках» Красной армии); советские историки идеализировали добровольные симпатии народов Восточно-Европейских стран к СССР, его общественному устройству, поскольку он продемонстрировал свою мощь в годы войны, и тем самым, завоевал неоспоримый авторитет в мире.

Однако, очевидно, что обе эти точки зрения — политизированные, возникшие не в процессе научного поиска истины, а в ходе противоборства двух социально-политических систем в годы «холодной войны».

Установление истины по этой проблеме однозначно требует непредвзятого, научного подхода, который после окончания «холодной войны» нашёл отражение в ряде современных публикаций и на Западе, и в России, и на Украине.

Вне всякого сомнения, на послевоенную судьбу восточноевропейских стран оказали влияние как внешние, так и внутренние факторы.

Среди внешних факторов следует выделить следующие:

1. В результате победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне произошло коренное изменение соотношения сил в пользу демократии. Одна из двух тоталитарных систем, национал-фашистская, потерпела поражение. В этих условиях страны Восточной Европы, стремясь к демократии, видели в СССР гаранта от реставрации господствовавших в них до войны фашистских и профашистских режимов;

2. На социалистическую политическую ориентацию восточноевропейских стран огромное влияние оказал Советский Союз, который, провозгласив себя социалистическим государством, в жесточайшей борьбе с фашизмом доказал силу и жизнеспособность этого строя, и этим вызвал к себе симпатии миллионов демократически мыслящих людей;
3. В ходе войны возрос международный авторитет не только ВКП(б), но и коммунистических партий других стран Европы и Азии, которые проявили себя наиболее последовательными борцами с фашизмом и японским милитаризмом, в то время как буржуазные партии в годы войны себя дискредитировали;
4. Для многих людей СССР был примером, образцом справедливой организации общества. О реальных деформациях в СССР за рубежом просто не знали, а если сведения о них туда просачивались, то коммунистическими идеологами они интерпретировались как «происки буржуазной пропаганды»;
5. Советский Союз сразу после освобождения восточно-европейских стран от фашизма, оказывал им огромную материальную помощь, хотя собственный народ в это время был на грани выживания;
6. Формированию тоталитарного режима в Восточной Европе в конкретно-исторических условиях вынуждены были способствовать и страны Запада — ставшие теперь бывшими союзниками СССР. Уже в 1944 г. У. Черчилль признал Восточную Европу, за исключением Греции, Югославии и Венгрии, советской сферой влияния при распределении экономической помощи. В восточноевропейских странах Советскому Союзу была представлена свобода деятельности в ответ на его уважительное невмешательство в британские действия в Греции. Используя эти возможности, СССР жёстко контролировал развитие событий в этом регионе, всячески способствуя приходу к власти коммунистов.

Однако, признавая, что «советское присутствие» в странах Восточной Европы в конце войны и в первые послевоенные годы оказало важное влияние на их политическую ориентацию, в то же время, очевидно, что оно не стало единственным фактором, предопределившим выбор пути развития этих государств после войны. Известно, что советские войска были в Австрии, Норвегии, Финляндии, Иране, но эти страны не стали на путь социализма. Вместе с тем, Советская Армия не вступала на территории Албании и Вьетнама, которые в свою очередь ориентировались на ценности советского образа жизни. Это ещё одно свидетельство того, что при выборе перспективы развития общества страной, хозяином своей судьбы при всех перипетиях истории является народ, и, именно за ним, как показало будущее, оставался окончательный ответ на вопрос: по какому пути после войны пойдёт то или иное государство.

Формированию в восточноевропейских странах тоталитарных режимов значительно способствовала сложившаяся в них в конце войны и сразу после неё внутриполитическая обстановка. Крах профашистских авторитарных режимов, широкое участие населения этих стран в Движении сопротивления создавали предпосылки для глубоких изменений в их государственно-политической системе в сторону демократизации общества, однако в действительности поляризация масс и их готовность к демократическим преобразованиям носила поверхностный характер.

Авторитарная политическая психология не только сохранялась, но и укрепилась в годы войны. В массовом сознании граждан этих стран сохранялось желание видеть в государстве гаранта социальной стабильности и «твёрдую руку», способную в кратчайшие сроки решить стоявшие перед обществом послевоенные задачи.

Авторитаризм являлся основным мировоззрением новой государственной элиты, которая пришла к власти в Восточно-Европейских странах после войны. Социальный состав этой элиты, её политические идеалы были неодинаковы: ведь поражение национал-социализма свело лицом к лицу двух непримиримых противников — коммунистическую и либеральную демократию. Странники этих концепций получили преобладание во властных структурах стран Восточной Европы, что предопределило в будущем политическое и идеологическое противоборство. Эту обстановку усложняла активизация и в демократическом, и в коммунистическом движении национализма и аграризма, которые стимулировали деятельность националистических и крестьянских партий. Нельзя не отметить, что в тех странах Восточной Европы, где Советская армия вела боевые действия против фашистской Германии, к концу войны сформировались мощные внутренние силы, ориентированные на коммунистическую перспективу послевоенного развития. Так, в Югославии, Словакии, Польше коммунистические и просоветские движения имели большое количество приверженцев и ещё до прихода Красной армии они стали массовыми, при этом их руководство отнюдь не в полной мере контролировалось Москвой.

Немаловажно и то, что военный разгром фашистского блока подорвал силовые структуры этих стран. Это облегчило деятельность сил, выступавших за прокоммунистический, просоветский путь развития.

Усилению позиций коммунистов в странах региона способствовала и политическая обстановка. Наличие коммунистов в правительстве в то время означало лояльность страны к СССР. Не случайно, стремясь подчеркнуть своё благосклонное отношение к Советскому Союзу, король Румынии Михай привлёк коммунистов в правительство. Премьер-министр Венгрии Ф. Надь вынужден был сохранять коалицию с коммунистами, прежде всего, из-за советского военного присутствия.

Таким образом, уже к концу войны в восточноевропейских странах сложились внешние и внутренние предпосылки и условия для утверждения тоталитарного государственного устройства по типу коммунистически-сталинской модели социализма, построенного в СССР в предвоенный период.

Практическое внедрение советского опыта в этих странах прошло несколько однотипных этапов: создание народно-демократических режимов; принятие курса на построение социализма; внедрение советской модели социализма, сопровождавшееся попытками лидеров восточноевропейских стран учесть свои национальные особенности; международное оформление коммунистического блока.

Начальный этап политических и социально-экономических преобразований в Восточной Европе принято называть «народной демократией». Для этого есть все основания, поскольку процесс становления новой власти характеризовался широким участием в политическом процессе народных масс, формированием и деятельностью массовых организаций левой ориентации, ликвидацией остатков фашистских и профашистских режимов, формированием новых демократических

государственных органов, утверждением государственного суверенитета, проведением ряда социально-экономических мероприятий принципиального характера.

«Народная демократия» обеспечивала парламентскую форму законодательной власти, многопартийность, многоукладность экономики, конституционность. Она существенно отличалась от советской политической системы в СССР и была вполне адекватна подлинно демократическим нормам жизни общества. Правда Сталин называл её «особой формой диктатуры пролетариата», хотя, на самом деле, при её сохранении и развитии, эта политическая система вполне могла бы стать одной из форм демократического социализма.

Однако это была скорее политическая игра, которую вёл в то время Сталин, внешне демонстрируя свою приверженность к демократическому развитию восточно-европейских стран. Но она продолжалась недолго. Вскоре в странах этого региона стали административным путём устанавливаться советские порядки с непринципиальными особенностями

Начало этому процессу положило объединение коммунистических и социал-демократических партий. Сначала в 1946 г. это произошло в Восточной Германии, за тем в 1948 г. в Румынии, Венгрии, Чехословакии и Польше. Объединение усилило позиции коммунистов. Переход к социалистическому пути развития проходил в них в основном мирным, парламентским путём. Именно слияние рабочих партий положило начало созданию восточно-европейских авторитарных режимов.

Приходом коммунистических и рабочих партий к власти в 1949 г. завершился первый этап революции и начался её второй этап — социалистического строительства, в основном повторявший советский вариант с некоторыми особенностями непринципиального характера. На этом этапе политические противоречия между СССР и многими странами народной демократии нередко резко обострялись. Главной причиной были попытки руководства стран «народной демократии» в процессе строительства социализма отступить от советского «эталона», выбрать национальный вариант. Особенно это проявлялось там, где у власти некоторое время находились коалиционные правительства, состоявшие из представителей коммунистических, социал-демократических, социалистических, крестьянских, либеральных и других партий. Так, лидер польских коммунистов В. Гомулка отстаивал «польский путь» движения к социализму без сплошной коллективизации; руководитель болгарских коммунистов Г. Димитров утверждал, что в Болгарии будет создана не советская, а народная республика без диктатуры пролетариата; лидер чехословацких коммунистов К. Готвальд ещё в 1945 г. провозгласил цель создать своеобразную социалистическую республику, которую невозможно втиснуть в любой существующий шаблон политических структур и призвал искать национальные пути и методы реализации этой цели.

Руководство Коммунистической партии Югославии (КПЮ) попыталось разработать и осуществить отличную от советского варианта строительства социалистического общества концепцию, получившую название «самоуправляющегося социализма», основной идеей которой была ведущая роль трудовых коллективов государственных предприятий и высших хозяйственных объединений, при сохранении права собственности за всем обществом. Руководство экономикой должно

было осуществляться через выборные рабочие советы предприятий, избравшие для оперативного управления исполнительные комитеты, в состав которых входил и директор предприятия. Одновременно в сторону демократизации была изменена и система государственного управления.

Однако подобные инициативы в народно-демократических странах, как правило, не были поддержаны советским руководством. В некоторые из них, например, в Югославии, Венгрии, Польше, Чехословакии попытки применить на практике различные варианты социалистического строительства, привели к острым и длительным конфликтам между партийным и государственным руководством этих стран и СССР, и нередко приобретали формы вооружённого противостояния.

В конечном итоге, «сталинский социализм» вынуждены были принять почти все страны народной демократии. В общих и принципиальных чертах он предусматривал чрезвычайно высокую степень централизации экономической и политической жизни, господство государственной собственности во всех сферах экономики города и кооперативно-государственной — в деревне, утверждение командно-административных методов управления. Что касается сохранения национальных особенностей строительства социализма в отдельных странах, то они не должны были носить принципиального характера и противоречить концептуальным основам сталинской модели социализма.

Тоталитарная политическая система в восточноевропейских странах складывалась постепенно. Её первичным звеном стали Отечественные и Национальные фронты (к примеру: Отечественный фронт в Болгарии, Национально-демократический фронт Румынии, Венгерский национальный фронт, Национальный фронт чехов и словаков и др.). По мере продвижения Советской армии к границам Германии, эти объединения приняли на себя всю полноту государственной власти. На первом этапе, объединяя все бывшие оппозиционные партии и движения, они носили демократический характер, а в последующем положили начало коммунистической тоталитарной власти.

Объединяющим фактором сотрудничества разнородных политических сил, входивших в состав этих организаций, стало единство их задач в первые годы послевоенных преобразований.

Все участники фронтов, вне зависимости от их политических взглядов, коммунисты, аграрии, националисты, демократы и др. понимали, что после войны первостепенными проблемами для их стран являются формирование основ новой жизни, ликвидация авторитарных структур управления прежних режимов, проведение свободных выборов. Перед всеми политическими силами стояли общие задачи — восстановления разрушенной экономики, создания достойных материальных условий жизни населения, решения социальных проблем. Именно этот фактор создал условия для формирования первоначально в принципе единых политических режимов в странах Восточной Европы.

Однако, оказалось, что эта консолидация политических сил была временной. Первым шагом в расколе правящих режимов стали разные взгляды политических партий на стратегию и методы проведения экономических реформ. Крестьянские партии, которые в тот момент возглавляли первые правительства в Румынии, Болга-

рии и Венгрии, не считали первоочередным курс на индустриализацию, были против чрезмерного усиления регулирующей роли государства в экономике. В качестве приоритета они считали уничтожение латифундий и проведение такой аграрной реформы, которая бы обеспечила интересы среднего крестьянства. Либерально-демократические партии, коммунисты и социал-демократы, хотя и имели существенные политические разногласия, тем не менее, были едины в ориентации на модель «догоняющего развития», пытаясь путём индустриального рывка приблизиться к уровню развития Запада. В коалиции эти силы представляли значительный политический фактор. Дальнейшая ситуация сложилась так, что в 1946 г. крестьянские партии в странах «народной демократии» были оттеснены от власти. Это привело к корректировке реформаторского курса и началу осуществления социалистических преобразований.

Тем не менее, государственное устройство стран Восточной Европы в целом сложилось уже в конце Второй мировой войны и в первые годы после её окончания. Несмотря на попытку СССР унифицировать органы власти и управления в этих странах, во многих из них этот процесс и его результаты имели существенные особенности. Например, в Польше и Чехословакии в период гитлеровской оккупации старые органы государственной власти были уничтожены. В связи с этим послевоенной власти предстояло выработать новую структуру построения государственного механизма. Так, в Польше были сформированы сверху донизу народные Советы и Польский Комитет народного освобождения (ПКНО), который в декабре 1944 г. был преобразован во Временное правительство Польской Республики. В 1946 г. в Польше создаётся однопалатный парламент, в феврале 1947 г. законодательным сеймом принимается Малая конституция, определившая структуру государственных органов Польской Республики. Ими стали: Законодательный сейм, Президент, Государственный Совет и Правительство. Окончательно политическая система Польши получила законодательное оформление после принятия Конституции 1952 г.

Национальный фронт в Чехословакии был сформирован в марте 1945 г., а в апреле назначено правительство. Когда Чехословакия была полностью освобождена от фашистских оккупантов, в стране были созданы новая армия, суд, органы народной безопасности.

Весной 1946 г. были проведены выборы в Учредительное Народное собрание, которое избрало Президента и сформировало правительство. В мае 1948 г. был принят Основной закон страны — конституция, согласно которой высшими органами власти стали однопартийные национальные собрания (избирались на 6 лет). Страну возглавил Президент, который избирался Национальным Собранием на 7 лет. Он назначал Правительство, ответственное перед Национальным Собранием. На местах власть принадлежала Национальным Комитетам.

В Болгарии, Румынии, Венгрии, как бывших союзниках гитлеровской Германии, государственное строительство было более сложным. В этих странах созданию нового государственного аппарата предшествовал слом старых органов власти и управления.

Так, в Болгарии после победы народного восстания 9 сентября 1944 г. у власти всё ещё оставалась конституционная монархия. Созданное после восстания правительство Отечественного фронта начало чистку государственного аппарата:

из учреждений были изгнаны сторонники нацистского режима, новой стала болгарская армия. После референдума 8 сентября 1946 г. Болгария была провозглашена Республикой. В декабре 1947 г. в стране была принята Конституция, согласно которой вся полнота власти передавалась Народному собранию, которое избирало Президента. Исполнительной властью был наделён Совет Министров, а на местах создавались Народные Советы.

В Румынии в результате вооружённого восстания было арестовано правительство Антонеску, после чего патриотические силы организовали защиту Бухареста до прихода советских войск. Сначала Румыния оставалась монархией. В марте 1945 г. в стране было создано Правительство национально-демократического фронта, которое провело демократизацию государственного аппарата, а в апреле 1945 г. принимается Закон о чистке государственных органов. Законом от 15 июля 1946 г. ликвидируется верхняя палата парламента — сенат. 30 декабря 1947 г. король Михай отрёкся от престола, после чего Румыния была провозглашена Народной республикой. В апреле 1948 г. Большое национальное собрание принимает конституцию Румынской Народной Республики.

В Венгрии в конце 1944 г. был создан Национальный фронт. Тогда же в Дебрецене было создано Временное национальное собрание, которое сформировало Временное национальное правительство, что стало первым шагом революционных преобразований в стране. Правительство приняло решения о чистке армии от фашистских элементов, о роспуске королевской жандармерии и др. В 1946 г. законом Национального собрания ликвидируется монархия и учреждается республика. 18 августа 1949 г. Государственное собрание единогласно приняло Конституцию Венгерской Народной Республики.

Образование европейских государств «народной демократии» сопровождалось процессом утверждения в них гегемонии коммунистических сил, а строительство социализма повторяло советский опыт, правда, с несущественными национальными особенностями. Например, на этапе социалистического строительства основными направлениями экономической политики в этих странах, как и в СССР, стали национализация промышленности и банковского сектора, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, формирование новой управленческой и распределительной системы.

Национализация первоначально осуществлялась в отношении предприятий тяжёлой промышленности, но уже вскоре распространилась практически на все отрасли производства. Следует, заметить, что в отношении коррупционной капиталистической собственности военных преступников, немецких монополий, приспешников профашистских режимов этот процесс начался ещё до прихода коммунистов к власти. В целом же национализация в странах Восточной Европы была менее глубокой, чем в России в 1917 — 1919 гг. В процессе её осуществления в ограниченных масштабах сохранялась частная собственность на средства производства и недвижимость, проводилась компенсация части стоимости национализированных предприятий, а также практиковалось создание совместных предприятий.

К началу 1950-х гг. в большинстве восточноевропейских стран около 90% промышленности, вся банковская система, оптовая и внешняя торговля, основная часть

строительства, транспорта и связи были сосредоточены в государственном секторе экономики.

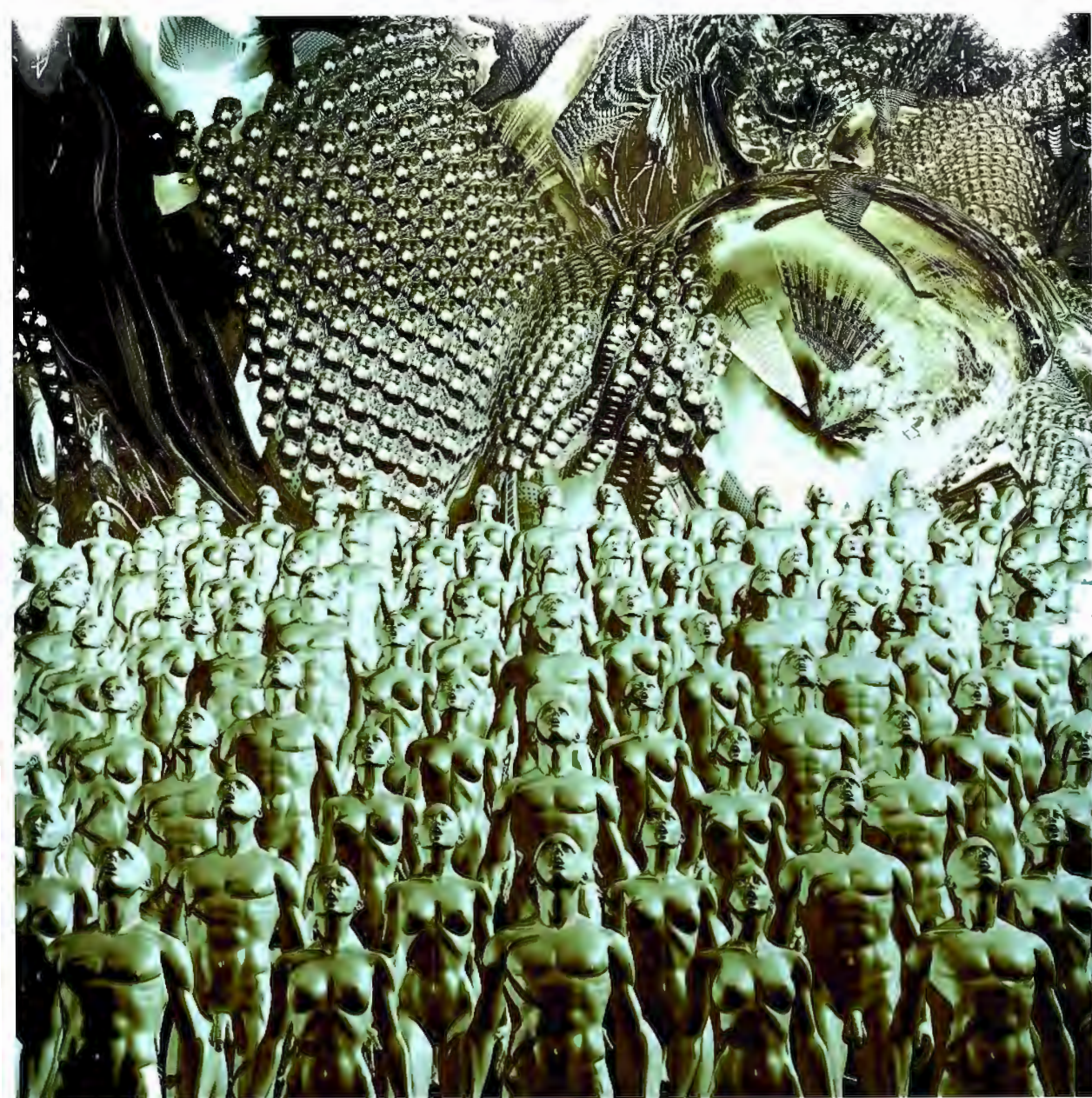
Важнейшей составляющей курса на социалистическое строительство в эти годы стала индустриализация. Она, как и в СССР, была ускоренной и с приоритетом развития отраслей группы «А» — тяжёлой промышленности. СССР всячески помогал странам Восточной Европы решать эту задачу. К 1960 г. он принял участие в восстановлении и строительстве в этих странах 761 промышленного объекта.

В годы индустриализации стран региона под влиянием СССР внедрялась специализация их промышленного производства. Советский Союз убедил своих союзников в том, что содружество социалистических государств — это навеки, поэтому им, как странам небольшим, не следует претендовать на развитие всех отраслей промышленного производства. Москва рекомендовала им развивать преимущественно те отрасли хозяйства, которые в конкретной стране традиционны, наиболее экономически выгодны и перспективны. Так, к примеру, Болгарии было рекомендовано выпускать для всего содружества электро- и мотокары, Польше — рыболовные суда, Венгрии — автобусы, Румынии — нефтеаппаратуру. Это привело к тому, что СССР стал сырьевым придатком своих союзников, а восточно-европейские страны, изолировали свою экономику от экономик развитых капиталистических стран, и, в конечном итоге, это предопределило их научно-техническое отставание от Запада.

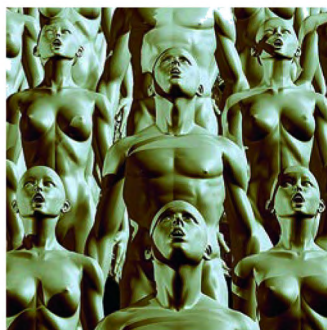
Составной частью социально-экономических преобразований в странах «народной демократии» были аграрные реформы. Их коренное отличие от советского образца на первом этапе заключалась в отсутствии национализации всей земли. При этом к зажиточным крестьянам применялись куда более мягкие ограничительные меры, чем во времена коллективизации в СССР. В основном это было прогрессивное налогообложение и запрет на использование рабочей силы.

Аграрные реформы в разных странах имели свои, порой довольно существенные особенности. Так, в Венгрии в процессе их осуществления ориентировались на рыночные принципы развития сельского хозяйства, а в Польше — отдали предпочтение развитию индивидуального крестьянского хозяйства. В целом, в процессе коллективизации аграрного сектора её основной формой стало формальное кооперирование. Из-за недостатка инвестиций «коллективизировалась» лишь организация крестьянского труда при сохранении технической и технологической базы, свойственных индивидуальному крестьянскому хозяйству.

Одновременно с социально-экономическими преобразованиями, в странах социалистического лагеря, как и в своё время и в СССР, осуществлялась культурная революция, основой которой было внедрение в сознание широких масс населения марксистско-ленинской идеологии в её сталинской интерпретации. Важнейшим рычагом решения этой проблемы являлась реформа образования, цель которой состояла не только (а может и не столько!) в том, чтобы научить людей грамоте, приобщить их к культуре, подготовить новые кадры, которые могли бы обеспечить всестороннее общественное развитие, а прежде всего создать новую национальную интеллигенцию, которая стала бы фундаментом просоветских социалистических преобразований.

Тема 4
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БЕСПЕРСПЕКТИВНОСТЬ
ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

В научной литературе, посвящённой анализу истории возникновения и сущности тоталитаризма, встречаются исследования, в которых утверждается, что тоталитарные системы власти не только имели место на всех этапах развития человеческого общества, но и сохраняются в длительной исторической перспективе. Ошибка авторов этих работ в том, что они не замечают принципиальных отличий между различными видами диктатур: например, между древними деспотиями, возникшими естественным путём и в «свое время», представлявшими собой очередную, закономерную ступеньку общественного прогресса и существовавшими многие столетия, и современными диктатурами тоталитарного типа, которые, будучи по форме власти и сути историческим прошлым, «ворвались» в век демократии, используя своеобразную обстановку, сложившуюся в Европе и мире после Первой мировой войны, претендуя при этом на высокую эффективность деятельности и относительное долголетие. Однако, их судьба, как инородных властных структур, не присущих современному общественному прогрессу и сформированных искусственно, была предрешена изначально: они могли, используя ситуацию перманентного кризиса после окончания Первой мировой войны, обеспечить себе относительно продолжительное существование, но в исторической перспективе не имели оснований претендовать на «светлое будущее», которое обещали своим народам, и должны были в силу объективных и субъективных факторов, раньше или позже, но по историческим меркам в недалёком будущем, уступить место политическим режимам другого, преимущественно демократического типа.

Это касается не только тоталитарного советского режима, выстоявшего в борьбе с фашизмом, но и тех тоталитарных режимов, которые были во время Второй мировой войны сметены с карты истории. Даже если бы Германия и её союзники одержали бы победу над Антигитлеровской коалицией, всё равно они через определённое время были обречены на гибель.

Следует заметить, что подобные выводы в обыденном сознании людей старшего поколения бывших тоталитарных стран, далеко не всегда находят поддержку и понимание. И это несмотря на то, что поколения людей XX-го столетия, живших в тоталитарных странах, испытали неимоверные экономические трудности, пережили войну и послевоенное восстановление экономики, помнят эксперименты формального народовластия, репрессии, фактическое бесправие, насильственную

идеологизацию и предельную политизацию общественной жизни, дефициты товаров и услуг, многие другие неблагоприятные реалии тоталитарных обществ.

Показательны в этом плане результаты социологического исследования, проведённого на Украине Институтом Горшенина накануне президентских выборов 2009 г. Среди 1207 респондентов-жителей Харькова в возрасте от 18 лет и старше на вопрос: «За кого из перечисленных исторических личностей вы бы проголосовали на выборах президента Украины?» явно лидируют те политические деятели прошлого, которые, будучи в своё время у власти, не отличались демократизмом. Так, Богдан Хмельницкий «набрал» 19,2% голосов, Пётр I — 17,8%, Иосиф Сталин — 10,5%, Михаил Грушевский — 8,2%, Владимир Ленин — 5,3%, Леонид Брежнев — 4,1%, Иван Мазепа — 3,8%, Степан Бандера — 2,4%, Никита Хрущёв — 2,3%, Наполеон Бонапарт — 2,3%, Эрнесто Че Гевара — 1,4%, Адольф Гитлер — 0,8% голосов.

Синдром тоталитаризма сохраняется даже в бывших тоталитарных странах Запада. Так, в апреле 1989 г. корреспонденты советской газеты «Известия», совершая поездку по Федеративной Республике Германии, беседуя с жителями, в ответ на вопрос, как они относятся к прошлому, получили в том числе и такое заявление: «Все они (нынешние политики) Гитлеру и в подмётки не годятся, потому и льют на него грязь, очерняют наше славное прошлое. А мы при Гитлере были выше всех. Он о народе думал — строил жильё, дороги, создавал рабочие места. Посмотрел бы я, где бы они все были, если бы он вернулся». По сведениям испанских источников после смерти в 1975 г. Франко и окончательной ликвидации в стране фашистского режима, 43% испанцев считали оптимальным режим либеральной демократии, но при этом 80% из них выступали за сохранение «закона и порядка», а 36% предпочли бы видеть во главе страны сильного, авторитетного лидера.

Сегодня можно говорить не о всплесках неофашизма в отдельных странах, а о его международном признании. Иначе как можно расценивать тот факт, что совсем недавно в Европарламенте была образована фракция «Самобытность, традиции, суверенитет», в которую вошли известные своими неофашистскими взглядами политики из Национального фронта Франции, голландского «Фламандского интереса», итальянской «Социальной альтернативы» (кстати, её возглавляет внучка Б. Муссолини), а также представители новых неофашистских организаций, таких, как румынская партия «Великая Румыния» и болгарская «Атака».

Очевидно, что эти факты и статистические данные не в состоянии в полной мере характеризовать политические предпочтения народов современного мира. Однако в них отражена память о том положительном, что сделали тоталитарные режимы для своих народов в трудное послевоенное время (моральный фактор этой благотворительности здесь не учитывается).

Можно напомнить, что после прихода в январе 1933 г. к власти фашистов в Германии, страна сумела преодолеть экономический кризис, в кратчайшие сроки создала сильнейшую в мире армию, в начале Второй мировой войны подчинила себе политическим или военным путём практически все европейские страны, несколько лет безуспешно противостояла Антигитлеровской коалиции.

Ещё более впечатляющие итоги экономического, социального, духовного и военного развития продемонстрировал СССР в годы правления И. Сталина. После

Первой мировой и Гражданской войн в стране в короткое время была восстановлена экономика, за 20 лет аграрная Россия превратилась в индустриальную сверхдержаву (в годы довоенных пятилеток в СССР было построено 9500 крупных промышленных предприятий). Хотя очевидно, что это делалось, прежде всего, для укрепления военной мощи СССР, тем не менее, модернизация экономики вызвала необходимость ликвидации неграмотности, введения системы доступного всеобщего, специального и высшего образования, формирования структур социального обеспечения, развития литературы и искусства, создания доступных для трудящихся здравоохранения, массового спорта, туризма и других сфер жизнедеятельности «социалистического» общества. Сталинский режим сумел в короткое время обеспечить минимальную стабильность жизненного уровня, под флагом «сталинской конституции», несмотря на жесточайшие репрессии, продемонстрировать «советскую демократию», обеспечить поддержание в «низах» дисциплины и веру в «мудрость» политического курса руководства партии и страны. Используя растущий экономический потенциал, перемены в общественно-политической жизни в 1920 — 30-е гг., СССР смог, хотя и предельно высокой ценой, не только противостоять нападению на него нацистов и вместе с союзниками одержать победу во Второй мировой войне, но и повести после неё борьбу за мировую гегемонию.

Однако временные успехи тоталитарных государств не обеспечили, и не могли обеспечить их длительной жизнедеятельности. Более того, теперь очевидно, что видимые источники силы этих политических систем, фактически стали источниками их слабости, которые и предопределили гибель тоталитарных режимов в исторически короткое время. При этом следует заметить, что исчезновение с политической сцены ряда тоталитарных режимов в результате их поражения во Второй мировой войне, в частности в Германии, Италии, некоторых стран Восточной Европы, не позволяет на их примере в полной мере проследить пороки тоталитарной власти и причины её коллапса. Однако этот «пробел» компенсируют тоталитарные общества коммунистического типа, которые, победив в войне, получили возможность и далее доказывать свою жизнеспособность и высокую эффективность, однако сделать этого не смогли.

К тому же не следует преувеличивать всенародную поддержку тоталитарных режимов в период их прихода к власти. Хотя этот фактор нельзя отрицать, тем не менее, уже изначально в обществах этих стран вызвали протест такие явления, как сверхцентрализация управления, создание однопартийной диктатуры, сращивание аппарата правящей партии с государственными органами, обеспечение приоритета власти партийных функционеров, игнорирование национальных проблем и даже отрицание права на существование отдельных наций, огосударствление массовых организаций трудящихся и придание им несвойственных функций государственного управления, приказные методы функционирования государственного механизма.

Остановимся лишь на главных причинах заката тоталитаризма.

Командно-административная система государственной власти и управления, которая установилась в тоталитарных государствах в конкретно-исторических условиях, причём, как правило, законным путём, в исторической перспективе изначально проигрывала демократии потому, что эта власть фактически оставила народ без власти, превратила народовластие в ненаполненную реальным содержанием

декларацию, ширму собственной диктатуры. При ближайшем рассмотрении диктатура тоталитарной правительственной власти оказалась партийной диктатурой, в которой ключевую роль играл личный авторитет вождя, перераставший в его культ.

По мере утверждения культа вождя партийная диктатура превращалась в единоличную власть. Во многих тоталитарных странах были конституции, но они выполняли декларативную роль. Законы и подзаконные акты разрабатывались чиновниками и ринимались по указанию партийных органов в центре и на местах единогласно, однако их выполнение носило формальный характер, ибо фактически законы дублировали партийные директивы, обладавшие «высшим правом». Декларированная демократическая система выборов в органы власти и управления на деле превращалась в «выборы без выбора»: в избирательном бюллетене предлагался лишь один кандидат в депутаты от «блока коммунистов и беспартийных» (как это было в СССР), или более трети депутатов Рейхстага — 810 из 2000 — назначались фюрером (как это было в Германии); явка избирателей на выборы была добровольной, но неявка влекла за собой определённые санкции; плебисциты декларировались как высшая форма изъясления воли народа, но практически почти никогда не проводились и т.д.

Слабым звеном тоталитарной власти и управления были кадры. Уровень их образования и опыт работы были крайне низкими. Особенно это касается тоталитарных обществ коммунистического типа, в которых унаследованная ими система управления была объявлена враждебной и разрушена «до основания». Кадры управленцев этой системы погибли во время революций и войн, либо были репрессированы, а прослойка новой высокообразованной интеллигенции в короткий срок создана быть не могла. Парадоксально, но факт: тоталитарные режимы и не были в этом заинтересованы. Более того, партийные и государственные элиты в этих странах стремились нивелировать образовательный уровень населения и устранить социальный слой интеллигенции путём превращения в псевдоинтеллигенцию возможно большей части населения. Это связано с тем, что правящие элиты, если их вообще можно считать таковыми в классическом понимании значения этого термина, и их лидеры сами не отличались высоким уровнем образования. Например, в составе Политбюро ЦК ВКП(б) с декабря 1930 по февраль 1941 гг. не было ни одного человека с законченным высшим образованием. Ещё более разительная картина открывалась на среднем, во многом определяющем, уровне управления. В 1939 г. 71,4% секретарей райкомов, горкомов, окружкомов и 41,1% секретарей крайкомов и ЦК компартий союзных республик не имели даже среднего образования. Эти партийные чиновники, занимая руководящие должности, предпочитали иметь в государственном управлении в качестве своих представителей людей на уровне элементарной грамотности, но политически благонадёжных и исполнительных. Они должны были в этой системе работать, по образному выражению исследователя тоталитаризма Б. Орлова, с исправностью муравейника, когда каждый послушно выполняет порученное ему дело (сомневающих тут же изолировали, особо сомнеющихся — уничтожали).

Понятно, что появление в аппарате управления прослойки подлинно образованных, грамотных, культурных работников взорвало бы изнутри тоталитарный режим, поскольку такие работники не смогли бы слепо верить в мудрость вождя, соглашаться исполнять социальную роль бездумных «винтиков» в механизме тоталитарной власти.

Всё это порождало у народа скептическое отношение к государству, власти, правящей партии и её лидеру, которое зрело в обществе и постепенно формировало мощную негласную оппозицию тоталитарному режиму, приближая его крах.

Централизованное, административно-командное управление экономикой, которое в большей или меньшей степени господствовало в разных типах тоталитарных обществ (советского типа — практически полностью, национал-фашистского — в меньшей степени, поскольку в Германии сохранялась экономическая деятельность крупных монополий и объединений), объективно оказалось слабее рыночных отношений, что предопределило в исторической перспективе победу последних.

Безусловно, ориентируясь на быстрое преодоление негативных экономических и социальных последствий войн и революций, ликвидацию путём штурмовщины традиционной отсталости, как это было в СССР, реализацию в короткие сроки колоссальных по масштабам военных программ, решение других чрезвычайных задач, тоталитарная власть с помощью административных методов, даже в тех странах, где частная собственность сохранялась, обеспечила временные экономические успехи, изначально при этом лишив народ нормальных условий жизни, заставив рабочих и крестьян в мирных условиях жить по законам военного времени.

Однако штурмовщина в экономике в конечном итоге оказалась неспособной создать стабильные условия для её динамичного, поступательного развития. По мере преодоления экстремальных ситуаций, стабилизации социально-экономической обстановки в обществе, выявления очевидной нереальности реализации долгосрочных и во многом авантюрных проектов, изначально декларированных тоталитарными режимами и суливших народам своих стран «светлое будущее», люди стали терять веру в могущество этой власти и, на опыте развития других стран, постепенно убеждаться в преимуществе рыночных методов регулирования экономических отношений и демократических методов решения политических проблем.

Экономические отношения в тоталитарных государствах коммунистически-сталинского типа отличались крайней политизацией и идеологизацией. Это поставило непреодолимые барьеры развитию научно-технического прогресса, а значит повышению производительности труда на основе интенсификации производства. Руководство социалистических стран делало всё для того, чтобы в социалистическом обществе не было безработицы, классовой борьбы, материального неравенства и других «пороков капитализма». Объективно такая политика тормозила поступательное развитие экономики, не способствовала повышению её социальной эффективности, обрекала общество на экономический застой и неизбежное отставание от цивилизованного мира.

Сосредоточив в своих руках необъятную власть, лидеры тоталитарных стран получили возможность единолично принимать судьбоносные для своих народов решения политического характера, которые нередко оказывались в лучшем случае не оптимальными, в худшем — ошибочными.

Эти решения пагубно сказывались на развитии экономики и на судьбах народов тоталитарных стран. Так, принятое Гитлером после разгрома Франции в начале Второй мировой войны и в ожидании лёгкой победы над СССР решение о свёртывании

военного производства для обеспечения сухопутной армии военной техникой и вооружением, по обоснованному мнению многих немецких историков, стало одной из причин поражения Германии в войне. Трудно переоценить ущерб экономике СССР и стран Восточной Европы от волевых решений их лидеров. Достаточно вспомнить принятые в 1954 г. по инициативе Н. Хрущёва решения об освоении целинных и залежных земель, чрезмерные масштабы разработки которых подорвали сельское хозяйство центральных районов страны, что едва не привело к голоду; введение в 1954 г. Советов народного хозяйства (совнархозов) раздробило руководство экономическими отраслями по многочисленным экономическим районам, нарушило единство технической политики, затруднило технический прогресс; отказ брежневского руководства в 1970-е годы от внедрения в экономику страны методов её интенсивного развития в пользу увеличения экспорта полезных ископаемых привело к замедлению роста нересурсных отраслей экономики, отставанию высокотехнологичных производств, ухудшению качества продукции и снижению уровня производительности труда; инициированная М. Горбачёвым в середине 1980-х гг. антиалкогольная компания в СССР нарушила стабильность денежного обращения в стране. Подобные примеры легко приумножить, поскольку субъективизм был неизменным спутником деятельности тоталитарных режимов.

Низкая эффективность централизации управления экономикой обусловлена также крайней степенью её бюрократизации, созданием и постоянным ростом численности огромного аппарата управления. По классификации Н. Загладина, вся армия советских управленцев представляла собой трёхэтажную пирамиду. Её первый этаж занимал самый многочисленный слой нередко ограниченных, недалёких исполнителей; второй этаж составляли видевшие ущербность и ограниченность решений «вождя», но вынужденные сознательно занимать конформистские позиции; и, наконец, в верхней части этой умозрительной пирамиды находились достаточно одаренные интеллектуалы, чтобы не поддаваться слепой вере, но подстраивавшиеся под требования «верхов» вполне сознательно во имя карьеры и получения привилегий, которые для них создавал режим личной власти. Именно эти, третьи, беспринципные, готовые подстраиваться под любую властную конъюнктуру ради выгоды для себя, определяли облик советского аппарата, в том числе в сфере экономики.

Отличаясь консерватизмом взглядов и действий, медленным реагированием на изменение потребностей производства, трудной восприимчивостью к технологическим новациям, ради сохранения своего привилегированного положения в обществе, этот аппарат нередко готов был воспрепятствовать даже самым прогрессивным экономическим реформам. Об этом свидетельствует судьба рыночных реформ (пусть даже ограниченных), которые были начаты в СССР в 1965 г. по инициативе Председателя Правительства А. Косыгина и видного экономиста Е. Либермана.

В процессе реализации этих реформ в годы восьмой советской пятилетки (1966 — 1970 гг.) были достигнуты позитивные результаты в развитии всех сфер жизни советского общества. Так, за 1965 — 1970-й годы национальный доход по сравнению с предыдущим пятилетием вырос с 30 до 45%, среднегодовые темпы экономического роста увеличились с 6,5 до 7,7%, производительность труда возросла с 31 до 39%. Не случайно восьмую пятилетку называли «золотой пятилеткой».

Однако, уже в начале 1970-х гг. экономика СССР вернулась к прежнему состоянию. Реформа «захлебнулась» как только стала распространяться на все предприятия и отрасли экономики и негативно сказалась на благополучии управленцев, особенно высшего звена. Именно они (включая часть членов Политбюро ЦК КПСС) сделали всё для того, чтобы свернуть процесс реформирования и вернуться к прежней экономической политике — малоэффективной, но привычной и надёжно обеспечивавшей материальное состояние и привилегии управленческого аппарата. А. Косыгин в 1971 г. в беседе с Председателем Правительства Чехословакии Л. Штроугалом констатировал: «Ничего не осталось. Всё рухнуло. Все работы остановились, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят. Реформу торпедируют. Людей, с которыми я разрабатывал материалы съезда, уже отстранили, а призвали совсем других. Я уже ничего не жду».

Бюрократизация управления экономикой в тоталитарном обществе вовсе не означает, что армия чиновников, забыв о собственных интересах, оказалась способной обеспечить эффективный контроль за огромным комплексом экономических процессов и взаимоотношений, добиться справедливого распределения материальных благ среди населения и предупредить экономическую преступность. Напротив, опыт показывает, что даже в СССР, где по некоторым оценкам западных исследователей степень тоталитаризации общества в первое послевоенное десятилетие была почти абсолютной, плановая советская экономика развивалась намного хаотичнее рыночной, а экономическая преступность носила массовый характер. В этом не трудно убедиться на примере масштабов т.н. «теневой экономики».

«Теневая экономика» включает в себя ту часть доходов, которая возникает в результате незаконной деятельности экономических структур или отдельных лиц (производство и сбыт контрабандной продукции, наркотиков, отчасти проституция, игорный бизнес и т.п.). Точные масштабы «теневой экономики» никому, естественно, не известны, но по оценкам экономистов в США она составляет 15%, Италии — 30%. Оценка этого показателя в СССР в 1990 г., например, колебалась от 20 до 100% (!) произведённого национального дохода, т.е. примерно 120 — 130 млрд. руб. в год, что составляло его пятую часть. Однако вполне может быть прав известный экономист П. Бунич, который считает, что это лишь видимая часть айсберга. Реально же, по его мнению, национальный доход СССР за период с 1929 по 1985 гг. возрос не в 84 раза, как утверждает официальная статистика, а в 6,6 раза. Колоссальные средства, украденные чиновниками у народа, позволили уже в 1950 — 60-е годы сформировать в СССР «класс бюрократии», который в недалёком будущем обрёт взрастившую его систему на гибель.

Ещё одним фактором слабости тоталитарных экономик явился их отрыв от международных экономических связей, невозможность интеграции в мировую рыночную экономику по причинам разных форм собственности, принципов управления, политических разногласий и идеологических противоречий с демократическим миром. Это лишало тоталитарную экономику доступа ко многим достижениям научно-технической революции, вынуждало правящие круги тоталитарных стран тратить огромные средства на развитие всего экономического комплекса, нередко ставило

перед фактом необходимости «изобретать велосипед», который в других странах, находящихся за пределами тоталитарного мира, был давно известен.

Попытки СССР сформировать систему экономической интеграции из союзных ему социалистических стран Европы, или нацистской Германии — в рамках завоеванных и союзных стран, экономика которых была включена в систему управления Рейха, результатов не дали. По сути, это были эксперименты, связанные с экспортом тоталитаризма в другие страны, которые, как и следовало ожидать, в конечном итоге завершились провалом.

Таким образом, крах централизованной тоталитарной экономики объективно был предопределён её неконкурентоспособностью с рыночной экономикой по всем основным параметрам. Убедительным доказательством этого является то, что обе эти экономики в XX-ом столетии неоднократно впадали в состояние кризиса. Но если динамичные рыночные экономики находили выход из кризисов путём интенсификации производства на основе широкого внедрения достижений научно-технического характера, то для консервативной тоталитарной экономики эти кризисы оказывались тупиковыми.

Ряд исследователей тоталитаризма правомерно утверждают, что главную роль в гибели этих режимов сыграл кризис тоталитарной идеологии. Тоталитаризм — детище идеологии, плод социальной инженерии, которые преследовали цель создания общества, привлекательного для людей труда: будь это коммунизм, который предполагалось создать в результате мировой социалистической революции для всех людей труда, или национал-социализм, который немцы хотели реализовать за счёт эксплуатации низших рас. Логично, поэтому, утверждать, что смерть тоталитарных идеологий, вызванная очевидностью нереальности осуществления провозглашённых и обоснованных ими проектов, неизбежно вызовет крах их политического детища, в какой бы форме оно ни существовало. Это в полной мере нашло подтверждение во второй половине XX столетия, когда сохранившиеся после Второй мировой войны тоталитарные режимы коммунистически-сталинского образца постепенно деградировали не только потому, что не сумели в полной мере реализовать социальные программы, обеспечить народам своих стран социальное благополучие, проиграв соревнование с рыночной экономикой, но, прежде всего, в результате нежизненности идеологии тоталитарного типа, потери веры народов тоталитарных обществ в реальность теоретических концепций, которые в своё время были провозглашены в этих странах находящимися у власти партиями. Кстати, политическая демагогия во многом и обеспечила им путь к руководству государством.

Тоталитарные режимы, несмотря на громкие обещания, не смогли обеспечить достойную жизнь простым людям своих стран, преодолеть дефицит товаров и услуг, реализовать декларируемые права и свободы людей разных социальных слоёв и наций и решить другие социальные проблемы, которые, в конечном итоге, в ряде стран стали детонатором антитоталитарных взрывов.

Агрессивный внешнеполитический курс тоталитарных стран, их изоляционистская от внешнего мира политика также стали важнейшими факторами заката тоталитаризма. Быстрая реализация колоссальных по масштабам военных программ требовала огромных затрат, которые не могли не сказаться отрицательно на благосостоянии и на-

строении народа, а изоляционизм в условиях бурного научно-технического прогресса, переросшего после Второй мировой войны в научно-техническую революцию, особенно в экономической области, не оставлял для этих стран другого удела, кроме места во втором эшелоне развития мировой цивилизации, либо ухода с исторической арены.

Факторы заката тоталитаризма определяют его конечную бесперспективность и гибель, но этот процесс в разных странах имеет свои особенности, может быть относительно коротким или длительным. Исключения составляют тоталитарные страны, потерпевшие поражение во Второй мировой войне в которых тоталитарные режимы власти были уничтожены силовым путём. Это касается в первую очередь Италии и Германии, а также союзных им держав Венгрии и Румынии. Последним явно не повезло, поскольку на смену тоталитаризму национал-социалистического типа, в них утвердился коммунистически-сталинский режим.

Мы уже отмечали, что тоталитарный режим Франко (Испания) пережил войну на три десятилетия. Переход этой страны к демократии состоялся после смерти диктатора (1975 г.) без насилия и социально-экономических потрясений, потому что фундамент для демократизации в Испании был заложен ещё в годы франкизма. Режим Франко был умеренно — тоталитарным, его авторитарные устремления сдерживала церковь, поскольку настроение далеко не всех священников было профранкистским.

По сравнению с Испанией, путь к демократии в большинстве стран Восточной Европы был более сложным. Строительство социализма советского образца в послевоенный период изначально вызывало протест значительной части населения этих стран, тяготевших к Западу. Однако попытки изменить курс общественно-политической жизни от коммунистически-сталинского тоталитаризма к демократии будто под лозунгом реставрации довоенных порядков (Венгрия, 1956 г.), или под флагом обновления и совершенствования социализма (Чехословакия, 1968 г.) подавлялись военной силой. В условиях «холодной войны» оппозиционные социализму движения в этих странах расценивались коммунистическим руководством как потенциально выгодные для враждебной капиталистической системы, при этом интересы населения восточноевропейских стран в расчёт не принимались.

К концу 1980-х годов в странах социалистического лагеря сложилась ситуация, когда внешняя оболочка режимов оставалась прежней, не изменилась существенно и риторика власти, однако всерьёз её уже мало кто воспринимал. Поэтому, когда после начала перестройки в СССР стало ясно, что советской угрозы военного вмешательства больше нет, по этим странам прокатилась волна бескровных (за исключением Румынии) переворотов демократического характера. К власти пришли лидеры, провозгласившие программы реформ, ориентированных на деэтизацию экономики и переход к рыночным отношениям.

Остаётся ответить на вопрос: почему не выдержала испытания временем тоталитарная система в СССР, а сам он перестал существовать как единое государство?

Аналитики газета «Сегодня» (2011, 8 декабря), отвечая на него, называют пять основных причин, которые в сжатом виде можно сформулировать так:

1. В конце 1980-х годов стало ясно, что СССР идёт к капитализму, однако и у М. Горбачёва, и у правительства страны чёткого плана перехода к рыночной экономике не было. Горбачёв, запустив рыночный механизм, не удержал

ситуацию в стране под контролем. Более того, рыночные реформы затягивались, усугубляя кризис. В этих условиях номенклатура республик, включая Россию, увидела для себя шанс избавиться от власти Центра и властвовать на своих территориях самостоятельно в интересах своего кармана, причем, делиться с Москвой не предполагалось. Окончательным сигналом для размежевания стало поражение ГКЧП и переход власти в Москве от М. Горбачёва к Б. Ельцину, который понимал, что попытки дальнейшего сохранения СССР могут привести к гражданской войне (пример Югославии был слишком свеж и показателен). Тем более, Россия с её огромными природными ресурсами, была более привлекательной для разворовывания созданной в советские времена собственности, чем все остальные союзные республики вместе взятые.

2. В гибели СССР немаловажную роль сыграл личностный фактор. Несмотря на отрицание коммунистами решающей роли личности в истории, именно она всегда играла исключительную роль. В 1917 г. без В. Ленина не было бы Октябрьской революции в России, а в 1991 г. не было бы августовского переворота без Б. Ельцина.

Конфликт между М. Горбачёвым и Б. Ельциным начался в 1987 г. и тогда, после снятия Б. Ельцина с поста первого секретаря Московского горкома КПСС, М. Горбачёв мог завершить его политическую карьеру. Но не сделал этого, и тем самым оставил для возникшей оппозиции сильного лидера — человека, который имел огромный политический опыт, отлично ориентировался во всех хитросплетениях советской политики и обладал незаурядной политической волей. Многие аналитики не без оснований считают, что если бы Б. Ельцин в 1991 г. был во главе КПСС, СССР продолжил бы своё существование. Ельцин не допустил бы ни «заговорщиков» в Беловежской пуще, ни защитников Белого дома, ни ГКЧП.

Но во главе мощной державы оказался слабый вождь, который постепенно сдал полномочия безвластному, но сильному сопернику.

3. Идеологическая несостоятельность СССР также стала причиной его распада. Народы огромной страны, отдавшие немало сил и жизни в борьбе за «светлое будущее», поняли, что не будет ни мировой революции, ни коммунизма, обещанного КПСС к 1981 г. Образовавшуюся идеологическую пустоту заполнило желание «жить как на Западе», при этом шансы на сохранение СССР оставались. Но тут вступил в действие новый идеологический фактор — национализм. Желание построить своё независимое государство в меньшей степени было характерно для народа Украины (кроме Западной), но стремление номенклатуры властвовать самой и здесь было достаточно сильным. Для республик Прибалтики, Средней Азии, Закавказья, Молдовы это стремление стало определяющим. Теоретически можно было попытаться сохранить союз России, Украины и Белоруссии (как предлагал в 1990 г. Солженицын), но это было бы таким «славянским национализмом», и для ЦК КПСС времён Горбачёва такая задача стала уже неподъёмной.
4. Распаду СССР всячески способствовал Запад. При этом вряд ли следует верить тому, что СССР развалили Соединённые Штаты. Американская пропаганда была ничуть не сильнее, чем советская. Не стоит, однако, недооценивать втор-

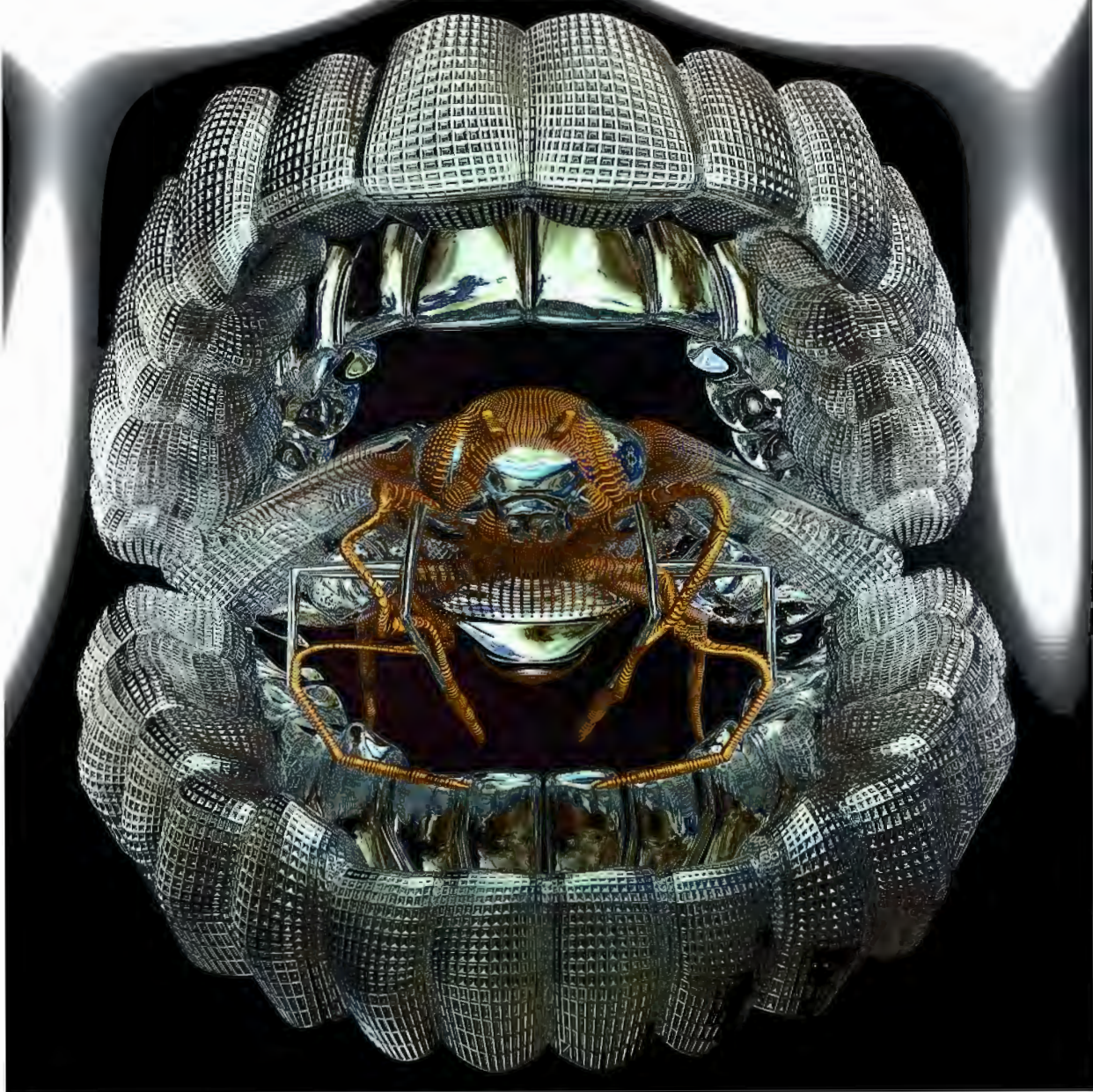
жения в советское общество символов американского образа жизни — джинсов, пепси-колы, «Мальборо» и т.п., которые влияли на сознание советской молодежи куда больше, чем передачи «Голоса Америки». Вашингтон больше беспокоил советский социализм, чем несоциалистический СССР, ослабленный внутренними распрями. И когда при Горбачёве такая возможность возникла, США и его союзники в Европе оказали ему всяческую поддержку. Но августовский путч 1991 г. серьёзно обеспокоил Запад, который посчитал, что слабость Горбачёва может создать возможность для реставрации коммунистического режима во всём Союзе. И Запад сдал Горбачёва, хотя это решение далось ему не так просто, ведь после распада СССР появилось несколько новых ядерных держав, включая Украину. Но НАТО это представлялось меньшим злом, чем опасность экспорта коммунизма.

5. СССР распался и потому, что в роковой момент у огромной страны защитников фактически не оказалось. Люди устали не только от тяжёлой экономической жизни, но и от неверия в будущее. Для Украины, например, этот фактор сыграл решающую роль. В 1991 г. после провала путча большинство украинского народа было крайне напугано перспективой полного хаоса в Союзе, поэтому, когда народу предложили независимость, за эту альтернативу на референдуме в декабре 1991 г. проголосовало более 90% украинских избирателей (напомним, что ещё в марте этого года почти 78% голосовавших на референдуме украинцев были за сохранение СССР). Люди голосовали за спокойную жизнь в собственной стране, за то, чтобы не воевать на Кавказе и в Средней Азии, да и непонятно было, что дальше будет в Москве.

Украина, наряду с Россией и Белоруссией, была базовой республикой для Союза и поэтому без неё сохранить старый, или собрать новый СССР было невозможно.

Таким образом, гибель тоталитаризма была предопределена изначально, поскольку само это явление в эпохе демократии объективно противоречило историческому прогрессу.

Формирование тоталитарных обществ на основе попыток реализации нереальной и нежизнеспособной в исторической перспективе идеологии (будь это коммунизм, или национал-социализм), и методами социальной инженерии, которые в конкретной обстановке перманентных экономических и политических кризисов, вызванных мировыми войнами, были использованы определёнными политическими силами (коммунистами или фашистами) не в интересах развития общественного прогресса. Процесс шёл в целях реализации эгоистических, но в конкретной обстановке привлекательных для большинства простого народа политических программ. С изменением социально-политической обстановки, как правило, в худшую сторону, а также под воздействием мирового демократического сообщества при разных обстоятельствах, тоталитарные режимы вынуждены были в большинстве своём уйти с политической арены, уступив своё место демократическим обществам.

Тема 5
НЕОТОТАЛИТАРИЗМ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Тоталитаризм во второй половине XX-го века потерпел крах. Значит ли это, что в современном мире его реанимация невозможна? В научных исследованиях однозначного ответа на этот вопрос не существует. Одни авторы не видят принципиальной разницы между диктаторскими режимами различных типов, поэтому, как отмечает российский исследователь Л. Поляков, склонны к «безразмерности поиска тоталитаризма от Ивана Грозного или средневековых китайских царств до оруэлловского «1984». Этой же точки зрения придерживается украинский политолог С. Вонсович, который в одной из своих работ пишет, что «тоталитаризм не является феноменом, присущим лишь последнему столетию». Другие исследователи с этой точкой зрения не согласны, полагая, что время тоталитарных режимов безвозвратно ушло. Так, Л. Васильев в одной из дискуссий по проблеме тоталитаризма утверждал: «Если коснуться ждущих планету перспектив..., то, как мне представляется..., для тоталитарного режима там места нет. Я отнюдь не считаю, что не может быть где-то когда-либо случайных рецидивов, но, в принципе веком тоталитаризма, видимо навсегда останется именно наш XX-й век».

Авторы книги не сторонники крайних точек зрения при ответе на этот вопрос. Н. Загладин, например, в своих трудах полагает, что ему должен предшествовать анализ наличия и жизнеспособности в современных условиях тех факторов, которые в начале XX-го века предопределили зарождение тоталитарных режимов, а затем способствовали их становлению и относительно длительному функционированию. Этим факторов как минимум три: тоталитарная идеология, социальная инженерия и состояние на данный момент общества, способного или неспособного принять тоталитарный политический режим власти.

Если говорить об идеологическом компоненте, который может способствовать возрождению тоталитаризма в современном мире, то очевидно, что сегодня приверженцы национал-социализма (фашизма) своим сторонникам ничего концептуально нового не предложили. Они подпитывают профашистские движения теми же постулатами, которые в своё время заложили немецкие философы Ф. Ницше, А. Шпенглер, Г. Гегель, итальянский философ Дж. Джентиле, проповедовавшие расизм, антисемитизм, пангерманизм, корпоративизм, вождизм, военную экспансию. Известно, что именно эти философские установки легли в основу программы Национал-социалистической рабочей партии.

Делегитимизация и крах коммунистической политической доктрины (марксизма-ленинизма советского образца) также не привели к её уходу с политической арены, а сама эта идеология в очередной раз, (это имело место неоднократно при Советской власти в СССР и других социалистических странах), приноровилась к новой обстановке: первыми её альтернативными заменителями стали перестроечные термины типа «новое политическое мышление», «приоритет общечеловеческих ценностей», «гуманный социализм», «социализм с человеческим лицом» (кстати, последний широко использовался в Чехословакии ещё во время событий 1968 г.) и т.п.

Таким образом, надвигавшийся крах марксистско-ленинской идеологии не застал коммунистическую номенклатуру врасплох. Она, как это ни парадоксально, не только пережила деидеологизацию раньше, чем массы, но и использовала её в собственных интересах.

Сказанное вовсе не означает, что власть, пришедшая в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в бывших странах социализма на смену тоталитарной, не нуждается в идеологии, не видит её роли в стабилизации современной политической системы посткоммунистического общества. Однако, не будучи в состоянии выработать принципиально новую идеологическую концепцию развития общества, хозяева новой жизни вынуждены продуцировать и распространять конгломерат идей, мифов, лозунгов, рассчитанных не на историческую перспективу, а на конкретную социально-экономическую ситуацию, и, как правило, порочащих историческое прошлое своих народов. Исключительно точно в одном из своих интервью (март 2012 г.) охарактеризовал эту ситуацию известный российский писатель Ю. Бондарев: «Мы живём в безвременье, без больших идей, без естественной доброты и нравственности, без скромности и защитительной стыдливости... Наша свобода — это свобода плевка в своё прошлое, настоящее и будущее, неприкосновенное, чистое...».

Не предлагают в идеологическом плане своим сторонникам ничего принципиально нового и радикальные некоммунисты, призывая их, как и прежде, в открытой или завуалированной форме вернуться в тоталитарное прошлое, возродить власть «сильной руки» — диктатуру пролетариата, отказаться от капитализма, от курса на рыночную экономику в пользу «социального равенства» советского образца.

Чтобы не быть голословными, приведём несколько цитат, позаимствованных из публикаций, предвыборных программ и выступлений лидеров прототалитарных партий и депутатов разных уровней той же идеологической направленности России и Украины. Как представляется, комментарии здесь излишни:

«Индийский океан омывает берега Индии, но он будет омывать берега России, самую южную оконечность России... День и ночь по железным дорогам и по автомобильным дорогам, и по авиатрассам в Россию будут идти необходимые нам товары из южных стран: продовольствие, одежда, обувь, сырьё. А обратно наши товары: продукция машиностроения, химической промышленности, оборудование и т.п.» (В. Жириновский — лидер Либерально-демократической партии России).

«Только личность, которая относит себя к титульной нации, может работать на благо своего народа с наибольшей самоотдачей» (Роман Козак — Председатель партии ОУН Украины).

«Принципы выборной демократии противоречат духу украинского народа».

«Европа обязана освобождением от фашизма в первую очередь нам, во вторую россиянам и другим народам Советского Союза».

«Украинцам пришлось в этом столетии уничтожить две империи — немецкую мы уничтожили героизмом, советскую — саботажем». (Дмитрий Корчинский — лидер всеукраинской партии «Братство»).

«Восстановить Советскую власть — гарантию стабильности и уверенности в будущем... Моя цель — передать власть Советам рабочих и крестьянских депутатов»... «Условием стабильности и порядка в государстве будет обязательное, без исключения, исполнение закона и народный контроль — диктатура пролетариата» (А. Яковенко — председатель Совета Коммунистической партии рабочих и селян Украины).

«...брать оружие и стрелять жидов, москалей и пшеков» (О. Тягнибок — лидер ВО «Свободы»).

«Я горжусь фактом, что среди 1500 карателей в Бабьем Яру было 1200 полицаев из ОУН и только 300 немцев» (В. Шкуратюк. депутат Ровенского горсовета).

Высказывания подобного содержания легко приумножить. В обобщённом виде они свидетельствуют о том, что основные идеи тоталитарной идеологии и национал-социалистического, и сталинско-коммунистического типа себя не пережили и занимают свою нишу в сознании некоторой части населения посттоталитарного мира, причём не только старшего, но и молодого поколения.

Нуждается ли современный мир во всём его многообразии политических систем в социальной инженерии, игравшей в своё время важнейшую роль в реализации умозрительных наукообразных тоталитарных идеологических концепций в общественно-политическую практику?

Ответ на этот вопрос очевиден: да, нуждается. Подлинная демократия — процесс не стихийный. Он ничего общего не имеет с анархией или охлократией (властью толпы). Общество, при определённых условиях, не может обойтись без административного регулирования экономических, общественно-политических, духовных процессов, которое создаёт предпосылки для защиты демократии во время экономических кризисов и при других чрезвычайных ситуациях. Речь идёт о демократически ориентированной социальной инженерии, которая должна органически сочетаться с общественным прогрессом и способствовать его развитию. В обществе с устоявшимися демократическими ценностями такая социальная инженерия носит, как правило, временный, тактический характер и призвана в конечном итоге защитить эти ценности.

Это подтверждает и вся история XX века, в котором, с одной стороны, социальная инженерия стала важнейшим условием зарождения и утверждения тоталитаризма, с другой — способствовала развитию прогрессивных общественных процессов.

Историкам хорошо известен «Новый курс» президента США Ф. Рузвельта, который был разработан с целью преодоления в этой стране экономического кризиса 1929–33 гг., т.н. «Великой депрессии». Меры, принятые Ф. Рузвельтом, были небезуспешной попыткой государственного регулирования системы, в основе которой лежала рыночная экономика. Сразу после победы на выборах 1932 г., Рузвельт провёл через Конгресс 70 законов, направленных на «оздоровление» промышленности,

сельского хозяйства, торговли, кредитно-денежной системы. Созданная в стране Национальная администрация восстановления промышленности провела её принудительное картелирование: промышленность была разделена на 17 групп, для каждой из которых государство устанавливало монопольные цены на продукцию, определяло условия торговли и кредита, ограничивало объёмы производства и рынки сбыта.

Для обеспечения выхода из кризиса сельского хозяйства государство оказывало помощь фермерам, устанавливало объёмы производства сельскохозяйственной продукции, регулировало цены.

Одновременно Рузвельт уделял большое внимание классовым отношениям в обществе, поддержке людей труда. Принятыми законами рабочим устанавливался минимум зарплаты и максимум продолжительности рабочего дня. Государственную защиту получила также молодёжь, среди которой было большинство безработных. Для её проживания создавались лагеря, молодёжь использовали на строительстве общественных объектов: предприятий, мостов, дорог (кстати, по ним американцы ездят до сих пор).

Всё это очень напоминает государственную систему управления, которая в эти годы была в СССР. Учёт её опыта для преодоления глубокого экономического кризиса в США не отрицают и сами американские экономисты. Однако эти меры потребовались США временно. Как страна с устойчивой либерально-демократической системой, по мере налаживания рыночного экономического механизма, она болезненно перешла от мобилизационной к демократической модели управления обществом и системам взаимоотношений внутри него. Гарантией этого перехода явились апробированный в докризисном времени механизм демократических процедур, принятый и устоявшийся в прошлом, и высокий уровень развития гражданского общества, напрямую зависящий от уровня политической культуры.

Социальная инженерия применяется и в современных обществах, причём не только индустриальных, но и постиндустриальных. Как правило, эти действия власти имеют успех, если связаны с решением частных задач, либо направлены на ускорение процессов, развивающихся в естественно-историческом русле. Так, удачным примером использования методов социальной инженерии явилась трансформация классового конфликта в странах Запада, которая привела в известной мере к социальному партнёрству труда и капитала (пусть и не всегда гармоничному). При этом основы классовых отношений в капиталистическом обществе и носители разных социальных интересов остались прежними, однако цель классовой борьбы коренным образом изменилась: со стороны рабочих она направлена теперь не на свержение власти революционным путём, а на обеспечение прав, свобод и экономических интересов людей труда.

Результаты этого процесса нельзя идеализировать, в разных постиндустриальных странах они неодинаковы. Вместе с тем, в некоторых из них, например в Швеции, под влиянием социальной инженерии в послевоенные годы произошли столь серьёзные социальные перемены, что они получили статус «шведской модели социализма», которая долгое время ассоциировалась с образцовым в социальном плане обществом.

Другой не менее убедительный пример влияния политической воли на объективно назревший процесс перехода цивилизованных обществ к постиндустриальной стадии развития. Для преодоления сопротивления этому процессу со стороны части наёмных работников, власти многих стран использовали идеологические и репрессивные меры, всячески поощряли ликвидацию старых, неконкурентоспособных производств и внедрение наукоёмких технологий, решали проблемы занятости освободившихся работников, путём налоговых реформ стимулировали деятельность тех корпораций, которые, несмотря на временные экономические издержки, ориентировались на внедрение инновационных технологий. Всё это ускорило формирование постиндустриальных обществ в странах «Севера» и поныне способствует их дальнейшему развитию.

Административное регулирование неоднократно обеспечивало в разных государствах успех в преодолении экономических трудностей, или внедрение в жизнь реформ, результаты которых потом назвали «экономическим чудом». Более того, многие исследователи небезосновательно полагают, что в ряде случаев даже военные перевороты следует расценивать не только как реакционные, но и как прогрессивные, если они способствовали предотвращению острых негативных ситуаций в обществе (скажем, назревшей гражданской войны) и в последующем пришедшие к власти военные не только не препятствовали переходу общества к демократическому развитию, но и создавали для этого необходимые условия. В 1973 г. в Чили, когда страна вплотную приблизилась к порогу гражданской войны, именно военный переворот помог стабилизировать обстановку в стране и создал предпосылки для либерально-демократических преобразований в последующие годы.

Итак, очевидно, что методы социальной инженерии не исчерпали своего значения и в современной общественной жизни. И нет никакой гарантии в том, что в определённых условиях их вновь не попытаются использовать в своих интересах сторонники «сильной политической руки».

Живучесть неототалитаризма в современном мире в значительной степени подпитывается тем «наследством», которое было им «нажито» и осталось после ухода с политической арены основных его носителей. Речь идёт не столько о сохранившихся до сих пор в ряде стран классических тоталитарных режимах (КНДР, Куба и др.), или укреплении авторитарной власти в ряде посттоталитарных стран (которая, кстати, при определённых условиях, легко может трансформироваться в тоталитарную), сколько об исторических корнях национал-социалистического и коммунистически-сталинского тоталитаризма, их кадровом потенциале, находящемся у власти до настоящего времени, прочно укоренившихся среди части населения настольгических настроениях тоталитарного типа, о неототалитарных политических движениях, которые в борьбе за власть используют опыт своих предшественников, ориентируясь как на демократические, так и на экстремистские методы её завоевания.

После Первой мировой войны в Европе сложилась общественно-политическая обстановка, которая в идейном и организационно-политическом отношении была значительно ближе фашистской Германии, чем СССР. Свидетельством этому является то, что из 27 стран континента — в 17 были сформированы фашистские или полуфашистские режимы. Для этих стран в годы Второй мировой войны СССР был

таким же противником, как и для Германии, и поражение Германии в войне они приняли как собственное поражение. Поэтому надеяться на то, что народы этих стран считают освобождение Европы от нацизма как спасение от печальной участи, которую несла им фашистская Германия, ждать от них благодарности за победу СССР в войне, вряд ли разумно. Логичнее согласиться с мнением сотрудника Института славяноведения Российской академии наук О. Неменского, который полагает, что если бы Гитлер победил СССР, современная Европа, включая страны англоязычной культуры, считали бы его великим спасителем.

Не удивительно поэтому, что многие европейцы не только старшего поколения, но и из числа молодёжи до сих пор испытывают ностальгию по предвоенной государственности и тем проектам, которые эти государства разрабатывали и пытались реализовать, связывая их успех с фашистской Германией. Среди определённых кругов населения мечта о реванше до сих пор обеспечивает частичную реабилитацию Третьего Рейха, а значит и нацизма. Это одна из причин жизнеспособности неоталитарных, неонацистских настроений определённой части населения во многих странах Европы. Главная трудность для их реализации заключается лишь в том, что нацизм теперь признан однозначным злом как в постсоциалистических странах, так и на Западе.

Коммунистическая модель тоталитаризма также оставила после себя немало политических и интеллектуальных иллюзий. В полной мере эта модель не исчерпала свой духовный и номенклатурный потенциал. Её жизнеспособность была прервана «революцией сверху» во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг., которая декларировала вступление бывших социалистических стран на путь демократии. Однако, от декларации до реальности — дистанция огромного размера.

Фактически коммунистическая номенклатурная система власти никогда и нигде полностью не исчезала, сама номенклатура добровольно власть никому не отдавала и её, тоталитарную власть, никто и никогда полностью не ликвидировал. В бывших социалистических странах она, безусловно, по форме в значительной степени эволюционизировала, но генетически, сущностно, исторически осталась связанной с прежней властью, и, по сути, лишь приспособилась к новым условиям. Её носителями в большинстве своём являются прежние партийные и советские чиновники, занимавшие при коммунистическом режиме ключевые посты.

Тоталитарное прошлое властной элиты послесталинского периода изначально предопределило её нежелание и неспособность быстро и решительно очиститься от тоталитарного наследия. Этот процесс, едва начавшись в СССР с приходом к власти Н. Хрущёва, ограничился «оттепелью», которая в лучшем случае способствовала переходу советского общества к авторитарным формам правления, к отказу от массовых репрессий сталинских времён и проведению властью бутафорских компаний, декларированных как путь к реализации коммунистических программ. Общество же продолжало жить в условиях авторитаризма, грань между которым, и тоталитаризмом, оставалась весьма условной. Эта историческая запоздалость подлинного развития демократических процессов и сегодня во многом предопределяет и усугубляет огромные трудности в реализации демократических норм жизни, создаёт питательную почву для неототалитаризма и экстремизма.

В период политической нестабильности и экономической неопределённости, бывшие советские чиновники, быстро приспособившиеся к новым условиям, сформировали новый тип собственности путём нелегитимного, теневого присвоения и раздела т.н. «общенародной собственности», созданной в советское время, фактическим распорядителем которой была тогдашняя партийная бюрократия, теперь перекрасившаяся в демократов. При этом совершенно не важно, что это делалось по инициативе прагматичной «реформаторской» её части под флагом «перестройки» советского общества.

По сути, в нынешних условиях в бывших странах социализма власть стала универсальным товаром, предметом купли-продажи на закрытом для большинства граждан политическом рынке между различными могущественными криминально-номенклатурно-корпоративными кланами, среди участников которых есть немало тех, кто хорошо помнит тоталитарную систему и не против её вернуть. Многие лидеры этих кланов давно легализовались, стали действовать открыто, пошли в политику, и, завладев собственностью, стали активно скупать в своих интересах ключевые должности в законодательной, исполнительной и судебной системах власти.

Понятно, что в этих условиях борьба с коррупцией, с мафией, процветавшими при коммунистическом тоталитаризме, носит популистский характер, не имеет, и не будет в ближайшей перспективе иметь реального успеха.

Хозяева современной жизни, наследовавшие власть и собственность от тоталитарного общества, борются против тех социально-экономических условий, которые обеспечивают относительную легитимность и жизнеспособность нынешней посткоммунистической собственности и власти, не будут.

О ностальгических чувствах части населения по тоталитарным временам свидетельствует безуспешная попытка в ряде бывших социалистических стран запретить коммунистические партии, наличие у коммунистов социальной базы (поддержки), опираясь на которую они добиваются значительных успехов на выборах депутатов в законодательные органы власти и имеют своё представительство в парламентах многих стран. Безусловно, ортодоксальные коммунисты, продолжающие призывать свои народы вернуться в тоталитарное прошлое, не пользуются особым успехом, но большая их часть сегодня отказалась от курса на мировую, и даже национальную революцию, сблизилась с социал-демократической концепцией реформ в условиях капитализма и готова бороться за лучшее будущее своего народа демократическими методами.

Ответ на вопрос о возможности реанимации тоталитарных режимов требует учитывать не только аргументы, которые предупреждают человечество о наличии такой опасности в современном мире, но и учесть, то, что мир теперь живёт в принципиально новых условиях и обладает определённой степенью иммунитета от возвращения к далеко не для всех привлекательному прошлому.

«Классический тоталитаризм» возник в весьма специфических условиях первой трети XX-го века, когда существовали и эффективно действовали массовые армии во главе с командирами-единоначальниками, работали огромные предприятия с конвейерным унифицированным производством, большой численностью работников, управление которыми осуществлялось из единого центра. Даже в самых

сложных условиях войны или послевоенного экономического кризиса эти методы управления демонстрировали достаточно высокую эффективность, и, тем самым, пусть опосредствованно, подталкивали общество в целом в условиях кризиса к отказу от демократии. При этом в 1920—30-е гг. тоталитарные общества по эффективности развития экономики были вне конкуренции в мировом масштабе, развивались более динамично, чем демократические, переживавшие глубокий экономический кризис.

Теперь эти факторы в значительной части мира отсутствуют. Массовых армий в абсолютном большинстве стран нет. Их заменили относительно немногочисленные профессиональные вооружённые силы, служба в которых осуществляется не столько ради идеи, сколько ради денег. «Роботы» этой армии способны выполнить не только функции защиты страны от внешнего врага, но и защитить эту власть от её внутренних противников.

Нельзя забывать и то, что после Второй мировой войны мировое сообщество живёт в условиях научно-технической революции, которая оказала огромное влияние на все сферы жизнедеятельности людей. В странах «Севера» теперь обстановка совсем другая. Она явно не способствует возрождению тоталитаризма: трудовая деятельность там характеризуется интеллектуализацией, индивидуализацией труда и переходом к мелкосерийному высокотехнологичному производству; огромная армия наёмного труда заменяется автоматикой; развивается и становится приоритетной такая отрасль, как производство знаний. В результате этих перемен всему населению обеспечен довольно высокий уровень потребления. Наконец, народы не могут не учитывать негативный опыт деятельности тоталитарных режимов XX-го века.

Всё это не совместимо с тоталитаризмом. Поэтому нельзя не согласиться с выводом ряда исследователей о том, что в современных условиях тоталитаризм может давать о себе знать либо в локальных масштабах, либо в обществах, которые задержались на доиндустриальной, или индустриальной фазах развития.

Именно в этой зоне находятся постсоциалистические страны, в т.ч. Украина.

Когда речь идёт о возрождении тоталитаризма в своей стране, хочется отрицать такой вариант, и, полагать, что это её безвозвратное прошлое.

Тем не менее, нельзя не видеть тех реальных опасностей, которые могут принести Украине не только воспоминания о её трагическом тоталитарном прошлом, но и их реанимацию в будущем.

Авторы книги, опираясь на наработки по этой проблеме исследователей из России и Украины, особенно С. Вонсовича, О. Долженкова, Б. Демьяненко, Н. Загладина, Г. Крючкова, Д. Табачника и др., предприняли попытку выяснить реальную степень опасности возврата в авторитарное, или даже тоталитарное прошлое Украины. Для объективного анализа от исследователя требуется, с одной стороны, учёт общности, взаимосвязанности, взаимовлияния процессов, происходящих теперь в странах постсоветского пространства; с другой — анализа особенностей Украины, её менталитета в прошлом и настоящем, географического положения, экономического потенциала, демографической ситуации в годы независимости, исторических традиций украинского народа и многих других факторов, которые могут оказать судьбоносное влияние на выбор будущего курса страны. Уровень учебного пособия

не может претендовать на сколько-нибудь серьёзный вклад в анализ этой сложной проблемы, поэтому в нём представлены материалы для дальнейших дискуссий.

Став независимой, Украина уже 24 августа 1991 г. специальным постановлением Верховной Рады провозгласила себя демократической державой. Этот статус декларирован и в украинской Конституции (принята 28 июня 1996 г.), в которой говорится: «Украина есть суверенное и независимое, демократическое, социальное, правовое государство».

Однако понятно, что в этих основополагающих документах констатировано пока не столь реальное состояние украинского общества, которое ещё день назад до их принятия оценивалось если не как тоталитарное, то, безусловно, авторитарное, а, скорее, определены курс и желаемая конечная цель его будущего развития.

Реализация демократического вектора развития Украины, как показывает весь период её независимости, оказалось весьма непростым делом. Длительное тоталитарное, а затем авторитарное прошлое Украины в составе СССР, оставило после себя глубокие корни и не собирается уходить с политической арены быстро и добровольно. Это предопределило реальный дуализм в её политическом развитии в годы независимости, сопровождающийся противоборством нового со старым, стремлением, с одной стороны, провести демократические реформы в обществе, с другой, противодействием им, ставших привычными для значительной части населения, особенно людей старшего поколения, авторитарных стереотипов жизни и власти. Эта борьба остаётся не только объективной реальностью современного украинского общества, но, видимо, будет сохраняться ещё длительное время.

На основе анализа реальной обстановки на Украине на современном этапе её развития, можно утверждать: угроза возврата тоталитаризма в Украине вполне реальна и недооценивать её ни в коем случае нельзя. Призыв чешского антифашиста Юлиуса Фучика, содержащийся в его знаменитой книге «Репортаж с петлёй на шее»: «Люди, я люблю Вас! Будьте бдительны!», сегодня не менее актуален для Украины, чем в 1942 г., когда он прозвучал. Иначе тоталитаризм может иметь своё продолжение в XXI веке, лишив своего предшественника на эксклюзивное право обладания этим феноменом.

Следует отметить, что поражение Германии, её европейских сателлитов и Японии во Второй мировой войне, падение в 1974–75 гг. фашистских режимов в Португалии, Греции, Испании, крах тоталитаризма коммунистического типа в конце 1980-х — начале 1990-х гг. почти во всех странах социализма, ликвидация колониальной системы империализма — всё это реальные шаги развития мира по пути к демократии в послевоенный период. Однако и теперь, тоталитарные, а тем более авторитарные формы власти, исторически изжившие себя, в ряде стран остаются жизнеспособными, сохраняют себя как в первозданном (КНДР), модифицированном (КНР, ДРВ, Куба) виде, так и в форме атавизмов прошлого в демократической канве развития современных цивилизованных обществ, как идеологическая и политическая составляющая их общественной жизни.

Для Украины, как и других стран постсоветского пространства, характерен переходный период становления «молодой демократии», демократической государственности и многопартийности.

Наиболее ярким выражением стремления к демократизации украинского общества является рост численности в нём политических партий. Известно, что на начало 1993 г. в стране было зарегистрировано 18 партий, в 1994 г. — 54, на конец 2007 г. — 74, а в первой половине 2012 г. их численность достигла 199. Этот процесс вовсе не является признаком зрелой демократизации общества, скорее это результат его несформировавшейся социальной структуры в переходный период. Ведь ни одна зрелая демократическая страна в мире, как известно, не отличается многочисленностью и политическим многообразием партий.

Большинство из возникающих партий являются националистическими. Так, в современном составе политических партий Украины, по мнению исследователей, можно выделить пять условных политических блоков: консервативно-коммунистический, социал-либеральный, национал-демократический, национал-государственный, национал-радикальный. Таким образом, 4/5 партий в той или иной степени в своих программах используют национализм, а часть из них являются радикальными националистами, идеологии и программы которых в той или иной степени носят неототалитарный характер. Лидером среди них является Всеукраинское объединение «Свобода», возглавляемое О. Тягнибоком. Определить общую численность членов националистических партий и организаций на Украине достаточно сложно, но то, что она весьма значительна, не вызывает сомнения.

Учитывая общие корни Украины, общее прошлое и менталитет с другими странами постсоветского пространства, особенно с Россией, вполне можно сравнить Украину с соседними постсоветскими странами и полагать, что украинские неототалитаристы ничем не уступают им по всем показателям, если только не превосходят. В России, по данным Московского бюро по правам человека, в экстремистских организациях состоит 500 тыс. молодых человек (банды уголовников и футбольных фанатов сюда не входят). Самые крупные группировки неонацистов находятся в Петербурге и Москве. Вдумайтесь: приведенная цифра в 2,5 раза превышает численность нынешней украинской регулярной армии. Можно ли недооценивать опасность этой силы для возрождения тоталитаризма, даже для значительно большей по территории и численности населения России, чем Украина? Безусловно, нет.

На Украине неонацисты, неоккоммунисты и экстремисты других «окрасок» не только «играют мускулами», но в ряде западных регионов уже реально пришли к власти, возглавив местные советы. Теперь они рассчитывают добиться успеха на очередных парламентских выборах, надеются сформировать в Верховной Раде свою фракцию и бороться за реализацию неототалитарных идеалов в целом в стране. Методы решения этой задачи могут быть самыми разными: от использования опыта своих предшественников — фашистов, которые в большинстве стран в 1920 — 1930-е гг. пришли к власти вполне цивилизованным путём, победив своих политических соперников на выборах, до применения силы для захвата власти, благо в Украине есть для этого «горючий материал».

В одном из своих интервью известный украинский поэт, прозаик, политик Б. Олейник на вопрос: «А социальный взрыв может быть?» ответил: «Когда угодно. Перед революцией у нас меньшая пропасть была между богатыми и бедными. А тут кричащая, опасная и даже взрывоопасная. Это кажется, что украинцы тихонь-

ко сидят за тыном. А вспомните ГайдаMATчину, Русский бунт, как известно бессмысленный и беспощадный. Украинский, по-моему, ещё страшнее. Там же где-то играет казацкая кровь».

Другой известный украинский писатель и общественный деятель Дмитрий Павлычко даже рискнул указать адрес, где может зародиться «новый Майдан». «Я думаю, заявил он в Интернете, что он будет начинаться с Востока, так как Восток сегодня наиболее унижен».

Что касается наличия в украинском обществе социальной несправедливости, особенно резкого экономического расслоения населения, то тут Б. Олейник безусловно прав. Имеющиеся в научной, публицистической литературе и Интернете данные по этому поводу свидетельствуют о том, что на Украине разрыв в доходах между богатыми и бедными настолько велик, что аналоги ему можно найти лишь в некоторых латиноамериканских и африканских странах. В цивилизованном мире такого экономического расслоения населения давно не существует.

В своей книге «Фашизм в Украине: угроза или реальность?», вышедшей в 2008 году, её авторы Г. Крючков и Д. Табачник сообщают, что 50 самых богатых людей на Украине обладают 80% национального богатства страны. Разрыв между 10% самых богатых и 10% бедных граждан составляет 1:40, в то время как в странах Европейского Союза этот показатель колеблется в пропорции 1:5, 1:7, а в Японии — 1:4,5. Нельзя при этом не заметить, что, будучи у власти, богатые (известно, например, что среди депутатов Верховной Рады — абсолютное большинство — бизнесмены) путём принятия угодных им законов и подзаконных актов присвоили и основную часть льгот, по логике предназначенных для малоимущих. Так, газета «Факты» в номере от 1 марта 2012 г. сообщала, что на Украине 10% беднейших граждан получают 2% объёма социальных льгот, а 10% самых богатых граждан — 22% социальных льгот, т.е. в 10 раз больше. Такой абсурд трудно встретить где-либо в мире.

Можно ли в этом случае удивляться, что в одном из исследований, проведенных Институтом социологии НАН Украины в 2007 г., 89,1% опрошенных граждан считают необходимым изменить социально-политический строй в стране, причём 41,6% допускают его изменение радикальным путём. Нет ли тут предпосылок к революции неототалитарного типа, в результате которой страна может возвратиться в тоталитарное прошлое? Уместен и ещё один пример: Октябрьскую революцию 1917 г. в России по данным статистики совершили лишь 10 % населения страны.

Ответ очевиден. И молодое поколение Украины не может и не должно пренебрегать этой реальностью, чтобы не повторить наше трагическое историческое прошлое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уходя в историю, тоталитарные режимы, образно говоря, оставили завешание и предупреждение ныне живущим и будущим поколениям людей. Его суть предельно проста: в жизни общества, как и у каждого человека, не бывает лёгких путей выхода из трудных ситуаций, из кризисов. Попытка верить тем политическим силам, которые в трудной для народа обстановке их обещают, как показывает исторический опыт тоталитаризма в XX-ом веке, для миллионов людей обернулась неисчислимыми жертвами, невероятными бедствиями и страданиями ни в чём не повинных граждан государств, в которых тоталитарные силы пришли к власти по сути обманным путём. Деятельность тоталитарных режимов убедительно подтверждает, что исторической альтернативы подлинной демократии в современном мире не существует, и надо дорожить любой возможностью обеспечить демократическое развитие своей страны, всячески развивать и приумножать общечеловеческие ценности в интересах обеспечения достойной жизни сограждан.

Список литературы:

- Арендт Х. Походження тоталітаризму / Х. Арендт. — К., 2000. — 527 с.
- Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. — М.: Текст, 1993. — 303 с.
- Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты / В.А. Барсамов // Социологические исследования. — 2006. — № 8. — С. 57-66.
- Баго Я. Нацизм (От триумфа до эшафота. Пер. с венг.) / Я. Баго. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. — 543 с.
- Белоусов Л.С. Бенито Муссолини: политический портрет / Л. С. Белоусов // Новая и новейшая история, — 1991. — № 5-6.
- Божанов В.А. Восхождение к абсолютной власти: большевики и советское государство в 20-е годы / В.А. Божанов. — М.: ТЕСЕЙ, 2004. — 272 с.
- Борисов Ю. Тоталитаризм и отечественная история / Ю. Борисов // Свободная мысль. — 1992. — № 14. — С. 61-71.
- Борисёнок Е.Ю. Укрепление сталинской диктатуры и поворот в национальной политике на Украине (1930-е годы). / Е.Ю. Борисёнок // Отечественная история, 2003. — № 1. — С. 162-170.
- Волгогонов Д.А. Триумф і трагедія: Політичний портрет Й.В. Сталіна / Д.А. Волгогонов. — К.: Політвидав України, 1989. — Кн. 1. — 412 с.; Кн. 2. — 412 с.
- Вождь. Хозяин. Диктатор. — М.: Патриот, 1990. — 573 с.
- Вонсович С.Г. Дискурс тоталітаризму (Політологічний аспект) / С.Г. Вонсович. — К., 2008. — 200 с.
- Гейден К. Путь НСДАП (Фюрер и его партия. Пер. с нем.) / К. Гейден. — М.: Яуза: ЭКСМО, 2004. — 575 с.
- Галкин А.А. Германский фашизм. 2-е изд. / А.А. Галкин. — М.: Наука, 1989. — 350 с.
- Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. — 1992. — № 2. — С. 3-25.
- Голомшток И. Тоталитарное искусство / И. Голомшток. — М.: Галарт, 1994. — 296 с.
- Горелик Ф.Б. СССР: причины взлета и падения / Ф.Б. Горелик. — Луганск, 2007. — 139 с.
- Данилов В.П. Сталинизм и советское общество. / В.П. Данилов // Вопросы истории, 2004. — № 2. — С. 169-175.
- Данилов А.Г. Опыт единоличной власти в России в XVI — XX вв. / А.Г. Данилов // Вопросы истории. — 2009. — № 1. — С. 54-68.
- Долженков О.О. Тоталітаризм в Україні: проблеми формування та трансформації / О.О. Долженков. — Одеса: НДРВВ ОІВС, 2000. — 195 с.
- Дем'яненко Б. Особливості структурування та схожість практичного прояву нацистської та сталінської моделей тоталітаризму / Б. Дем'яненко // Нова політика. — 1998. — № 1. — С. 50-56.
- Дем'яненко Б. Порівняльний аналіз фашистської та сталінської моделей тоталітаризму / Б. Дем'яненко // Нова політика. — 1999. — № 1. — С. 36-47.

Дем'яненко Б.Л. Три моделі тоталітаризму: порівняльний аналіз фашизму, більшовизму та націонал-соціалізму / Б.Л. Дем'яненко. — К.: Нелень, 2000. — 288 с.

Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. / А.Н. Дугин. — М.: Наука, 1999. — 103 с.

Епплбом, Енн. Історія ГУЛАГУ (пер. з англ.) / Енн, Епплбом. — К.: Києво-Могилянська академія, 2006. — 512 с.

Желев Ж. Фашизм: тоталитарное государство / Ж. Желев. — М.: Новости, 1991. — 334 с.

Журавлѐв В.В. Сталинская модель: взгляд через годы / В.В. Журавлѐв // Кентавр. 1993. — Ноябрь-декабрь. — С. 109-116.

Загладин Н.В. Тоталитаризм и демократия: конфликт века / Н.В. Загладин // Кентавр. — 1993. — Май-июнь, июль-август, сентябрь-октябрь.

Зеленин И.Е. Кульминация большого террора в деревне. Зигзаги аграрной политики (1937 — 1938 гг.) / И.Е. Зеленин // Новая и новейшая история, 2004. — № 1. — С. 175-180.

Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе / Ю.И. Игрицкий // История СССР. — 1990. — № 6. — С. 172-189.

Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме / Ю.И. Игрицкий // Отечественная история. — 1993. — № 1. — С. 3-17.

Иноземцев В.Я. Был ли потерян XX век? / В.Я. Иноземцев // Вопросы истории. — 2001. — № 6. — С. 147-151.

Истягин Л.Г. Исследование по тоталитаризму: в поисках нового обоснования концепции / Л.Г. Истягин // Полис. — 1997. — № 2. — с. 180 — 191.

Иванова Г.М. ГУЛАГ (языком документов) / Г.М. Иванова // Новая и новейшая история, 2001. — № 4. — С. 149-154.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: в 2 кн. / С.Г. Кара-Мурза. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — Кн. 1: От начала до Великой Победы. — 639 с.; кн. 2: От Великой Победы до наших дней. — 767 с.

Коммунистический режим и народное сопротивление в России. 1917 — 1991. — М.: Посев, 1997. — 80 с.

Крючков Г.К. Фашизм в Украине: угроза или реальность / Г.К. Крючков, Д.В. Табачник. — Харьков: Фолио, 2008. — 414 с.

Кулик В. Тоталітаризм у традиції та сучасності України / В. Кулик // Філософська і соціологічна думка. — 1993. — № 7-8. — С. 9-13.

Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии / Б.Р. Лопухов. — М.: Наука, 1977. — 295 с.

Малай В.В. Начало гражданской войны в Испании в 1936 году и проблема вмешательства. По материалам архива внешней политики РФ / В.В. Малай // Новая и новейшая история, 2006. — № 6. — С. 28-45.

Медведев Р. О Сталине и сталинизме / Р. Медведев. — М., 1990. — 484 с.

- Муссолини Б. Доктрина фашизма / Б. Муссолини. — М.: Триас, 1995. — 60 с.
- Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Г. Пикер. — Смоленск: Русич, 1998. — 484 с.
- Прозектор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. Изд. 2-е, доп. / Д.М. Проэктор. — М.: Наука, 1989. — 556 с.
- Платонов О.А. Терновый венец России: история русского народа в XX веке (В 2-х т.) / О.П. Платонов. — М.: Родник, 1977. — Т.1. — 1039 с.
- Проблемы испанской истории. — М.: Наука, 1992. — 208 с.
- Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20 — 60-е гг. Сб. статей. — М.: Наука, 1991. — 253 с.
- Природа тоталитарной власти: обсуждение за «Круглым столом» // Социологические исследования. — 1989. — № 5. — С. 42-52.
- Смирнов В.Н. Идеология и практика нацизма в годы Второй мировой войны / В.Н. Смирнов. — Харьков: Майдан, 2009. — 240 с.
- Третий рейх. Тайны, загадки, секреты. — М.: Мартин, 2003. — 527 с.
- Токарева Е.С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии (1922 — 1943) / Е.С. Токарева. — М.: ИВИ РАН, 1999. — 352 с.
- Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. — М., 1995. — 286 с.
- Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. В 2-х частях. Часть 2. — М.: РАН, 1993. — 238 с.
- Тоталитаризм как исторический феномен. Сб. статей. — М., 1989. — 395 с.
- Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20 — 80-е гг. XX в.): Материалы Международной научной конференции (Харьков, 21-23 сентября 1993 г.): В 2-х т. — Харьков: МНАБ, 1994. — Т. 1. — 334 с.; 1995. — Т.2. — 492 с.
- Тоталитаризм в Европе XX века: из истории идеологий, движений, режимов и их последствий. — М.: Памятники исторической мысли, 1996. — 537 с.
- Такер Р. Сталин у власти. Революция сверху, 1928 — 1941 / Р. Такер. — Нью-Йорк-Лондон, 1990. — 707 с.
- Табачник Д. Сталінський терор. Україна наприкінці тридцятих: історико-документальна сповідь / Д. Табачник, В. Розтальний. — К., 1989. — № 2. — С. 140-157.
- Тоталітарна держава і політичні репресії в Україні у 1920 — 80-ті роки: Матеріали Міжнародної наукової конференції (Київ, 15-16 вересня, 1994 р.). — К., 1998. — 290 с.
- Терлецька І.В. Сучасний історіографічний дискурс сталінізму як феномен тоталітаризму / І.В. Терлецька. — К., 2009. — 162 с.
- Устрялов Н. Итальянский фашизм / Н. Устрялов. — М.: Вузовская книга, 1999. — 192 с.
- Умланд А. (ФРГ) Западные публикации по фашизму и неофашизму / А. Умланд // Новая и новейшая история, 2008. — № 4. — С. 201-209.

Федотов Г.П. Сталинократия / Г.П. Федотов // Кентавр, 1992. — Июль — август. С. 138 — 146.

Фельгина А. Все об Испании / А. Фельгина. — Харьков: Фолио, 2001. — 545 с.

Чернявський Г.І. Тінь люциферова крила: більшовизм та націонал-соціалізм: порівняльно-історичний аналіз двох форм тоталітаризму / Г.І. Чернявський. — Х., 2003. — 328 с.

Формирование административно-командной системы. 20 — 30-е годы. Сб. статей. — М.: Наука, 1992. — 239 с.

Чорна книга комунізму: злочини, терор і репресії (пер. з фр.). — Львів: Афіша, 2008. 711 с.

Шаповал Ю. Сучасна історіографія тоталітаризму в Україні: здобутки і проблеми / Ю. Шаповал // Генеза. — 2004. — № 1. — с. 112-121.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха / У. Ширер. — М.: Воениздат, 1991. — Т.1. — 651 с.

TOTALITARIANISM IN THE HISTORY

OF EUROPE OF THE 20th CENTURY

© 2000 Fox Searchlight Pictures

Svetlana V. Berezhnaya

is an associate professor, Candidate of History, Dean of the History Department of the Kharkiv National Pedagogical University after G.S. Skovoroda. She is the author of 100 articles in history, law and comparative studies in history.

Igor I. Bondarenko

is a professor, Doctor of Law, Vice-President of the World Academy of Integrated Security, Vice-President of the International Antiterrorism Unity, Chairman of the Board of Directors of the European Center of Arts, Honorary Member of the Russian Academy of Arts.

Nikolai M. Kuchemko

is a professor, Doctor of History, head of the Chair of History at the Kharkiv National Pedagogical University after G.S. Skovoroda.

FOREWORD

The problem of totalitarianism is not chosen by mere coincidence.

This is a phenomenon peculiar for the 20th century, but its' roots go back to ancient epochs. The ideas by Plato, the ancient Greek philosopher, concerning the state order were characterized by his critics as totalitarian.

The authors of this book argue – although there are other viewpoints – that it is within the contemporary civilization that totalitarianism has emerged, and retained an appreciable trace in its history, although this civilization is not objectively prone to raising non-democratic political systems. The political regime where the state power totally controls the life of the society has always been closely studied by social scientists. The conclusions on various aspects of this issue are diverse, and sometimes are even an exact antitheses to each other.

Some scholars view totalitarianism as a particular case of trivial dictatorship known to mankind since ancient times. Others, including the authors of this book, argue that this is a unique phenomenon manifested exclusively in public and political life of the 20th century, and not found in the earlier history of humanity. The latter interpretation may be explained by the fact that a political system of this kind, embodied in reality thanks to methods of the social engineering, lacked the necessary conditions and prerequisites until the borderline of the 19th and 20th centuries.

It is worth mentioning that there are many differences in interpreting totalitarianism by various scholars. Particularly diverse are interpretations of the essence of totalitarianism, and its role in history. The roots of this phenomenon in the age of civilization as well as factors predetermining the victory of the democratic trend in social development are also treated in different ways.

Mutually incompatible judgments are being expressed presenting a potential for revival of totalitarianism in today's circumstances. There are also discussions on some other aspects of this issue. By analyzing existing studies on this complicated subject, the authors seek to attract readers' attention to its most important aspects.

PREFACE

The world faces once again the challenge of democratic governance threatened by forces of authoritarianism and fundamentalism.

The authors of this volume have faced this issue clearly, and provided an overview of the basic questions, which every society and generation decides.

The three outstanding academics have raised three basic questions, which are central to current intellectual discussion.

First, why did some societies choose totalitarian and authoritarian governing systems.

The authors provide a historical context, which demonstrates that totalitarianism reflects an integrated social, ideological, economic and political structure.

Totalitarianism and democracies are both political cultures. But, as in medical laboratories, not all cultures are healthy.

The book recognizes that democracy is not simply an absence or removal of totalitarianism, but the result of many forces, which if not nurtured and constantly protected, can wither and die.

The American President, Abraham Lincoln noted “Nearly all men can stand adversity, but if you want to test a man’s character, give him power.”

The authors understand that totalitarianism, as democracy, is about the use of power. Power determines the division of resources, the type of investment in the future and for which purposes and the relationship between the governors and the governed.

The authors are outstanding when they discuss the nature of “social engineering”. They recognize that this process reflects not only societal control, but also a philosophical question of ends, and not simply means. They rightly note that democratic societies also use social engineering, but for completely different ends than in totalitarian states.

Good history notes dates, but explains meaning and context. The authors deliver an excellent history, but even more essentially, provide European and Russian examples, which present the development of totalitarianism as a process. They indicate that differing definitions may exist, but with many similar elements.

Second, the authors discuss why these variations of totalitarianism were doomed from the beginning. They understand the social and technological movements which allowed new forms to develop historically.

Third, and most importantly, the authors express the reality that totalitarianism does not disappear, but changes form, language and shape. The growth of authoritarian, hate movements of both the left and right, and their re-emergence upon the political scene in many countries, presents a warning.

People seek improved lives, justice and transparent governance. With the current economic worldwide crises, the growing division between classes and the international struggle between forces of the past and those of the future, the issues presented in this book are those faced by the citizens and governments in many lands.

This book deserves a wide American audience, because directly and indirectly it touches current intellectual discussions. Issues such as societal economic and political renewal,

the role and powers of government and the ability of small groups to use money, political access and communication to shape the public discourse are unresolved themes in American life.

If there is one message for Americans, it is that democracy is gained slowly, but can be lost before the society realizes that special interest groups have taken control.

The authors have provided a quality interpretation of basic issues facing all societies.

But, most importantly, they have reminded the reader that democracy is not a guaranteed societal constant. That if democratic forces and governance fails to deliver upon the promise of a better life, that the threat of totalitarianism remains on the horizon, always lurking, and always seeking a return to power

Todd Lefko,
political scientist, professor, USA

Subject No. 1

ESSENCE OF TOTALITARIANISM

The term ‘totalitarianism’ was first introduced in the academic use by Giovanni Amendola, the Italian antifascist, one of the leaders of Secessione dell’Aventino, and Piero Gobetti, the renowned Italian journalist and historian.

This term has acquired negative sense in the anti-fascist vocabulary, being a synonym of ‘anti-democratic’ and ‘repressive’. It was used negatively to criticize the supporters of Benito Mussolini, leader of the Italian fascists.

Nevertheless three years later, in 1926, Giovanni Gentile, a leading ideologist of Italian fascism, considered it possible to adopt this notion coined by his political opponents. He supposed ‘totalitarianism’ to be the most exact term to express the essence and objectives of the fascist policies – to ensure the unity of personality, the party and the state for the sake of achieving the supreme national goal. Incidentally, Mussolini himself frequently used this term in his speeches. Some scholars even attributed the authorship of it to duce, but in this case the question was merely about plagiarism and substitution of concepts.

Encyclopaedia Cyril and Methodius (published 1996) gives the following definition:

Totalitarianism (Latin: ‘totalis’ – total, whole, full):

- 1) A form of the state order (totalitarian state) characterised by its absolute (total) control of all spheres of the social life, by actual abolition of rights and freedoms, by reprisals against the opposition and dissidents (eg. various forms of totalitarianism in the fascist Italy and Germany, the communist regime in USSR, the Franco regime in Spain etc., since 1920s);
- 2) A trend in political thought justifying statism and authoritarianism. Since 1920s totalitarianism became an official ideology of the fascist Italy and Germany.

As we can see, the use of the Latin root ‘totalis’ makes us admit that there exists a state which is capable of exercising the total, absolute control over all spheres of life and citizens.

Is this possible?

Of course, no.

Stanislav Andreski, an English sociologist, wrote in the 1980s that USSR in the late 1940s – early 1950s was closer than anybody to the 100 per cent totalitarianism. He stated that Hitler’s Germany had 85 per cent of the USSR totalitarianism on the eve of the World War II, and 95 per cent at the end of it. The fascist Italy, according to him, was totalitarian only by 55 per cent. For all that, Andreski reasonably argued, even Stalin could not control and suppress absolutely everything, including small gangs of thieves, or adultery and alcoholism, etc.

It is worth mentioning that this definition of 'totalitarianism' was formulated in the years of the Cold War, and was actively used in the ideological confrontation with the Soviet Union. The latter, as we know, was labeled as an 'Evil Empire' by the U.S. President Ronald Reagan in the early 1980s.

The encyclopedic definition of totalitarianism does not reflect its principal trait – the emergence of this socio-political type not due to natural socio-economic conditions or by use of force, but due to methods of the social engineering. That is why it is difficult to completely agree to the above-mentioned definition of totalitarianism from the popular encyclopedias.

But there is another term in the later Latin – 'totalitas' (completeness, wholeness) that, according to the authors, is more precise in reflecting the essence of definition of 'totalitarianism'. Looking at the concept this way one may use the word 'totalitarianism' to denote a political regime tending to the absolute (total) control of all spheres of the social life. This was the case with the regimes in Italy, Germany, Spain, USSR, countries of Central and Eastern Europe, and some Asian states in the period of totalitarian rule.

Historical Roots of Totalitarianism

Totalitarianism is unique because of the mode of its evolution and some of its essential traits, that most of contemporary scholars view it as a phenomenon of the 20th century. It has political, economic, social, and ideological roots of its own in history. These roots expose a kinship with the like types of state rule in the past, and not only with despotic, but in a paradoxical way with democratic ones. Their genuine essence was just substituted by a political falsehood, although democratic development of the society was declared.

The framework of this study cannot offer the opportunity for a complete analysis of the roots of totalitarian regimes in the 20th century. It is obvious that their emergence and shaping were influenced by the national and historical traditions of Russia and Germany. This is also true for the countries where autocratic rule functioned throughout centuries, and where popular mass movements existed which had been raised by totalitarian ideas.

The population of these countries always felt a complex of inferiority, of backwardness in the development of their civilizations. In Germany, in particular, this circumstance was redoubled by the century-old fragmentation of its lands. Actually, Germany was shaped as a single state in the late 19th century only following a decisive victory by Prussia in the Franco-Prussian war of 1870-1871.

The state of affairs in the social and economic development of the Russian Empire was marked by the backward system of serfdom, which was abolished in 1861. In some European states, serfdom had begun to disappear in the Middle Ages, and in the German lands this process started in the early 19th century. Italy stands in the same group of nations. Risorgimento, the national liberation movement on the Apennine peninsula, ended as late as in 1870, with the annexation of Rome by the Kingdom of Italy.

Leaders of the countries later associated with the notion of 'totalitarianism', wished to overcome their backwardness by bourgeois modernization. They sought to do this in incredibly short periods, using emergency methods. (Given the case of Russia it is worth mentioning the reforms of Peter the Great which were accomplished at the turn of 17th and 18th centuries by radical methods). The issue was primarily of industrializing these countries, having in mind as a rule creation of modern war industries.

All this contributed to generation-long endurance of permanent economic hardships by the peoples under totalitarian regimes, making them susceptible to extraordinary life contingencies. Radical measures in resolving emerging problems were taken for granted by the population, whereas in democratic societies, such problems were addressed by gradual reforms.

It should be noted that the two principal varieties of totalitarian regimes – Stalinist Communist and National Fascist – had no common theoretical and ideological basis and integrity. These kinds of totalitarianism are only a strange mixture of diverse theoretical and ideological systems and elements: representing the latest individual projects, the ancient national myths which romanticized violence and leaderism, the compounding of domination and rebellion, social activity and obedience, volunteerism and the leveling of the individual.

All these ideas, as well as many others, have deep roots in history. They can be easily found in the works by Friedrich Nietzsche, Johann Fichte, Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Karl Marx, Friedrich Engels, Vladimir Lenin etc. They were either ‘advocates’ of their own nations, or of the low-income classes, or of nations and groups of people in the whole world.

At the same time, one can identify certain similarities in these concepts of totalitarianism.

As a rule a totalitarian idea preaches the following:

- a) The exclusive role of some community;
- b) An extraordinary mission bound with this community i.e. building communism, ensuring world domination, overcoming a permanent crisis, industrializing the country in shortest possible terms etc;
- c) The idea that only this community is capable of leadership in the process;
- d) An ‘image of the enemy’, for a fight ‘against’ somebody is more efficient in rallying masses than a fight ‘for’ something.

Yet, as Nikita Zagladin rightly argues, any ideology may, paradoxically, ensure the evolution of society towards totalitarianism in certain conditions. For instance,

- nationality theory, i.e. the commitment to nurturing ethnic cultures, traditions, languages, to restoring nationality rights violated earlier, may develop into a militant nationalism often taking extreme forms (posing themselves as the ‘superior’ nation designed to guide others);
- ideology of humanism, of sympathy for the oppressed and disadvantaged people, a desire to improve their situation which may lead (and did lead!) to ‘class wars’ against any wealth, to egalitarianism in distribution etc.
- religious idea was often accompanied by intolerance of other beliefs. Throughout human history, this factor frequently provoked violent religious confrontation, including the Crusades of 11th-13th centuries;
- ideology of democracy may lead either to banning ‘non-democratic’ forces, or to attempts to impose one’s own understanding of democracy (socialist or liberal) to other nations.

In other words, no idea is absolutely immune to totalitarianism.

Totalitarianism is highly susceptible and adaptable to any ideology. At the same time, a political regime tends to justify its existence by the philosophical views of the scientists from the past epochs.

For instance, a great German philosopher Georg Hegel has arbitrarily divided the history of mankind into four world-historical realms: Oriental, Greek, Roman, and Germanic. Since the Roman realm had long been past, mankind happened to be unaware of the fact that it had long been living in the Germanic realm.

This was a prompting for Ernst Arndt, privat-docent in history from Greifswald University, who's 1803 published work *Germanien und Europa* put forward an idea of uniting Germany: his slogan being 'the unity of the people and the state'.

This objective, according to Arndt, was not to be achieved by resettling Germans to their historic motherland from other territories. 'Greater Germany' would in this case stretch from the Atlantic to the Urals. Thus, an idea of Pan-Germanism entered the intellectual life of the German society. This idea was totally encouraged by the Prussian statehood with its militaristic traditions, and later on became a basis for the Nazi program in Hitler Germany.

The Communist Manifesto by Karl Marx and Friedrich Engels provides an example from the opposite realm. Published in 1848, it presented a scientifically based idea of liberating the working people from the yoke of capitalism and exploitation.

As a matter of fact, it became subsequently a theoretical basis for another variety of totalitarianism, Communism and Stalinism. The authors of this theory based it upon humanistic and internationalist ideas, their primary idea being the liberation of workers engaged in manual labor.

With this in mind, they considered revolutionary violence as a primary means of achieving the goal, since according to their views, only the world revolution was able to make all disadvantaged people happy.

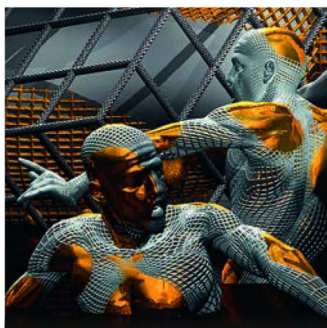
Vladimir Lenin subsequently formulated the idea of victory of the revolution in one single country. This idea, as well as other ideas of Marxism-Leninism, not only was accepted and partially accomplished, but greatly misinterpreted in the interests of the totalitarian power in the real circumstances of the 20th century. While retaining the dogmas and the wording of Marxism-Leninism, the totalitarian Communist-Stalinist regime made them serve the opposite goals. These goals were consolidating the national statism which suppressed freedom and democracy.

This reality could be partially explained by inability of the Stalinist elite to solve a complex philosophical problem inherited from the founding fathers of the communist doctrine. The latter had argued that the state was to disappear gradually by consequently losing its functions. Josef Stalin faced an objective task of consolidating the state institutions in a specific period of history. But 'the Leader of the Nations' was not only incapable, but also unwilling to reverse this trend, while putting the idea to the brink of absolute.

Thus, totalitarianism is a phenomenon of modern times possessing a number of specific features: a unitary ideology, mass public movements, brutal dictatorship with mass coercion, and a yearning for the total control of society and personality.

It is the combination of these features that makes totalitarianism remarkable among the related autocratic, authoritarian regimes. These regimes may be either a source of growing totalitarianism or conversely, an outcome of the evolution of the latter under certain conditions. These features were not only inherent in ancient despotisms, but

also are characteristic of anti-democratic regimes of the modern epoch. At the same time, totalitarian regimes are historically tied with all forms of the state rule that are known to mankind. Actually, totalitarianism is the reverse side of civilization that has not only brought up democracy but also created conditions for anti-democratic regimes in odd forms.

Totalitarianism's Place in History

A common opinion on this issue is absent. Many scholars view totalitarianism beyond time and space. They believe that it is of global nature, and can be seen e.g. in Roman Empire after Diocletian (according to Pitirim Sorokin), in the Inca Empire, in ancient Egypt under the Ptolemaic dynasty, in Japan under the Tokugawa shogunate (Stanislav Andreski), in 'hydraulic societies' in ancient Oriental empires (Karl Wittfogel), in England under the Tudor dynasty, in Moscow Russia under Ivan the Terrible (Leonard Shapiro). It was easier to find 'totalitarian personalities' among political figures. Those most frequently mentioned by scholars are Cromwell, Robespierre, Saint-Just, Ivan the Terrible, Peter the Great, etc.

Of course, dictatorial regimes, whenever and wherever they exist, have many common features. They are all undemocratic, resort to coercive methods in the state management and are inhuman towards their own nations and aggressive towards other states.

Totalitarian regimes have deep historical roots. They rely upon ideological concepts which shaped the public consciousness of citizens in various countries in the spirit of nationalism, or Pan-Germanism, or the special mission of the proletariat supposedly capable of making the whole world happy by building communism.

Yet, recognizing the essential similarity of all types of dictatorships does not imply their identity. It does not rule out fundamental differences between their specific types. This is the case with dictatorships of the totalitarian type that have distinctive place in history.

Historians are well aware of the fact that the ancient dictatorships were shaping in a natural way, for in those epochs there was no necessity to suppress human individuality, to take away their property, or to make them submissive to certain orders. Individualities and property relations had not yet developed. A human being felt himself merely a part of a certain community, with the leader's authority being viewed as something natural and unquestionable. Moreover, individualism in the Asian states with despotic regimes was often paid for by death from starvation.

Under these circumstances, rigid centralization of power and concentration of the scarce resources by the ruling elites personifying the state, were a vital necessity. They ensured survival of the maximum number of population, and at least minimal protection against natural disasters, and against the raids of hostile tribes. That is why the first states could exist only

as despotisms. But even this was a great progress in a specific period of history, although having its reverse side.

Despotic regimes ensured stability of the first centers of civilization, and thereby contributed to the accumulation of knowledge and cultural development. But, at the same time, they were conserving their societies and made social development and technological progress stagnate.

Historical time in the areas of the Asiatic mode of production progressed very slowly, resulting in an entirely new type of culture, religion and world perception there.

In contrast to this natural process, totalitarian regimes were created by a subjective will of leaders, to deal with emergency situations. But solving these problems was not as a rule an absolutely necessary condition for the survival of the nation. Moreover, emerging problems could have been successfully addressed by democratic rule. This mattered in particular for overcoming economic crises, rapid industrialization, and for militarization of the economy to prepare for war...

Monumental tasks for the totalitarian regimes were often a condition for the expansion of state functions, requiring the concentration of huge resources by the state. It is no surprise that totalitarian states, by applying methods of social engineering, have reproduced some elements of the state machinery that were already known to mankind.

Prior to the 20th century, the necessary conditions and opportunities to develop dictatorial type societies, based on a specially designed ideology and methods of the social engineering were simply non-existent. This is perhaps one of the most convincing arguments in favor of the thesis of totalitarianism as a phenomenon of the 20th century. As a matter of fact, dictatorial regimes in most of the totalitarian states were established through democratic procedures.

Only the 20th century has given birth to methods of social engineering. Mass media, which appeared in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century made it possible to indoctrinate people's minds by ideas calling for immediate action. World War I 'taught' political and military leaders to mobilize huge human and material resources to address emergency missions.

It was when the resources of social engineering in the 20th century began to be used by fanatics and political maniacs, the price became too high and the outcomes tragic for many nations.

Totalitarianism of the 20th century was a product of clumsy and vulgar attempts to test the social engineering mechanisms. Those mechanisms were designed to implement chimerical and unrealistic plans, either of fascist world domination, or the building of a world communist society.

Yet totalitarian societies, artificially designed and isolated from the epochs when dictatorships had been organic and even progressive, could not become stable and viable. They eventually lost the competition for stability and viability to the democratically-based societies.

A Brief Historiography

The issue of totalitarianism has a vast historiography. Any attempt to carry out a detailed analysis of a full historiography in the framework of this book would be futile. Several research schools existed at the different historical stages, fundamentally dissimilar in their approaches to the phenomenon.

All academic studies on totalitarianism may be divided in three basic groups:

1. Studies by Western sociologists, freely able to publish them as early as the 1920-1930s;
2. Studies by Soviet researchers, under the years-long pressure of censorship, preventing an unbiased analysis of the Communist Stalinist totalitarian regime;
3. Works by the post-Soviet Ukrainian and Russian authors.

Western historians have paid considerable attention to studying totalitarianism. Since the mid-1920s, when the totalitarian regime in Italy was developing, until the early 1930s, it was only the official leaders of that country (first of all Mussolini) and totalitarian ideologists (Giovanni Gentile and Alfredo Rocco) that wrote on this matter. They glorified 'totalitarian will' and the 'totalitarian idea' of the fascist movement. But in the early 1930s studies by other scholars appeared which represented not only the political, but the academic elite. Among the first fundamental research works on totalitarianism was a monograph by the Austrian economist Peter Drucker, who fled to England in 1933, named *The End of Economic Man: The Origins of Totalitarianism*

In this study Drucker affirmed that mass totalitarian movements are born by the protest of the people who act blindly in accordance with the spontaneous laws of the capitalist economy, rising inequality and also described by Marx. Drucker was the first to formulate the idea that totalitarianism is submitting the economy to the political will.

He was among the first scholars to single out fascism and communism as the basic forms of totalitarian regimes. In his opinion, the succeeding epochs will also see political systems that remain in control of the social and economic sphere, but this control will be exercised by democratic means.

During World War II, the academic interest towards totalitarianism considerably decreased. Yet in the first post-war decade many studies of the totalitarian phenomenon were

published in the West. The most prominent authors on the issue in that period were Hannah Arendt, Theodor Adorno, Aldous Huxley, George Orwell, Stephen Cohen, Zbigniew Brzeziński, Carl Friedrich and Leonard Shapiro. Among the Russian authors in exile there were Yevgeny Zamyatin, Alexander Zinoviev and Pitirim Sorokin.

A peculiar trait of the authors of that time was their seeking to view totalitarianism mainly through the prism of analyzing its' certain features. Among them, there are studies of the process of totalitarian indoctrination of the people's consciousness, the causes of erosion of the civil society that was substituted by the totalitarian power, the status of the individual striving for the freedom of expression in totalitarian societies, and the individual's relations with state power, which dictated the stereotypes of behaviour 'from the top'.

As a whole, the studies of that period laid the groundwork for a comprehensive analysis of totalitarianism, and a generalizing formulation of its basic traits.

The first attempt in this research domain was made by Hannah Arendt in her book *The Origins of Totalitarianism* published in the United States in 1951. Yet the most influential for the post-war generation of the western researchers of the issue was a 1956 work by the U.S. political scientists Carl Friedrich (emigrated from Germany) and Zbigniew Brzeziński titled *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*.

The authors formulated the following characteristics of totalitarianism:

1. That a political system relies upon an elaborate set of ideas which permeate all vital spheres of the human existence, that definitely rejects all practices and rules of the old society, and which urge consolidation of the citizens for the sake of building the new society. This consolidation may be, if necessary, achieved by violence, which is capable of ensuring a 'happy' life for the people.
2. There exists a single mass party, headed by the Leader, its membership being open only to a minor part of the population. This party has an oligarchic structure, and stands as a rule, either above the state bureaucratic machinery, or in fact completely replacing it.
3. The state rule is exercised by a system of terror, directed by the party and the secret police.
4. The media – press, radio, cinema – are strictly controlled by the authorities.
5. All weapons are controlled by the Party and the Government.
6. The Party and the Government exercise the central direction of the economy, and most of the social organizations by bureaucratically coordinating their activities.

Soon after Friedrich and Brzeziński's work was published, some sociologists in the West questioned the completeness and universalism of the characteristics of the totalitarianism described by the authors. Many scholars have asked a legitimate question, whether all the selected characteristics are essential and comprehensive to recognize a regime as totalitarian. These doubts were conditioned by the following arguments:

First, the work appeared in the period of escalation of the Cold War. That is why the positive features and successes of the totalitarian system of rule came 'unnoticed' for the authors. They ignored an obvious fact, that this state power enjoyed support of a major part of the population in the totalitarian countries;

Second, the features of totalitarianism by Friedrich and Brzeziński contain only a general characteristic of it, not taking into account differences between the basic varieties, National Fascist and Stalinist Communist.

Meanwhile, it should not be ignored that these regimes were not similar, but completely opposite by a number of parameters;

Third, the authors attributed some traits to the totalitarian regimes that are characteristic not only to the dictatorial systems, but even to liberal democracies, e.g. control of the armed forces, and the state management of the economy;

Fourth, at the outcome of the war, the main fascist states ceased to exist, and their pre-war experiences have gone away to history, being unable to exert direct influence on the post-war evolution.

Fifth, the Soviet Union embodying the Communist Stalinist form of totalitarianism underwent democratic changes after Stalin's death, and these changes hardly suited the classic characteristics of totalitarianism. Therefore, life is for making adjustments to the understanding of the problem.

This process was started by the authors themselves. They made certain changes in the definition of totalitarianism by softening some odious accents, and Brzeziński since the 1970s has ceased to use the term 'of totalitarianism' at all.

Western scholars (Joseph La Palombara, Isaac Deutscher, Robert Tucker, Alex Inkeles) strongly criticized in the 1960s through the early 1980s the characteristics of totalitarianism developed by Carl Friedrich and Zbigniew Brzeziński. They pointed out that their concept obscured the diversity of social and economic phenomena and relations, by reducing the essence and mechanics of the historical process to the activities of certain politicians and groupings, and by portrayal of the Soviet society as a rigid entity.

That was not true.

The supporters of this view tended to give up the term 'totalitarianism' in the new historical conditions. They admitted the existence of that term in the strictly limited time and space frameworks, when (and where) there were leaders enjoying absolute power, and mass terror was used. The case in point was only a 'pure' or 'absolute' totalitarianism.

But not the entire academic society in the West has supported this view in the past, or in the present time. A number of representatives of this school believe that in the new circumstances, the totalitarian system is not completely outdated, and that it has changed considerably and adapted to the specific conditions.

For instance, a U.S. political scientist Juan Linz, although agreeing that post-Stalin realities in the USSR and Eastern Europe did not fit the six characteristics by Friedrich and Brzeziński, pointed out that it did not matter.

He believed that the concept of totalitarianism was just insufficiently developed, taking into account Hitler's terror and Stalin's mass repressions but which underestimated many positive traits of totalitarianism that were attractive for the people, including those who were aware of the worst manifestations of totalitarianism.

The opportunities for the evolution of totalitarianism, or the existence of its different varieties were underestimated as well. Clear-cut boundaries were lacking between totalitarianism and ordinary undemocratic regimes.

In 1975 Linz put forward new criteria for recognizing a system as totalitarian.

A well-known Russian researcher of totalitarianism, Nikita Zagladin gave the following formulation of these criteria:

1. A united (though not always monolithic) center of power has taken shape, that is determining the scope of permissible pluralism in the activities of various agencies

and groups. The latter are more often created by the authorities themselves in order to identify and control an opposition. These groupings are therefore turning into purely political entities, not reflecting the internal dynamics of the society and the interests existing in it.

2. There is one integral, more or less sound set of intellectual ideas that serves as a basis of the state policies, or as an object of manipulations to justify the policies pursued. The boundaries are set beyond which any criticism towards the dominating system of ideas is perceived as a heresy to be punished. The ideology is not merely justifying political programs. It includes interpretations of the social realities, of the supreme goal and the sense of existence of the society and the individual, these interpretations claiming to be universal.
3. The party and numerous party-controlled auxiliary agencies encourage, reward, and direct citizens to actively participate in the implementation of political and social functions. Passive obedience and the apathy of the people, their acceptance of the role of the outcast, and the object of management (which is encouraged by many by contrast) are considered by the totalitarian rulers as undesirable, although many authoritarian regimes by contrast encourage these traits.

In the latest thirty years a new trend emerged among the researchers of totalitarianism. These are works on the totalitarian and neo-totalitarian periods by Michael Hardt, Antonio Negri, Anne Applebaum, Konrad Heiden, Stéphane Courtois, Nicolas Werth, Andrzej Paczkowski, Karel Bartošek and many others.

Their research has resulted in a host of new characteristics of totalitarianism presented to the academic community.

These authors tend to avoid the term 'totalitarianism' in their academic vocabularies. They characterize the regime itself as a specific variety of the modern power in the age of mass democracy, which keeps the population under control by various means, especially terror. Some scholars suggest that various dictatorships, despotic and aristocratic regimes, Bonapartist systems, or police states may be put on a par with the totalitarian systems of the 20th century.

There are many other modern publications in the West, with the authors not always agreeing with their predecessors' assessments of the totalitarian and post-totalitarian regimes. This means that alongside neo-totalitarianism, its ideological basis is taking shape, designed to justify the existence of a regime.

Summing up a brief analysis of the Western historiography of totalitarianism, we may conclude that it is just in the West that the research of this complex thing was fruitful.

At the same time, problems like the nature of totalitarian regimes, their essential characteristics, their role in history, the outcomes of their activities and many other fundamental aspects remain a subject of intense debate. Clashes of different viewpoints, some of them being of a conceptual character, bring the social scientists closer to developing common and science-based assessments of the totalitarianism.

The Soviet historiography was clearly not successful in analyzing totalitarianism. This process was hindered by political and ideological factors. Starting with the 1930s, until the Perestroika of the mid-1980s, the Soviet sociologists, and later on, the scholars in the Socialist countries, had to preach the official concepts of their Communist parties.

These concepts stated that only a Western-born political regime could be totalitarian, and that the socialist states were allegedly the societies of genuine democracy. This view was laid down in the definition of fascism by the 13th Plenary session of the Executive Committee of the Comintern in 1933. It read that 'fascism is an open terrorist dictatorship by the most reactionary, most chauvinistic, most imperialist elements of the financial capital'.

According to this definition, fascism and consequently totalitarianism, was an ugly offspring of capitalism, supposedly on the stage of its rotting and decay. Meanwhile, there were intellectuals and politicians still in the 1930s, even among the leaders of the Comintern (Antonio Gramsci, Palmiro Togliatti), who pointed to obvious essential similarities between the regimes existing in Italy, Germany, and the Soviet Union.

But there was a common opinion that these similarities were purely superficial and formal. Therefore, should there be any discussions on totalitarianism in the Comintern, or among Soviet sociologists, these discussions related only to the national fascist model. Any attempts to go beyond the official approach in assessing the Soviet political system, resulted as a rule in repressing such scholars. At the best they were expelled from the USSR, at the worst they were killed.

The Perestroika which began in 1985 has provoked a torrent of new literature on the problem. It was not of a high quality at the beginning. A wide discussion started in periodicals, and in the academic society concerning Stalinism. Although it allowed a look at the problem without ideological prejudice, it was not completely free from the tradition of repeating an official viewpoint on every theoretical issue.

Many articles published, for example, in the series titled 'Perestroika: transparency, democracy, socialism' were, judging by their contents, not intended to find the truth. They were rather written for the sake of 'cleansing' from Stalinism, and returning to 'the humanist, democratic' socialist future.

There were of course, innovative theoretical works in this torrent. An example was an article by Leonid Gozman and Alexander Etkind from the collection published in 1989 under the title *Inogo ne dano* ('There is no Other Way'). This article argued reasonably that a totalitarian system creates a cult of the personality, that a cult of the state power striving for the absolute control over the society is a true sense of totalitarian systems, that in the process of time totalitarian regimes fall into decay, and eventually turn into authoritarian ones.

Yet, in the early 1990s, immediately after the breakup of the Soviet Union, a number of serious works on totalitarianism appeared, which deserved a positive evaluation. Among them is a series of articles by Nikita Zagladin, published in three issues of the *Kentavr* magazine and titled *Totalitarianism and Democracy – the Conflict of the Century*.

The author deals with the historiography of the problem, states his position on the essence of totalitarianism, and tracks the historical experience of the totalitarian systems in Italy, Germany, the Soviet Union, Central and Eastern European countries. He presents a comparative analysis of various totalitarian societies, and analyzes the causes of decay of totalitarianism, and post-totalitarian trends in the modern world.

The ideas put forward in these articles (and subsequently in the monograph on the subject) are close to our view on analyzing totalitarianism, and we use the author's research achievements in this book.

At the same time there appeared a number of other publications by post-Soviet Russian authors worthy of mention. The authors' list includes Yuri Afanasiev, Gennadi Bordyugov, Anatoli Butenko, Pavel Volobuyev, Dmitri Volkogonov, Kamaludin Gadzhiev, Leonid Gordon, Alexander Galkin, Vladislav Inozemtsev, Yuri Igritsky, Sergei Kara-Murza, Yuri Karyakin, Eduard Klopov, Roy Medvedev, Andranik Migranyan, Daniil Proektor, Oleg Platonov and many other names whose works made a substantial contribution to the post-Soviet Russian historiography of the totalitarianism.

These scholars were trying to answer the fundamental question: what is the essence of totalitarianism, and primarily of the distorted socialism in the USSR and other countries following its laws?

Most scholars do not doubt that there was a totalitarian system of rule in USSR in Stalin's period. As for the post-Stalin period, authors label it either as 'command and administrative', or 'administrative command', or 'command bureaucratic', or 'administrative bureaucratic'. All these definitions merely state that after Stalin's death, the 'pure' totalitarianism in the USSR ceased to exist.

But they do not answer the questions as when, why and in what scales it happened.

The analysis of this problem in the Russian historiography goes on. Some essential results of this process are represented in the 1996 collective monograph of Russian scholars *Totalitarianism in Europe in the 20th Century. From the History of Ideologies, Movements, Regimes, and Their Consequences*.

The readers of this book stand to enrich their knowledge of the birth and the genesis of totalitarian regimes in different countries. They will be able to take a virtual part in academic discussions of these problems which are being studied at the modern methodological level. As a positive note it should be stated that the authors as a whole recognize the historical uniqueness of totalitarianism by limiting it with the time boundaries of the 20th century. At the same time the book contains a numerous evidence of historical ties between the contemporary totalitarian regimes and other dictatorships.

The studies of totalitarianism in Ukraine have intensified in the last two decades. This process was started by an international conference in Kharkov in 1993, its subject being 'Totalitarianism and Anti-Totalitarian Movements in Bulgaria, USSR and Other Countries of Eastern Europe in 1920s – 1980s'. Historians from Russia, Ukraine, and other European countries made their presentations and reports at the conference. Its materials were published in 1994-1995 in the two-volume edition.

One can admit that the groundwork for the Ukrainian school of studying totalitarianism and neo-totalitarianism has been laid.

Publications of the Ukrainian authors on the issue can be divided into two groups by their contents and subjects.

The first group comprises the works of historians, mainly from the senior generation (Ivan Bilas, Viktor Danilenko, Mikhail Koval, Ivan Kuras, Stanislav Kulchitsky, Yuri Shapoval e.a.). They primarily deal with the criticisms of the Soviet model of totalitarianism. These works also tend to justify ideologically, the official policies of the Ukrainian authorities. The latter have made a turn in 1990s towards radical negative assessments of many events and processes of the Soviet history, as well as of the central Soviet authorities and their policies towards Ukraine.

These authors try to present the Ukrainian people as a victim of the Soviet totalitarian regime, as an object of political, economic, social, and ethnic inequality, that sometimes (e.g. in the period of the Great Famine in 1932-1933) were supposedly victims of a form of genocide.

Many social scientists disagree with this thesis. This assessment of the famine in Ukraine was not accepted by the United Nations and the parliaments of many civilized states. Nevertheless, those ideas on this issue were for a long time predominant in the Ukrainian historical science.

Another group of historians, political and social scientists, and lawyers, deserve mention.

This group includes Vladimir Baran, Sergei Vonsovich, Sergei Grabovsky, Boris Demyanenko, Vladimir Dergachev, Alexander Dolzhenkov, Georgy Kryuchkov, S. Kiselev, Vladimir Kulik, Tatyana Metelyova, Vladimir Polokhalo, Miroslav Popovich, Georgy Pocheptsov, Felix Rudich, Vadim Smirnov, Dmitry Tabachnik, Irina Terletskaya, Georgy Chernyavsky, Bohdan Yarosh and many others.

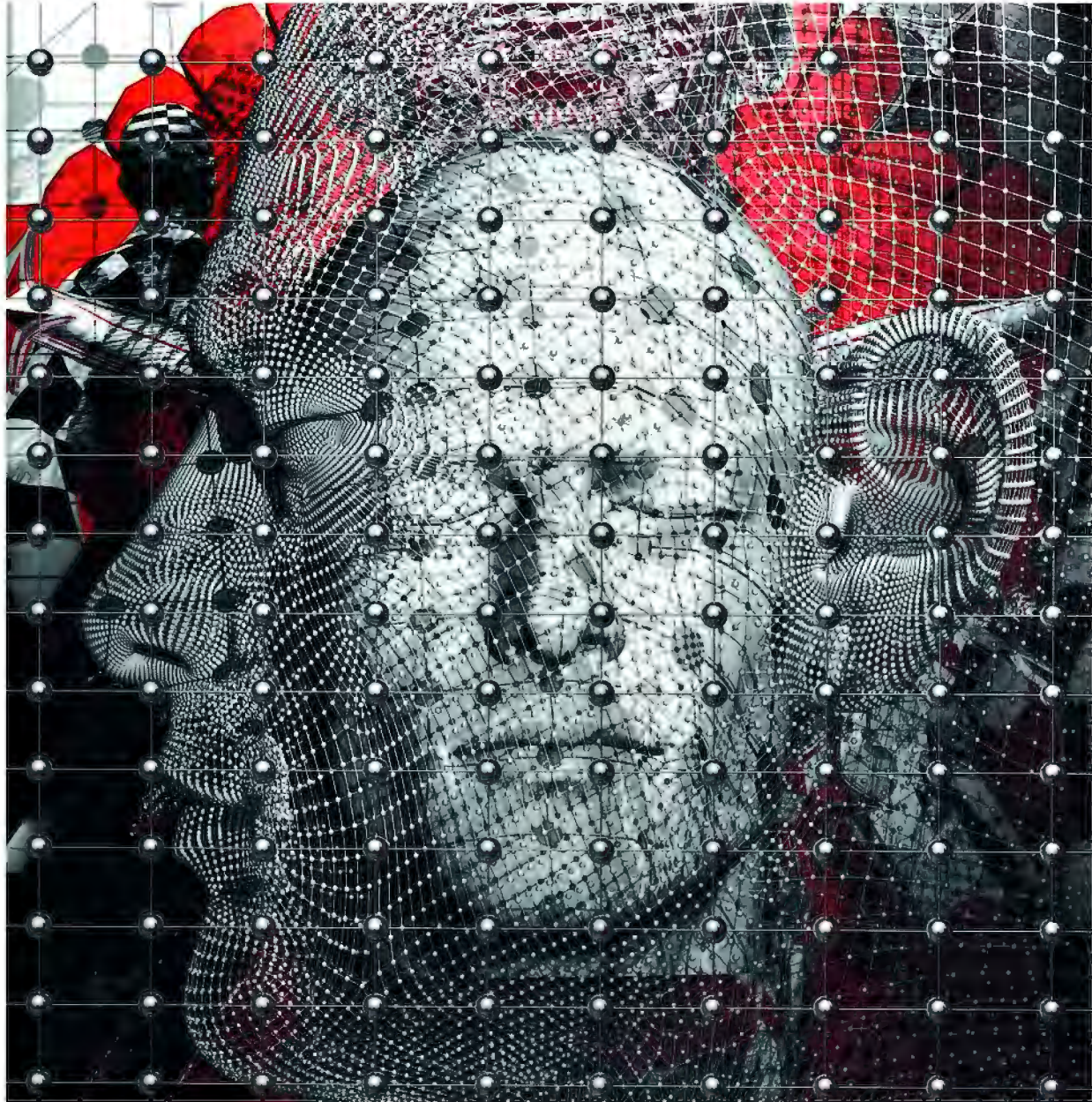
Their studies are less politicized, are primarily devoted to further research in totalitarianism, with historical, sociological, political and legal aspects being emphasized.

These works greatly contribute to the solution of controversial issues. They pay considerable attention to analyzing neo-totalitarianism, and demonstrate its real threat for the Ukrainian democracy. Due to the permanent economic and political crisis in Ukraine, democratic institutions there are exposed to a danger of being replaced by a neo-totalitarian rule.

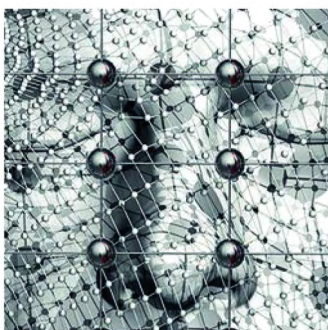
Thereby, 20th century totalitarianism has become an object of thorough analysis by Western, Soviet, and Post-Soviet scholars. Publications on the issue profoundly reflect the essence of totalitarianism and its roots in history.

Totalitarianism as an unique and specific form of dictatorship had taken shape in a number of European and Asian states on an ideological basis, and with the use of social engineering. These studies also show why totalitarianism has no historical prospects, and why neo-totalitarian ideas and movements are still viable. Other aspects of the matter have also been analyzed.

Nevertheless, this phenomenon is not yet completely studied. It continues to attract a great interest by contemporary scholars. Many new publications have appeared which enrich the historiography of the problem.

Subject No. 2
EMERGENCE AND DEVELOPMENT
OF FASCIST AND NATIONAL
SOCIALIST MODEL
OF TOTALITARIANISM

Italy

Italy is a birthplace of fascism as one of the basic varieties of totalitarianism. It is worth noting that fascism in Soviet historiography was associated in a similar way with Italy and with the Germany of 1933-1945. It is natural, since the common features of Mussolini's and Hitler's regimes are not to be denied. At the same time, many contemporary scholars of totalitarianism believe that there was less in common between them than between the German and the Soviet regimes.

The emergence of fascism in Italy had a number of prerequisites, inside and outside the country.

First, nationalist ideas and nationalist movements were deep-rooted in the Italian society. Since the late 18th century, the Risorgimento ('The Resurgence') national liberation movement of the Italian people against the Austrian oppression, and for uniting the Italian state carried an idea of the strong national state standing above the people, and above local and group interests. In the late 19th and early 20th century, Italian nationalists actively used the media to denounce the contemporary system's senility and excessive 'humanity'. As a contrast to it, they proclaimed an idea of a strong heroic person who would revive 'the Greater Italy'.

The next step in the development of the right-wing extremism in Italy was setting up the Italian Nationalist Association in 1910. Alfredo Rocco, its primary ideologist, declared nationalism as a 'revolutionary' phenomenon, advocated corporatism ('the national solidarity of the manufacturers'), incorporation of the trade unions (syndicates) into the state, and economic protectionism. Subsequently, slogans of the absolute value of the nation-state began to merge with the Social Darwinist ideas of survival and triumph of the 'strongest'.

Alongside nationalism and conservative romanticism, 'Futurism' has become a source of the Italian fascism. This was a vanguard and anti-traditionalist aesthetic movement that preached industrialism, proclaimed the end of the 'human domination' and of human feelings, and glorified the century of speed and technology. The appeals to radically break with the past and its values, norms, museums, and libraries, make Futurism akin to fascism. That radicalism of the Futurists was accompanied by outright Social Darwinism. They believed that ethical principles were good for the 'feeble, crippled and prisoners' who had no future, but not for the young, strong people living a full-fledged life. The Futurists were

ardent nationalists and advocates of foreign expansion. Futurism's worship of revolution and progress has become a source of inspiration for the Italian fascism. This was the latter's substantial difference from the German Nazism, with its mystical racism.

Second, Italy, as well as Germany and Russia, was a country where industrialization process had started too late, and therefore it was carried out in accelerated pace. This presupposed the development of mass society, which always had to solve emergency tasks. In this society, the human being felt himself from the outset not a full-fledged individual, but a participant within a mass mentality, obliged to live according to the laws and regulations not always corresponding to his interests.

Third, there remained in Italy of the late 19th and the early 20th century, many traits of the traditional, agrarian society. Industrialization at that time affected basically the Northern part of the country. The South remained predominantly agrarian. A close interweaving of industrial and agrarian traditions, which was a huge influence of the latifundia owners on all spheres of the social life (their positions were strong both in the South and in the North), and were not conducive to searching rational, democratic ways out of crisis situations.

Fourth, the nationality issue was not resolved after the unification of the North and the South. This issue was consolidating nationalism as an ideological basis of the future fascism. Only a slight minority of the population spoke the state language (literary Italian). The majority spoke various dialects. The southerners consider even now the Neapolitan dialect as a separate language.

Fifth, the emergence of fascism in Italy, as well as in Europe as a whole, was greatly influenced by World War I which produced a deep economic and political crisis in that country. Its' financial system was devastated by the war. The foreign debt of Italy amounted to 19 billion lire by the end of the war. The war expenditures absorbed in 1918 up to 80 per cent of the budget, and amounted to 46 billion lire. The gold and currency reserves were almost entirely spent for purchasing strategic materials and arms. It precipitated an uncontrolled inflation. Lack of funds in the treasury led to a cascade of bankruptcies of enterprises. For example, in 1919, 500 enterprises went bankrupt, this number rising to 700 in 1920, to 1800 in 1921, to 3600 in 1922, and to 5700 in 1923.

Under these conditions, mass unemployment and impoverishment of the peasants were rapidly growing. While in 1920 there were 150,000 unemployed in Italy, their number increased to 407,000 by 1922.

All this provided a fertile ground for a mass mentality, manifested in spontaneous pogroms of food stores and unwarranted occupations of land etc. Against this background, radical organizations gained ground, tending to manipulate the masses in their political interests.

Uncontrollable activities of masses inevitably converted the economic crisis into a political one. The King of Italy, the government and parliament were unable to resolve the situation. The radicals and nationalists with their chauvinistic slogans took advantage of it.

Thus after the First World War, conditions appeared in Italy contributing to fascism. The primary of these conditions were the weakness of the Italian state in pursuing its domestic and foreign policies. This weakness was consequences of the 'mutilated victory' in World War I, an active mass movement of workers in 1919 — 1920, the leftist parties' growth in numbers and in influence, and the collapse of ideals and stereotypes of pre-war time in the mass psychology of the Italians.

Fascism in Italy appeared in 1919. In March that year the first fascist organizations were set up in Milan and other cities that soon became known as the combat unions (Fasci di combattimento in Italian).

A characteristic feature of the fascists from the outset was a political demagoguery designed to win wide popular support. The initial demagogic slogans included: elimination of the monarchy, abolition of hereditary titles, introduction of the tax on big business, establishment of an 8-hour workday, abolition of compulsory military service, and land reform on the principle of "Land for those who work it."

The fascists introduced among themselves the paramilitary dress code — black shirts, a special organizational structure — the legions, cohorts, and an ancient Roman salute — a wave of the outstretched arm straight up. By using these simple techniques, the fascists wished to inflame nationalist sentiments towards their foreign policy, to narrow the impact of the revolutionary movement and its parties on the social and political life, and to secure the support of influential circles of the monopoly capital and the tops of the army.

However, at the initial stage of 1919-1920, the fascists failed to achieve these goals. Their demagoguery was not a mass success. The fascists' unions did not exceed several thousand persons. At that time, Benito Mussolini came to the leadership of the Italian fascists. He was previously a participant of the Socialist movement, a downright atheist, who had gone in exile to Switzerland. But after returning to Italy, he entered the Socialist party and successfully engaged in journalism. In 1912, Mussolini became editor-in-chief of the Socialist-owned *Avanti* newspaper. After the outbreak of World War II he left the Socialist party, and in 1919 he initiated the fascist unions (Italian word fascism, deriving from *fascio* — bundle, bunch, fascicle). Within their framework armed groups were formed, designed to crush the workers' and democratic organizations.

The fascist unions were steadily growing in number, as well as their influence, due to the post-war economic crisis. While in autumn 1920 there were 200 fascist unions a year later their number increased by 10 times. In May 1921, the fascists scored 7 per cent of the parliamentary mandates, and half year later, in November 1921, the National Fascist Party was set up at the congress of the fascist unions. Since then, the fascists began preparing for seizing state power. By the use of social demagoguery, and provocative slogans ('Land for those who work it' or 'Establishing a strong power' and others), and profiting by the economic hardships of the country, the fascists managed to enlist a large number of people from various social strata. They demonstrated their strength and influence by organizing the so called March on Rome composed of 25,000 Blackshirts.

Not facing any resistance, the fascist columns entered the Eternal City on October 30, 1922. It was actually a bloodless revolution. The King was forced to offer Mussolini the office of the head of the government. Thus, Italy became the first European country where an authoritarian, and subsequently a totalitarian regime of the fascist type emerged. It is that country that opened the way to the wave of European fascism.

Italy's path towards a totalitarian dictatorship was accompanied by a gradual seizure of the functions of power by the fascist party and its leader. A milestone on this road was January 3, 1925, when the new Italian government was formed with only fascist participation, and Mussolini declared that the struggle between the government and the opposition would be violent.

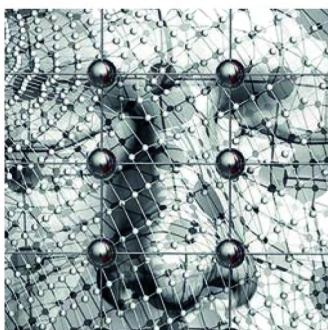
A new five-year period beginning in 1925 and ending in 1929, was the initial stage of the country's road to complete totalitarianism. In 1926, the monopoly of the single party, single press, single ideology — the fascist one — was established. The party was gradually acquiring the character of oligarchy, joining with the state.

In 1929, Mussolini radically restructured the state by creating a new, corporate structure instead of self-governed democratic institutions (the parliament, parties, the trade unions). The state and the social organizations in this new structure were included in the power pyramid run strictly vertically from above to bottom. In 1929 the Parliament was dissolved.

The next decade in the history of Italy (1929 — 1939) saw a further concentration of political power, and the increasing of its control over the economy and society, a greater role of the fascist party in the state, and the accelerated process of 'fascization' of popular masses.

In that period, ideology was finally converted to a servant of the totalitarian regime. The expansionist character of the Italian fascism manifested itself. The supporters of fascism declared themselves the heirs of ancient Rome, and proclaimed a 'new civilization' which the whole of mankind was bound to enter.

Repressive policy towards opponents was peculiar for the Italian totalitarian regime, as well as for other similar regimes. Thus, Giovanni Amendola and Piero Gobetti, consequent critics of the Italian Fascists, first used the term 'totalitarianism' in their publications, and were beaten up cruelly by Blackshirts in 1925. Yet Mussolini was not as active in using punitive measures, compared with other dictators. Certainly, all those who tried to resist the regime were arrested, and tried by the special tribunal. After passing a sentence, convicts were usually sent to prisons (where some of them stayed 17 years), or deported to the islands. Between 1927 and 1935, 2,947 anti-fascists were convicted by the tribunal. But executions were not frequently used. For example, the death sentence was carried out for 4 persons, who had attempted an assassination on the life of Il Duce.

Germany

Emergence of totalitarianism in Germany, as well as in Italy, was preceded by a long period of birth and growth of nationalist sentiment and nationalist movements. This process was stimulated by the wars against Napoleon in the early 19th century, and later by the movement for unification of the country. For Adam Mueller and other heralds of the German political romanticism, the state was an embodiment of the mythical spirit of the nation and its needs. Therefore, they called to create of a single, strong German state, capable of carrying out the idea of the German superiority, and of preserving the country's medieval feudal system.

These ideas were implemented to a certain extent in the process of uniting the country under the aegis of Prussia in the dynastic wars. Thus, in the late 19th century, the German Empire was established by 'blood and iron'. It was a militaristic, nationalist and despotic state, where the power belonged to conservatives, headed by Chancellor Otto von Bismarck. The chancellor relied on the support of landowners and other segments of the population susceptible to fighting against the capitalist trend in the development of the country. To curb the labor movement, the government put forward the idea of a 'state' socialism as a means of solving social problems 'from above', by means of reforms undertaken by the monarchical regime. However, the Bismarck reforms carried out in the late 1870s did not yield the desired results. They rather increased the sympathy of the people for social democracy. However, there was a persistent idea in the German public mind that it was the monarchy that could serve a protection for the smallholder from big business, especially from those businesses controlled by Jewish owners.

Militant anti-Semitism underlay a monarchy-oriented Christian Socialist Workers' Party founded by a court chaplain Adolf Stoecker, which claimed to protect the interests of workers and all the 'little people'. Along with this group, there emerged still more radical anti-Semitic movements, which included representatives of the urban petty bourgeoisie, artisans, peasants, and the lumpen-proletariat.

In this environment — with the economic crisis contributing — a painful reaction to capitalist development manifested itself. It was purposefully focused on the Jews who were viewed as competitors, and 'Jewishness' in general. Thus anti-Semitism was gradually acquiring a racist and economic foundation. Numerous big merchants and bankers in Germany strongly supported the nationalist groups and parties.

Obviously it was 'pre-fascism', and became not only ideological, but also organizational. The League of Anti-Semites, the first organized political grouping within this movement, had a secret membership, and was strictly leader-centered. This organization collected hundreds of thousands of signatures on a petition demanding the restriction of the civil rights of Jews.

In 1880, gangs organized by the League staged a series of Jewish pogroms. Alongside the League of Anti-Semites, other anti-Semitic organizations appeared in Germany in the last third of the 19th century, such as the Social Imperial Party, The German Party of the Reform and others. They all demanded limiting the 'Jewish element' in the economy, abolishing the 'privileges of the big mobile capital', and stopping the exploitation of German workers by the 'Jewish capital'.

By the end of the 19th century, anti-Semitic organizations began to unite. Thus, in the early 1880s, an international association of anti-Semites from Germany, Russia, and Austria-Hungary was founded, which held two international congresses in Dresden. In the same period, a unification of the anti-Semitic unions took place.

In 1886, the German Anti-Semitic Union was formed at the initiative and under the 'leadership' of Theodor Fritsch. Its program envisaged creating 'the German social state' with a strong imperial power, limitation of democratic freedoms and an expansionist foreign policy. The movement not only advocated extreme nationalism, but also demanded limits upon the freedom of enterprise and of big trading, by using strong 'state-socialist' regulative measures.

The subsequent years saw both splits and consolidations in the anti-Semitic camp. Since 1890, it was represented in the German Parliament. In 1914, the anti-Semitic groupings merged in the Deutsch Völkische movement that relied upon numerous organizations (of youth, sportsmen, workers, and peasants). The racist and expansionist ideas of this movement were supported by the authorities and by unions like the Pan-German League.

The Völkische developed and brought to the extreme the ideology of 'blood and soil', and its inherent theory of the special qualities of the German nation, designed to secure for it a global hegemony. Obscurantism and reactionary conservative features, alongside the chanting of ancient German virtues were accompanied by borrowings from fashionable doctrines. Those included the 'racial school' (Houston Stewart Chamberlain, Lange, Liebenfels), Social Darwinism, mystical theosophy and 'Aryosophy' (Guido von List). These theories, in conjunction with the idea of a strong state as the exponent of the national idea, with anti-Semitism, and with apologetics of the 'national labor' and the 'national manufacturing capital' subsequently formed the ideological basis of the German National Socialism.

The German National Socialism movement has grown directly out of the Völkische movement, and the occultist racist organizations (The German Order, the Knights of the Holy Grail, The Thule Society). The Thule Society preached a mixture of Tibetan sacred books, the esoteric teachings of magician Gurdjieff, and of the German occult orders, and became the center of the Munich Völkische and chose the Aryan 'swastika' as its symbol.

Thus German fascism had from the outset a solid ideological and political basis. In combination with the adverse consequences of World War I for Germany, the fascism obtained a strong opportunity not only as an ideology, but also as a basis for building the political party. That party, as the subsequent events have shown, proved to be rather successful in the power struggle.

The first fascist organizations in Germany were founded in 1919. One of them was a circle formed by a locksmith Anton Drexler which united six persons. The goals it proclaimed (a strong state, a strong power, the revival of the army, and the return of former German borders) attracted Hitler, and he entered the circle as the seventh member. Since then a new phase in the history of the German fascism began. In 1920, the National Socialist German Workers' Party (NSDAP) was founded. Its program was presented by Adolf Hitler in the Hofbräuhaus brewery in Munich, and later on formulated as a final variant in *Mein Kampf*.

The centerpiece of the Nazi program, as well as of the programs of the Italian fascist party and of the Falange in Spain, was a reassessment of the role of nation and state. The nation was defined as an eternal reality independent from the population it included, and from the turns of history. Yet, the idea of eternity of the nation was not clearly formulated in the NSDAP documents at that time. But racism was openly advocated. The Germans were defined by their common blood. The constancy of the blood is at the heart of the eternity of the nation. Preserving the purity of blood was declared the major national goal. As Hitler declared, 'incest and the corresponding reduction in the racial level is the sole cause of extinction of ancient civilizations. People are dying not as a result of lost wars, but because of the loss of resistance, which is present only in the thoroughbred personality. All who do not belong to the superior race, are the dregs'.

The Nazi program, included these basic ideas:

- (a) A predominant and integral primacy of nationalism and racism;
- (b) Pan-Germanism;
- (c) An essential role of the army;
- (d) Denunciation of the liberal parliamentary system;
- (e) A desire to renew political morality;
- (f) The corporate principle of the social organization;
- (g) Recognition of private property, while exposing the abuses generated by it;
- (h) The preference for small and medium-sized enterprises;
- (i) The national solidarity as the way to make the problem of class struggle irrelevant;
- (j) The school as a tool in nation-building;
- (k) The renewal of the leading strata of the society through individual efforts and education;
- (l) The integration of the individual in a certain set of communities;
- (m) Asserting the independence of the state from church organization.

It is this program which served the German Nazis when they started in the 1920s on their way to state power. Their path to the power Olympus, compared with the Italian Fascists, was longer and more difficult.

At the beginning, the political geography of the Nazi Party was limited to Munich, and its membership grew slowly. In 1919, the party did not exceed 100 members. In 1920, thanks to the publication of their newspaper *Völkischer Beobachter*, the Nazis increased their membership to 3,000 people.

In 1921, the party established their storm troops, and Adolf Hitler became its sole leader. By 1923, the Nazi party had 56,000 members. This was an indication of the fact that the NSDAP managed to stand out among numerous other similar groups. Contributing to this success were demagogic slogans, and harsh and unscrupulous methods of struggle with

the Communist Party of Germany, which enjoyed support from a considerable part of the German workers. At this stage, the Hitler party succeeded in attracting the sympathy of the state power. The latter believed that the Communists were a much greater threat for the society than the Nazis. Moreover, the Communist party worsened its position by the Hamburg uprising in October 1923, when the Communists attempted to violently seize power.

In this environment, the German Nazis storm troops occupied the streets of Munich, and presented the government of Bavaria a demand to hand over the power to NSDAP. Thus, the experience of the Italian fascists', who had come to power by the March on Rome, was followed by the Nazis. The Nazis' calculation was that their party would be supported by the army and by those factions in the government which argued for suppressing the communist movement by a 'tough hand'.

However, these hopes of the Nazis were unsuccessful at that time, because the Hamburg uprising by the Communists of October 1923 had been suppressed, and the ruling circles had been able to independently control the situation in the country. Hitler spent 13 months in prison for violation of the laws. There, he wrote the first volume of *Mein Kampf*.

Paradoxically, while Hitler was in prison, the totalitarian forces of Germany strengthened their position, for though the Nazi Party split into several groups, the geography of its activities covered almost the entire country. At the elections to the Reichstag in May 1924, these groups by uniting in the National Bloc, obtained nearly 2 million votes, and in Bavaria, the Nazis became the second strongest political party.

After leaving prison, Hitler, though not without difficulties, managed to quickly regain control of the party and strengthened its position in society. The membership of the NSDAP grew from 17,000 in 1926 to 40,000 in 1927 and to 120,000 in 1929. In that period it established its territorial and production cells, which allowed it to work more actively with different sectors of the population.

The global economic crisis of 1929-33 had a particularly strong impact on Germany, which had not yet fully recovered after World War I. The popular support of the government, and the parties which formed it was steadily falling. At the same time the influence of the German Communist Party (KPD) and NSDAP was increasing. The former was calling the people to solve all problems through the establishment of the dictatorship of the proletariat. The latter was offering the country the regime of the 'strong personality' of Hitler, supposedly able to unite the nation on the platform of the National Socialism.

Until November 1932, the National Socialists had preponderance in their competition with KPD. Thus, at the Reichstag elections in 1928, Hitler's party received 800,000 votes, and at the elections in 1930, this figure increased to over 6,400,000. Hitler's candidacy at the presidential elections in 1932 was already supported by 13,000,000 voters, while the KPD candidate obtained only 3,700,000 votes. The National Socialists had also a distinct advantage over the Communists at the parliamentary elections in July 1932. The National Socialists received 13,000,000 votes, compared to 5,300,000 of the Communists.

In these circumstances, the idea of creating a coalition government, consisting of the center parties and the Nazi Party, seemed inappropriate for the National Socialists, because the Fuehrer did not want to share power with anyone.

However, at the elections to the Reichstag in November 1932, the National Socialists lost 2,000,000 votes. Although this was not yet a proof of a crisis situation of the party, it became

clear that the NSDAP had passed the peak of its influence. Hitler agreed to a compromise by leading a coalition government. On January 30, 1933 President Hindenburg appointed him chancellor of Germany. The new government included the parties close to the Nazis — the Nationalists and the 'Steel Helmet'. The latter had incidentally been founded by officers of the German army, demanding revenge after defeat in World War I.

This compromise was temporary. Actually, from that moment Germany entered a phase of establishing a totalitarian dictatorship. In less than a half a year, the country was converted into a political desert. Hitler vigorously and consistently destroyed the democratic institutions of the government and the civil society.

Introduction of the Nazism into all spheres of the public life was carried out in the following areas:

1. Taking measures to consolidate the Nazi regime, to eliminate its opposition;
2. Implementation of the Nazi state and political structure at all levels of the social life;
3. Developing the economy ready to the total war;
4. The radical change in the social hierarchy of German society;
5. Development and implementation of the foreign policy, which could provide the world domination by the German nation.

To fully describe all of these factors would require an extensive discussion.

However, within this book, we will focus only on some key facts pertaining to the emergence, and the history of the Third Reich as a totalitarian state.

Hitler believed that a federal bourgeois-democratic state, which Germany represented, was fit at best for local and colonial wars, but was incapable of waging a total war. That type of war would not only eliminate the consequences of Versailles (Versailles Peace Treaty of 1919, formally ended the First World War. — Ed.), but would also secure a new living space for the country. Thus, in spring 1933, the imperial model was substantially restructured. According to the 'Law for Synchronization of the States with the Reich', adopted April 7, 1933, the Land Parliaments lost the right to form the Land governments. The Land administrations from that moment were headed by the Reichsstatthalter (governors), who were subordinated to the imperial government. A month later, the Reichsrat was abolished. After President Hindenburg's death on August 2, 1934, Hitler concentrated the powers of the Chancellor, the President and Commander in Chief in his own hands. The personal dictatorship of the Fuehrer has become a norm for the entire state system.

Thus, while formally the Weimar Constitution was preserved, the supreme power established in Germany was actually a totalitarian dictatorship. After receiving total power, Hitler eliminated in a short period of time the democratic institutions of society, and spread the Fuehrer dictatorship to all state agencies.

The Nazis rapidly purged the state bureaucracy. Those considered unreliable were fired. In these circumstances, officials and employees rushed to the NSDAP, for they could not rely on a successful career without membership in the ruling party.

The next step in consolidating the German totalitarianism was elimination of the multi-party system.

The Communist Party was the first victim of the fascist repression. It was falsely accused of setting fire to the Reichstag, February 27, 1933, although the arson was deliberately arranged by the storm troops. On March 3, Ernst Thälmann, leader of the German Communists,

was arrested. The party members were subject to mass persecutions. Of the 300,000 people that were KPD members at the beginning of 1933, about half were harassed and persecuted and tens of thousands — were killed.

To carry out punitive functions, a secret state police — Gestapo — was founded within the Prussian interior ministry. In March 1933, the first concentration camps were set up. At first they were subordinate to the police, then to the SA (the Storm Troops), and then to the SS (the Protection Squadron).

In the autumn they passed into the exclusive management of the SS, which became the basis of the economic power of that organization. Totally by the end of the Third Reich period, in Germany alone there were 1100 concentration camps. 18,000,000 prisoners of various nationalities were prisoners of these camps throughout their history. 12,000,000 individuals, including 1 million Germans, lost their lives there.

In April 1933, the trade unions were disbanded. In June, the Social Democratic Party was outlawed and soon all other parties declared the 'self-dissolution'. The law adopted in July 1933, prohibited the existence of any organization in Germany, except the Nazi Party.

In December 1933, the Law 'On ensuring the Unity of the Party and State' was adopted. It empowered the Chancellor as the leader of the sole legal party with the right to personally shape the composition of the Reichstag, and to appoint senior officials.

Along with elimination of the multi-party system in 1933-34, Hitler took decisive steps to destroy the so-called 'left' wing of the NSDAP, which was the legacy of the national revolutionary movement. This 'left wing' was led by brothers Gregor and Otto Strasser. It took shape within the Nazi Party after the failure of the Munich coup in 1923. The program positions of this group differed significantly from the program of the Hitler wing. The Strassers wished to spread National Socialism only in the workers' environment. They believed that the principle of Fuehrership should not be imposed in the entire state machinery. They were opponents of the dictatorship of one party. They called for cohesion of all the 'sound forces of the society'. The latter should be relied upon in order to establish a state regime, with an elected president as the head, and with the class and corporate representation body as the supreme power.

In the economic domain, the Strassers were advocating a tougher policy towards corporations and large landowners, calling for a self-sufficiency economy, heavy taxation of profits, and nationalization of large industrial property. They rejected the biological aggressiveness inherent in Hitler's foreign policy, and believed that Germany should become the leader in the Mid-European Union, with the participation of France and other countries (including the Soviet Union), which would have carried out the revolutionary defense against imperialism.

The Strassers were openly propagating their views. In the 1920s to the early 1930s, they frequently managed to form independent organizations, and even autonomous parties among their supporters. Among these formations there were 'The Working Group Northwest', 'The Combat League of Revolutionary National Socialists', and 'The Black Front'. However, organizations created by the Strassers failed to play any significant political role.

It was clear that after coming to power, Hitler would not tolerate such dangerous opponents.

On June 30, 1934 during the "Night of Long Knives", the leaders of the 'left wing' were killed. Likewise, many leaders of the Storm Troops lost their lives, including their commander Ernst Roehm. More than 200,000 persons were expelled from SA.

Thus, Hitler consolidated his personal monopoly in the Nazi Party, and initiated a unique model of a totalitarian state, which was significantly different from both the Communist-Stalinist totalitarianism, and other fascist regimes.

Functioning of the state is usually associated with management, control and suppression. The German totalitarian statehood that reached its integrity by 1934-1935 was not only different because of a super-centralized police state that took shape at that period of time. That system also claimed to change the fundamentals of relationship between the individual and the state. This relationship was based on a doctrine closely tied to and coordinated with Nazi ideology.

This doctrine denied the individual nature of personality. Personality was viewed as an organic, integral part of society and its legal status as a derivative from the status of the German people. Therefore, the legal status of a person must be based on his public loyalty and on his recognition of the interest of nation (read – the power) being higher than his self-interest.

In this context, the concept of 'people' was narrowed by the National Socialist doctrine to a single social group (the Aryan race), which was declared the supreme legal entity and the sole bearer of the power sovereignty. Thus, only a 'racially pure' person was recognized the full-fledged person in the Third Reich. This was stipulated by the 1935 'Citizenship Law' and 'Law on the Protection of German Blood and German Honor.' These laws divided all the German citizens into two categories: the Reich citizens and the nationals. While the former had the entire set of political and social rights, the latter were deprived of political rights, and substantially limited in a number of civil rights. 'Racially pure' citizens were obliged to prove all the time their desire 'to faithfully serve the German nation'.

To meet the doctrine of the Aryan national government, the entire law system of Germany was subject to a deep transformation, and actually became unlawful. As early as in 1937, the Civil Code of 1896, the main body of the German law, was replaced by a set of specific laws, the central idea being that 'Law is something that is useful to the people and the Reich'.

Proceeding from this postulate, fundamental changes were made in the legal norms, designed to ensure viability of the Third Reich. Thus, in order to maintain racial purity of the German society the freedom of marriage was restricted. A marriage was to be authorized by a special 'health court'.

Hitler believed that 20 per cent of the population was biologically deficient. On June 14, 1933, only six months after the Nazis came to power, the law was passed 'For the Prevention of Hereditarily Diseased Offspring' which provided for compulsory sterilization. Corresponding decisions were taken by the judges on racial issues. In the period of 1933 to 1936 alone, 168,000 unfortunate persons were sterilized. Since August 1939, a special instruction required that midwives kill the handicapped newborns. The 'defective' adults were killed in the concentration camps. Thus, the new marriage and family 'legislation' served as a basis for a huge program of euthanasia, or 'easing the death by analgesics'.

The role and functions of different branches of law underwent a radical change in the Third Reich.

The system of criminal law, based on the fundamental interests of the individual and society, was focused on accountability for crimes against the state. The interpretation of political crimes was expanded. It dealt both with offenses according to the new legislation (e.g. race laws), and with the possibility of preventive punishment of political dissent. Therefore,

a legal category of 'enemy of the people' was put on the foreground. It was applied as a rule to the people who did not share the Nazi ('national') convictions. Responsibility for political crimes and offenses against the NSDAP members was tightened. For example, race offences and crimes against the state officials were included in this category. These crimes were punished by death (hanging was introduced by the Nazi regime), or imprisonment exceeding 15 years.

The new power significantly simplified the system of legal proceedings. In particular, the laws of the Reich were given retroactive effect — offenses committed before the enactment of the law were also subject to punishment. The case hearings were performed by the shortened procedure. The resolution of 1935 instructed judges to be guided by the principles of 'national legal conscience' and by the ideas of National Socialism in their practices.

In case the law did not list direct prescriptions for a penalty, the judge's own legal conscience was considered sufficient for passing a sentence.

The institute of the Bar was put under the complete control of the state. Yet the procedure of legal defense remained compulsory.

The judicial system of Germany did not undergo substantial restructuring in the Third Reich period. However, alongside the ordinary courts, special courts for anti-government crimes were introduced in 1937 which consisted of three party members. Their sessions took place without the presence of the jury.

The party courts were preserved, which dealt with the cases of NSDAP members. Besides, the People's Court was established in 1936 to review cases of special importance. It was composed of judges appointed for life, jurors and advisors. It is worth noting that the sentences passed by this court, were relatively humane even within the Nazi system.

Thus, in the period of its existence, it sentenced 225,000 persons to 600,000 years' imprisonment in total, (an average of 2.6 years per defendant). In the years of Nazi rule, the courts of all categories passed some 5,000 death sentences, the majority of them falling during the war period.

During the Third Reich, a fundamentally new structure of the state power was formed. The power of the people should have been its formal basis. By declaring the unity of the individual and the state, the Nazis saw it necessary to replace representative democracy by direct plebiscitary democracy. However, in reality plebiscites were rare in the years of the Third Reich. In 1933, there was a plebiscite on Germany's withdrawal from the League of Nations, in 1934 — on the presidential powers of Chancellor, and in 1938 — on the annexation of Austria. In addition, the list of candidates to the Reichstag members was to be approved on the plebiscitary basis, although the Fuehrer personally selected 810 deputies.

Therefore, the declared people's power in the Third Reich actually was formal. The real power in the country was from the outset concentrated within the dictatorial government machinery, the leading role being played by the Nazi party. Its work was primarily aimed not at solving the domestic problems of social life, but at achieving the strategic objectives of the National Socialist movement. The latter was to unite the will of the nation (the race) in order to achieve world domination of the Germans.

In the early period of the Third Reich, the Nazi Party secured a complete monopoly of political power, either by submitting all vertical power structures (the army, the bureaucracy) to the party apparatus, or by displacing them (the church).

As the leading force of society, the Nazi Party acted on the basis of the July 1934 decree on the mandatory decisions of the Deputy Fuehrer of the party. It had an extensive network of branch departments, their heads usually holding leading positions in the state apparatus. In turn, 70 per cent of the public officials, and 100 per cent of the teachers were members of the Nazi Party by the end of the 1930s. All the officials carried full public responsibility before the Fuehrer (The Act on Officialdom of 1937).

Hitler's regime eliminated the federal structure of the country and the previous system of local self-government. The inner structure of the NSDAP has become the basis for the territorial and political structure of Germany. The country was divided into 33 Gau (a designation of the Party districts of Germany, Gauleiters being the heads of the regional offices), 827 districts (Kreis), 21,000 districts (Ortsgruppen), over 260,000 party cells. The Gau as the basic link of the territorial division usually coincided with the military and administrative districts. The districts were headed by the Statthalter (governors) who were representatives of the imperial government, and, almost always, the heads of regional party organizations. They carried personal responsibility before the Fuehrer.

The role of the Fuehrer, who, after the plebiscite of 1934 concentrated the emergency powers in his hands, was exceptional. His legal status was determined by a combination of functions of the Reichsfuehrer, the Chancellor of the Reich, and the Commander In Chief. This allowed him to concentrate the supreme party, state and military control in his hands.

The party and state structure of the Third Reich was permeated with a totalitarian ideological concept which actually provided a theoretical justification of its existence. It's the ideology that has shaped the patterns of the totalitarian power, such as: 'One Homeland, 'One historical destiny', 'One leader of the nation', etc.

The ideology called the people for the unification of opinions by molding 'common shrines' and hatred of the 'common enemy' in popular minds. This ultimately strengthened the social base of the Nazis, allowing them to come to power in a relatively legal way. They gained the support of the majority of the population in preparing the war for the world domination. The fascism was able to ideologically convince the people of their country that the German sovereign state existing at that stage was just temporary. The State was only a means to mobilize all resources of the society to implement the highest goal.

This goal is a new world racial order where a 'new personality' would be brought up by the state system, with a particular social ethics and morality. The life of this personality would be completely subordinated to the greater principles, which were to serving the highest truth.

Thus, the ideological function was vital for the Nazi state. Accordingly, the ideological machinery within the state mechanism not only became a factor of influence on the minds of citizens in the spirit of National Socialism.

This machinery itself turned into an important regulator of social relations. The Reich Ministry of Public Enlightenment and Propaganda headed by Paul Joseph Goebbels was instrumental in submitting various spheres of public life to the interests of propaganda. Among these spheres were the latest achievements in media, cinema, fundamental and applied science, arts, sports, tourism and leisure. Even the party, the government, and civil society organizations were made constituent parts of this unprecedented ideological system. By creating an extensive network of subsidiaries and ensuring their ideological integrity, the Nazi Party

acquired a truly mass character. It involved all segments of the population. By 1945, the party itself numbered 6,000,000 persons.

Particular attention was paid by NSDAP to the indoctrination of the youth of Aryan origin. For all young people aged from ten to eighteen, membership in the 'Hitler Youth' was obligatory. This youth organization merged in 1935 with the Nazi party. The structure of the 'Hitler Youth' was created on the basis of a differentiated approach, while working with different age and sex groups of children and teenagers. Thus, the boys between ten and fourteen years were members of the Deutsches Jungfolk (German Youth) groups. The girls of this age were united in Jungmedelbunde (Union of girls) organizations. Properly the 'Hitler Youth' included older groups (young people between fourteen and eighteen), which were also divided into the organizations for the young men ('Hitler-Jugend'), and the organizations for the girls, 'Bund Deutscher Medel' (Union of German Girls).

These organizations dealt in various degrees with all aspects of the social life, their priorities being the ideological and physical training of youth.

Thus, all young people in the Third Reich, aged ten to twenty years, were embraced by an extremely centralized system of ideological and political education. This system was created to develop in coming generations the intellectual, social and physical qualities, necessary for the individuals of the German Aryan origin.

The authorities of the Nazi Reich reinforced its ideological impact on the population by the powerful repressive machinery. This machinery was not only engaged in the Nazi indoctrination of the society, but also exercised total control over the public consciousness. Those were the tasks of the 'SS Empire' headed by Heinrich Himmler. After Hitler's coming to power, the SS troops, initially being his personal guard formed from particularly loyal persons, actually become a state within a state.

The obligatory SS membership of all the top officials of the Reich and NSDAP was a sign of their devotion to the Fuehrer. The structure of SS included several levels: Schar (8 persons). Truppe (3 Schar), Sturm (3 Gruppe), Sturmbann (3 Sturm), Standarte (3 to 4 Sturmbann), Abschnitt (8,000-10,000 persons) Gruppe (several Abschnitt). The latter were united in the so-called Allgemeine (General) SS. These detachments, along with the 'guard units' (Wachverbände) and 'disposal groups' (Verfügungsgruppe) made up the SS troops which not only performed law enforcement functions, but were also considered the prototype of the future army of the Third Reich.

The organizational structure of the SS had been finally formed by the late 1930s, when the Reich Security Head Office (RSHA) was established. It was headed initially by Reinhard Heydrich, and then from 1943 by Ernst Kaltenbrunner. RSHA included virtually all of the services previously carrying out the specific functions of internal security. From that moment, no one sphere of life of the German society could escape the SS control.

Since 1933, the SS controlled a system of concentration camps, which was being set up at that time to be the main instrument of the SS indoctrination work. Until World War II, this system had been focused not only on the 'cleanup' of the society, and extermination of undesirable citizens, but also primarily on their ideological education. As previously stated, over one million Germans were prisoners of the concentration camps throughout the Nazi period. Most of them were subsequently released, and partially restored in their rights.

The SS paid particular attention to educating its own members. Himmler believed that this organization would eventually turn into the racial elite of the German nation.

After seizing state power, the leaders of the Third Reich gave special importance to overcoming the permanent economic crisis, and creating the conditions for economic development. Initially, there was a lack of unity in the economic bloc of the government as to methods of solving this complex issue. As early as in the spring of 1933, the Ministry of Labor proposed restructuring the economic system on the estate basis. Its implementation provided for forming the estates on the branch principle. The next objective was to combine those estates into a single body, and thus to overcome the class antagonism, and to create the conditions for a united action of all Germans in implementing the NSDAP program.

This system did not actually imply the elimination of market relations in the economy. However, it supposed that under certain conditions (e.g. a war) a total mobilization of all economic resources of the nation, and the centralized economic management were possible to address the fundamental problems of foreign policy. The National Socialist Party was to exercise the total control over the entire system of economic relations.

Economic reforms were coordinated by the General Council of the economy set up June 15, 1933, and consisting of 12 representatives of business circles (Gustav Krupp, Fritz Thyssen, Albert Vögler, August von Flick, and others) and five representatives of the Ministry of the Imperial Economy. The new regional structure of the German economy under the tutelage of the Council was already set up in 1933. It consisted of eighteen business districts. Each of them had its District Chamber of Commerce, with direct subordination to the Imperial Chamber of Commerce.

The Special Economic Court was also established. The structure and the work of the business houses were originally based on the personal power of the Fuehrer, and from January 1934, this management principle was introduced at the enterprises. The system of works councils (factory committees), which had existed earlier, was abolished. Labor relations at the enterprises were regulated by the statute of the factory. It stipulated that the owner of the company was endowed with the Fuehrer status, bearing a personal responsibility before the Fuehrer of the nation for its business. As for the participation of workers and employees in the enterprise management, it was confined to establishing the Council of Proxies, consisting of their representatives in an advisory capacity.

If a conflict occurred between the Fuehrer of the enterprise and the Council of Proxies, it was solved by 'labor trustees' appointed by the Ministry of the Imperial Economy. The trade unions designed to protect the workers' interests were banned. They were replaced by the unified German Labor Front. Closely connected with it was the Association of the German Employers' Unions. Control over the activities of these organizations was carried out by the Nazi Party.

The next step in reforming the economy of the Third Reich was the law 'On the preparation of the organic construction of the national economy', adopted February 27, 1934. A corporate branch structure of the economy was envisaged, consisting of two main business units. The first was the Organization of Commercial Economy, consisting of the groups for industry, energy, transport, trade, crafts, banks and insurance. The second was the Reich Food Estate, subordinated to the Ministry of Agriculture, and possessing a significant autonomy with its own socio-political organization — the Reich Union of breadwinners.

Since the mid — 1930s, the reforming of the German economy was focused on its preparation for the war. According to the law 'On the defense of the Reich' these tasks were initially addressed by the Reich Defense Council and a special agency — the Office of the General Commissioner for the War Economy.

Since 1936, the Agency for the four-year plan to mobilize the German economy, headed by Hermann Göring was also involved in policy implementation. It had special authority in regulating the production, distribution and consumption of resources. The reform of the war economy ended in the war period, when the Ministry of Weapons and Ammunition was established, possessing the right to form new industrial associations in the profile of their work.

Thus, within a decade, the Nazi leadership in Germany conducted a large-scale restructuring of the economy. The outcome of this restructuring was an unprecedented centralization of its management, and the strengthening of the regulatory mechanisms of economic development.

By 1939, state planning in the industrial sector covered eighty per cent of the total production. Almost the entire industry was subject to the forced cartelization. That led to a reduction of independent businesses and dramatically increased the concentration of industrial production. Measures taken to 'aryanize' banks (i.e. to clear them of the 'Jewish capital'), reduced the number of banks by 3.6 times (from 1,725 to 477).

Under these conditions, while maintaining private ownership, direct government involvement in the process of production increased. In the 1930s, the government became the largest investor, while increasing the amount of investment in the industry from three billion marks in 1933 to twenty-one billion marks in 1938. This led to a rapid increase in the public sector share of the industry, and the ability to revive production in the shortest time. Thus, a kind of an 'economic miracle' of the totalitarian model was demonstrated to the world.

Another lever of this 'miracle' was a significant reduction of private exploitation of labor and assignment of this function by the state, which was justifying the all-out mobilization of human resources through the efforts to ensure the 'public interest'.

The measures of state regulation of the economy were exceptionally fruitful for the Third Reich. In the first five years of the totalitarian fascist regime, the national budget doubled, while the industrial output increased by one hundred and two per cent. The heavy industry sector reached a pre-crisis level in 1934, exceeding it by fifty per cent in 1939.

Germany took the first place in the world in steel and aluminum production. It increased significantly the output of petroleum products, synthetic rubber, automobiles and machine tools. At the same time, the output of military equipment increased by ever higher rates, due to the priority in the funding of this production. Thus, military spending increased by ten times from 1932 to 1938, amounting to fifty-eight per cent of the state budget on the eve of the war. In general, in 1938, Germany ranked second in Europe in terms of the economic potential.

Thus, the economic system created in Germany in the years of totalitarianism, was significantly different from the structure of the economies of other totalitarian states. A specific model of state-monopoly capitalism developed in Germany in 1930s. It was unlike the liberal (Keynesian) form, primarily because of direct methods of state regulation which were dominating. Besides, the economy of the country in that period was driven by mobilization

needs. Market relations, despite the preservation of private property, in fact, were destroyed. Since a free disposal of production assets was absent, private property was transformed into a legitimate form of social stratification.

The economic activity of individuals was determined by external factors, their nature being ideological and political. The mobilization efficiency of the system in preparation for the total war was obvious. But it was unlikely to satisfy the interests of major groups of German society, whose support was necessary for the Nazi regime to carry out its global program.

After seizing power, the Nazis set a goal to radically change the social hierarchy of the German society and to provide a privileged position of the citizens of Aryan origin. To achieve this goal, the regime chose a tactical model.

It presupposed, first, the impact of the underlying economic factors on the lives of thoroughbred Germans, regardless of a social group. Second, ideological and psychological measures were necessary to shape individuals servile to the regime, with their world outlooks and behavior stereotypes fitting this purpose. Such an integral social policy made it possible to combine the organic program postulates of the NSDAP with traditional values acceptable or attractive to any German.

The implementation of the Nazi social program was to instill the values of labor, maternity, man's valor, national unity and patriotism in the consciousness of the Germans of Aryan origin. In this context, labor for the good of the nation was declared the supreme civic duty of every German. By creating real jobs for Germans, the fascist regime was able to eliminate unemployment in a short time. By January 31, 1933, there were 6,013,612 unemployed people, but in 1934 this number reduced to three million, and in 1936 — to zero. This had not only a huge psychological, but also economic effect. The labor force was sent to military production and construction. The freedom of its movement was controlled.

To implement properly the obligation of citizens to work, the state applied a variety of forms and methods. Thus, professional competitions among all categories of workers, up to the office workers and students, were conducted in order to improve their skills. The National Labor Day, May 1, was introduced among the most important festivals. Within the German Labor Front, the social organization 'Strength through Joy' was established. Under the auspices of it, an extensive system of public entertainment operated, designed to testify the attention of the state to the workers. The 'Houses of German Labor' were converted to leisure centers all over the country. Popular theaters and exhibitions were held there, organizing travel, sports and recreational activities. The state spared no money. To fund the 'Strength through Joy' programs, 24,000,000 marks were spent in 1933 to 1934, 17,000,000 in 1935, and 15,000,000 in 1936. The state gave this organization two first-class ocean liners, and villas of emigrants to be used as holiday homes. It was charged with implementing the project of a 'people's car' Volkswagen. The price of the future car, after the construction of the plant at the expense of shareholders who received vouchers for its purchase, was assumed to be \$397. Given that the average wage of the German workers in the late 1930s was about seven dollars a day, buying this car was available for virtually every working family.

One of the Nazi regime's achievements after coming to power was that it cared not only about the present day, but also about the future. 'The Source of Life' program was prepared and functioned in Germany. It was intended to promote birth rate, support childhood

and maintain the patriarchal foundations of family life. Since 1933, the government paid the special allowance of one thousand marks to women who left their work after marriage, and took care of their families. Families with several children were supported financially. The social status of motherhood was provided in a variety of ways. On the second Sunday of May, when 'Mother's Day' was celebrated, mothers having many children were decorated with the Cross of Glory. At the same time the Nazi regime strictly carried out 'moral recovery of the German society', prostitution and homosexuality being severely punished. In solving the problem of the 'national recovery', the important role was assigned to art, which was intended to praise the heroism of labor, motherhood, soldier's braveness and national unity.

While providing for the social support for the Nazi regime, and rallying the nation morally and ideologically, the authorities put each of the socially important groups in a dual position. On the one hand, these groups received some advantages.

On the other hand, rigid social constraints were imposed upon them. For example, large businesses received protectionist support from the state under the Hitler regime: they were protected from workers' strikes and from business risks. Yet, free enterprise and the opportunities for large profits declined. An owner of the company in fact became a public official, losing the right to determine the types of products, the scale of production, conditions of employment of the labor force, the price of goods, the right to the movement of capital, and freedom of import and export. Compulsory cartelization of the big business limited medium-sized businesses in entering the elite group.

Artisans, merchants, craftsmen and other representatives of the petty bourgeoisie were also under the impact of that very bureaucratic machinery. It's those very social groups which had given substantial support to the fascists in their coming to power. The Combat League of the Commercial Middle Class representing the interests of these social layers, and striving for de-cartelization of production was dissolved as early as 1933. In these circumstances, many small enterprises were liquidated or merged with larger ones. However, those who survived were included in the Reich Chamber of Crafts. Thanks to the prohibition for creating new shops and trade businesses, they obtained an access to government contracts and loans.

As for the rural population, the government considered the Bauers (rich peasants with land parcels ranging from 7.5 to 125 ha) as the stronghold of racial purity and defense power. Other farmers (the Landwerts) were considered simply as ordinary rural owners.

As for the Bauers, the government's approach was dual. On the one hand, according to the 1933 'Law on Hereditary Farms' it limited their economic freedom to a certain extent. It was forbidden for them to buy or mortgage the land, or split their parcels while transferring them by inheritance. At the same time, the state provided the conditions for their material well-being and stable development. With the free market for agricultural production being abolished, the farmers handed over their harvests to purchasers at stable and profitable prices.

Protectionist duties on the import of food in Germany were also a lever against ruining the Bauers' farms. These measures led already by the mid-1930s to consolidating and strengthening the Bauer class, which became the mainstay of German agricultural production. Small farms in these circumstances were doomed to ruin. The Junkers (land aristocracy) did not enjoy the support of the government. The privileges of the 'Reich breadwinners' were not extended to them.

The workers in the Reich were in an equally ambivalent position. The authorities disbanded the trade unions defending workers' rights. The tariff rates of wages were frozen at the level of 1932. Work record books were introduced in the country, which meant that a free transfer of workers to other enterprises was prohibited. At the same time, in protecting the workers, the government established strict limitations for working hours and minimal wages. It restricted entrepreneurs in unjustified firings of workers. It created 'social courts of honor' that were entitled to resolve conflicts between the workers and the employers. A similar court could take away the Fuehrer status from the owner, which was equivalent to the loss of his property.

The social conditions of the German working class in the 1930s significantly improved in comparison with the crisis period of the 1920s and the early 1930s. Unemployment was drastically reduced, the system of consumption was stabilized, and the philanthropy of the rich for the poor grew in scale. Thanks to the 'Strength through Joy', many ordinary Germans for the first time received an opportunity for diversified and healthy leisure. An integrated national system of education and upbringing of children and young people was established in the country. But its content and ideological trends were unfortunately, not humanistic.

As for civil servants and intellectuals, these categories of citizens of Germany were also in an ambivalent position vis-à-vis the fascist government. While maintaining a privileged position in the society, provided through their solidarity with the authorities, they were at the same time substantially constrained in their social status. It was the government officials and intellectuals that were to the greatest degree subject to state control and which suffered from the nazification policy, such as racial and ideological cleansings.

Thus, after the Nazi advent to power, the House of German Art was established to attach the popular masses to the Nazi cultural patterns. Cezanne, Van Gogh, Picasso, were banned. Books by hundreds of authors were confiscated from libraries. German universities lost 2,800 of their finest professors. Einstein, Fermi and many others left the country. Science, like art, was isolated from the outside world. But there appeared periodicals like 'The German Chemistry', 'the German Mathematics', and other magazines and books of Nazi content.

Those intellectuals remaining in Germany, including professors and teachers, almost lost their creative freedom and freedom of speech. However, those who adapted to the new regime, took the most secure and protected positions in the social hierarchy of the Reich. The high public profile of these intellectuals was due to their essential role in ensuring state control over the thoughts and feelings of its citizens.

The results of the social policies of the Third Reich were confined to forming a rigid system of corporate society, where each cell was isolated in its socio-economic functions. All these isolated units were anchored by the feeling of the racial superiority fostered by the regime.

The regime also widely employed symbolism and social myths. The Nazi 'values' preached by the regime were intended to ensure the unity of the nation, to predetermine the deeds of an individual, his political, social and economic behavior and to influence even family relationships. Characteristically, the majority of Germans who fell under the influence of Nazi ideology were satisfied with the new rules of life. They were loyal to the changes taking place.

Thus, they were hoping to escape the miserable and hopeless life they had seen in the period of permanent crisis during the 1920s and the early 1930s.

Those who found themselves in opposition to the new political regime were ruthlessly isolated or killed. The hereditary German nobility, the Catholics and the Communists suffered most of all at the hands of the Nazi regime, for they were ideologically and morally rejected.

Some groups of the population of Germany were subject to unreasonable and inhumane persecution by the Nazi. Among them there were Jews, Roma, and even the Germans. Among the latter there were not only those who disagreed with the ideology of Nazism, but also patients with hereditary diseases. They had no place in the 'racially pure' Reich.

As for the Jews, they were not subject en masse to the direct repression in the first three years of the Nazi rule. The Jews were even formally under the protection of the law, if crimes were committed against them. But with the strengthening of the Nazi power, a series of laws was adopted in Germany that actually nullified the rights of the Jews. By 1936, they had been denied the citizenship, the right to have weapons, to own some kinds of property, or to marry the persons of the Aryan race.

A new round of the escalation of racism in Germany began in November 1938, when a wave of pogroms seized the entire country. By that time the Jewish population had declined from 500,000 in 1933 to 300,000 people. Many Jews attempted to emigrate, but it became almost impossible. The Jewish Germans were imposed an indemnity of one billion marks, which they were unable to pay. This indemnification became the legal basis for the confiscation of their businesses and personal belongings. The Jews were restricted in movement, living in ghettos. Starting from six years old, they were obliged to wear the special sign of their own nationality. There was even a plan to resettle the European Jews to the island of Madagascar, but during the war, the Nazis understood that it was unrealistic. This policy was replaced by the Holocaust, the systematic extermination of Jews in death camps (totally six million people were killed). Similar was the fate of 22,000 Roma living in Germany.

The 'racial purity' on a global scale was to be ensured by the foreign policy of Nazi Germany.

By the late 1930s, the Nazi regime in Germany managed to stabilize the domestic situation. But it was not viewed by the authorities as the final result of their work. They wished to see the whole world living under the laws of National Socialism. To achieve this, a victorious war was necessary.

Therefore, since the mid-1930s, Hitler and people around him began to ignore the military restrictions of the Versailles treaty for Germany, and to openly promote the military power of the country.

In 1935, compulsory military service for men from 18 to 43 years was introduced in the country. Conscripts took the oath of allegiance to the Fuehrer. By 1938, the entire military power had been concentrated in the hands of the Armed Forces High Command, headed by the Fuehrer. The army, the navy and the air force Commanders-in-Chief were subordinated to the Fuehrer. The War Department as an intermediary between the Fuehrer and the army was abolished.

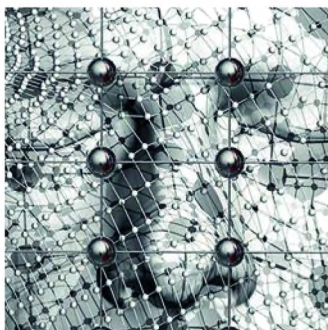
The coordination of all military and civilian agencies in the military districts was performed by the 'Commissioners for National Defense', who were appointed by the Council of Ministers of Defense of the Reich.

Powerful intelligence services were established within the system of the armed forces. Military training of the personnel of the Wehrmacht was stepped up. The armaments production was growing. By the start of World War II, the German army was one of the strongest in Europe, its size amounting to 2,760,000 soldiers. The army had 3695 aircraft and 3200 tanks. The naval forces consisted of two battleships, five cruisers, and fifty-seven submarines.

Relying on this power Nazi Germany in the late 1930s, pursued an increasingly aggressive campaign in its foreign policy, completely contrary to the Treaty of Versailles. Preparing in advance for aggression and not to be bound by any international obligations it left the League of Nations on November 14, 1933. As his primary campaign, Hitler prepared the Anschluss of Austria, the outcome being Austria's annexation by the Reich, March 12, 1938.

The leading Western countries, aware of the fact that this annexation was denied by a series of international treaties, in fact, gave their tacit approval to this action. The Nazis perceived this impunity as a kind of approval for similar actions in the international arena. The next step was dismembering Czechoslovakia according the Munich Agreement of September 1938, in collusion with the governments of Italy, Britain and France. The Sudetenland was included in Germany, and in early 1939, the remaining part of Czechoslovakia was annexed to the Reich.

The next step was the German Nazis' 'concern about the fate of Germans in Poland'. It sparked the beginning of the Second World War, which ultimately led to the collapse of the Third Reich.

Spain

In contrast to the fascists in Italy, Germany and other European countries who came to power in a relatively democratic way, the Spanish Phalange's path to the power Olympus in the 1930s was more arduous. It was accompanied not only by a long-term acute political confrontation, but by a civil war.

A brief sketch of the history of Spain in the period of the 1930s until the first half of the 1970s is necessary to fully understand the peculiar features of the Spanish version of totalitarianism. This was the period when the Spanish Phalange led by Franco fought for state power, and after seizing it by force, exercised the leadership of the country, although totalitarian regimes in the Western civilized world were considered outdated in the postwar years.

We believe that the Spanish version of totalitarianism is one of the few, but real examples of a dictatorship being able to function for some time, even in an environment of civilized, democratic nations of the modern world.

This conclusion pertaining to a dictatorship artificially created on the basis of a totalitarian ideology, has practical and political importance for all countries still in the stage of pre-industrial or industrial development (including Ukraine), which face the resuscitation of totalitarian political regimes to various extents.

After the First World War, Spain remained an agro-industrial power. In the early 1920's, fifty-seven per cent of its economically active population was employed in agriculture, and only 21.9 per cent in industry. A large part of the country's agricultural resources was owned by the landlords. Thus 150,000 landowners accounted for twelve million hectares of land, while one million poor farmers owned a total of just six million hectares of land. Two and one half million peasants were farm laborers.

Vestiges of this feudalism were the main obstacles for the development of the Spanish society. However, Spain was not economically homogeneous. The North (Catalonia, the Basque Country and Asturias) was industrially developed, while the rest of the country was purely agricultural.

The First World War contributed to a sharp increase in the concentration of capital in Spain, and to active foreign investments in industry and agriculture. By 1930, the total of about one billion dollars was invested in the Spanish economy by foreigners. British capital accounted for one-fifth of this sum, while American, French and Belgian capitalists were also building up their investment activities.

A characteristic feature of the Spanish government was its reliance on the Catholic Church which was the largest land owner, banker and industrialist of the country.

The army with its numerous reactionary officers and generals' corps who actively interfered in the political life of the country was also the bulwark of the Monarchy. The Monarchy repeatedly resorted to the aid of the army in acute political crises to defend state power. This was the case in September 1923, when General Primo de Rivera staged a coup d'etat with the consent and support of the King, and established a military and royal dictatorship.

The nationalities issue played an important role for inter-war Spain. Catalonia, the Basque Country and Galicia were inhabited by national minorities. The first two provinces were the most industrialized and supplied industrial production to other regions of the country. However, the monarchical regime serving the interests of the landlords and the bourgeoisie deprived these regions of their basic economic and cultural rights. This caused a broad movement for autonomy in these areas, led by the influential bourgeois and nationalist parties.

Thus, acute, often antagonistic, political, economic, social, and ideological conflicts in Spain eventually led to the bourgeois-democratic revolution in that country.

It is important to note that this revolution in Spain of the 1930s, as a form of political and then military confrontation, gave birth to two major socio-political movements. The first was Falange Francoism as a variety of fascism, which in the specific historical conditions, found its social base, took the state power, and ruled Spain for 36 years. It was the only totalitarian regime in the West which outlived its founding fathers for three decades.

The second was the Popular Front which united democratic forces to oppose fascism in its struggle for power. This struggle included the civil war, which led to the defeat of the Popular Front and its international supporters.

The fascism in Spain, emerged at the first stage of the bourgeois-democratic revolution from April 1931 to November 1933, when the Republican-Socialist governments were in power.

In January 1930, during a period of global economic crisis, the workers, the petty and middle bourgeoisie, progressive-minded intellectuals and army officers joined in confronting the dictatorship of Primo de Rivera, who was ruling the country at that time. He was forced to resign.

In August of the same year, a coalition was formed between the republican parties and the Socialists, who signed the so-called San Sebastian pact. In April 1931, a provisional government headed by Alkado Zamora was formed from the parties signing this pact. It could have solved many pressing problems of the country by relying on support of the popular masses. But it failed to do this.

This failure of the government in contrast to the positive results of the fascist movements in Italy and Germany, gave impetus to the emergence and development of fascism in the Iberian Peninsula.

The pioneer of Spanish fascism was Ernesto Jimenez Caballero, a former socialist, a native of the petty bourgeoisie. After visiting Italy in the late 1920s, he became a fan of Mussolini's views. He sympathized also with Hitler after the latter's seizing power in Germany in 1933. Returning to Spain, Caballero actively promoted the theory of militant 'Latinism'.

In 1931, Ramiro Ledesma Ramos, the son of a school teacher from Zamora, and a former poor student, formed a group of supporters of Nazism, and founded a magazine called

'The Conquest of the State', which actively promoted the ideas of the German fascism. He published in the first issue a manifesto outlining the views of his group of associates, which formed the basis for all subsequent documents of the Spanish Falange. This manifesto presented some general provisions. According to the manifesto, the state should be vested with full power; the theory and practice of Marxism must be eradicated in every way; the communist society and the communist state must be countered by the values of a society built on the principles of hierarchy, of the national idea and the efficient economy. The manifesto proclaimed the syndicalist structure of the economy, the use of a direct action in managing the society, while countering the groups of the previous political and social regime.

These ideas happened to draw attention by Redondo, a former law student at Salamanca, who published his own weekly *Libertad* in 1931, which also promoted fascist views. On June 13, 1931, this weekly proclaimed the creation of the Castilian Hispanic Action Groups, and offered its pages to this organization for a zealous appeal to fight for a 'Great and genuinely free Spain'.

In September 1931, the groups by Ledesma and Redondo merged in a movement named 'Unions of the National-Syndicalist Offensive' (Spanish — JONS). Its program consisted of 16 items including denial of separatism and of class struggle, the Spanish annexation of Gibraltar, Tangier, French Morocco and Algeria, and the ruthless eradication of the foreign influence in Spain. Both Ledesma and Redondo were granting a privileged position to the Roman Catholic faith, which prevailed in the country, although it was at odds with anti-Catholic views of Nazism. The Spanish followers of Hitler justified this approach by the argument that this belief was nothing but a 'racial' tradition in Spain. Moreover, Redondo believed that the Catholic faith for the Spaniards was equivalent of the 'Aryan blood' for the Germans of Aryan origin.

In 1931 and 1932, JONS was not conspicuous. However, at that time, richer and stronger young people started grouping around Jose Antonio Primo de Rivera, the son of the former dictator of Spain. On October 9, 1933, at a meeting held in Madrid Comedia Theatre he delivered a sarcastic and cynical pro-fascist speech, in which he said that the people was deprived of any rights due to its poverty, and that only the rich may be the rulers of life. 'You are free to work if you want it', he continued to say, and developed his idea: 'No one can make you take certain conditions of labor. But being rich, we are the right people to offer you exactly the conditions that we want. If you do not take them, you will starve in the midst of the beautiful liberal freedoms'. (Comments are hardly required here.)

In November 1933, a new fascist organization in Spain, headed by Jose Antonio and named 'The Spanish Falange' started up. All other related organizations joined this group.

The Falange program was typically fascist. However, its influence on the people in that period was minimal. Thus in 1936, this party lost the elections for the Cortes. These elections showed that most people rejected fascism. The Popular Front received a majority of 286 deputies out of 470 in the newly elected Cortes. The right, with only 132 votes, lost the opportunity to establish a fascist dictatorship legally. The government of the left-republican parties formed after the election, headed by Manuel Azana which enjoyed the support of the Popular Front. Given a drastic growth of political activism by the workers, the government implemented a series of progressive reforms in the country in a short period. But these changes lacked resoluteness and consistency. Using this factor, the reactionary forces began

preparing a rebellion against the Republicans. Reactionary generals, such as José Sanjurjo, Francisco Franco, Emilio Mola and others, prepared their loyal troops for military actions against its own people. Capitalists, financiers and landowners were staging an economic sabotage. They were closing up factories, drawing capital away from the country, leaving fields uncultivated, and artificially creating unemployment. The fascist thugs were terrorizing supporters of the Popular Front.

At the same time, the Spanish fascists, not relying on their own forces, requested military and material aid from fascist governments in Rome and Berlin. The rebellion was prepared by coordinated efforts of the world reactionary forces. On the evening of July 17, 1936, the radio station of Ceuta in the Spanish enclave in Morocco's northern coast, just opposite of Gibraltar, transmitted a phrase *Sobre toda España el cielo está despejado* (The Cloudless Sky is above the Whole Spain). This was a passphrase for the beginning of the coup.

The rebellion led by General Franco, began in Spanish Morocco then spread to the entire peninsula. Franco and his followers' action came completely unexpected for the Republican government, but the people took to the streets in their commitment to defend democracy. The government had no choice except to give weapons to the population for combatting the rebels. The civil war began in Spain, was not only domestic, but international by its character. It became an armed confrontation between European fascism and anti-fascism, between dictatorship and democracy. But the Spanish democracy had rather specific traits. It represented not only the nationwide, anti-fascist, anti-totalitarian society, but also the communist movement, which itself is considered to be a certain form of a totalitarian regime.

Germany and Italy openly assisted Franco in his fight against the Republicans. The Soviet Union disguised its support for the Popular Front in Spain as a movement of volunteers who wished to defend the Spanish democracy with arms. There were indeed many people in the Soviet Union sincerely trying to help the Spanish Republicans. Many volunteers from Western countries openly fought fascism. The International Brigades were subsequently composed of them.

The scope of the external intervention in the Spanish Civil War was impressive. 50,000 soldiers and officers from Germany, 150,000 from Italy, as well as about 100,000 soldiers recruited from Morocco fought on the rebels' side. The Popular Front was supported by 35,000 volunteers from all over Europe, including 5,000 Soviet citizens. Both warring parties received large amounts of weapons and military equipment from their allies. Italy alone supplied Franco with some 2,000 guns, 1000 planes, about 1000 tanks and armored personnel carriers, two submarines, four destroyers and other military equipment and weapons. Material aid to the rebels was also provided by other countries.

The Soviet Union in turn sent fifty-two transports with the war cargoes to Spain from October 1936 to October 1937. The total Soviet armament shipments to Spain amounted to 806 aircraft, 362 tanks, 120 armored vehicles, 1,555 guns and 50,000 rifles.

The foreign intervention in Spain, the overt diplomatic support to Franco from Great Britain and France, clearly demonstrated by a 'policy of non-interference', and by the Munich Conference in September 1938, as well as the lack of sufficient unity within the Spanish working class — all led to a protracted civil war. It lasted from June 1936 to March 1939, and was accompanied by a massive loss of life. It claimed the lives of 600,000 people, of which 400,000 were killed by 1944 at the hands of the Franco political regime. The war

resulted in the establishment of the fascist dictatorship of General Franco in Spain in April 1939.

The Franco regime was unusual by its leader's ability to skillfully maneuver in any situation, to avoid panic, and to find compromise solutions for the most complex problems. He was prudent and cold-blooded, uncompromising and firm, pious and even shy when necessary, cautious and distanced from the crowd. Many Spaniards emulated caudillo and believed his personality as an ideal for the civic mentality. Franco's personal qualities were perhaps the main reason for the Francoism's inner erosion being so slow and lasting several decades.

The Spanish fascists, after seizing power had to adapt to the actual situation, to preserve their regime at the expense of tactical concessions to the democratic community. In spite of this the regime remained dictatorial. The political parties and the 'red' trade unions, which had been parts of the 1936-1939 Popular Front, were banned after Franco's coming to power. Many members of these organizations were imprisoned. According to various sources the number of political prisoners in Spain by the late 1930s ranged from 500,000 (by the information of Vatican) to one or two million (according to A. Phillips from the News Chronicle). The national autonomies of the Catalans, the Basques and the Galicians were abolished. The ethnic rights champions were severely persecuted.

All this has angered the world community. After World War II ending with the defeat of the fascist states, the Franco regime became a curious enclave inside the democratic world of Europe. Condemned by the Potsdam Conference as a regime established with the assistance of Nazi Germany and fascist Italy, Spain found itself in international isolation. For this reason, it was denied membership in the UN and other international organizations. The UN member states were encouraged to break diplomatic relations with Spain, which they soon did. The country did not receive aid under the Marshall Plan. It lost the assets that the National Front had placed in the USSR State Bank to pay for the Soviet military supplies during the Civil War.

Due to these facts, the international and domestic situation of Spain greatly deteriorated.

Responding to this situation, Franco immediately softened his political regime. The Great Royal Council was established in April 1947. In May 1947, a referendum was held on the state system of Spain, during which over fourteen million Spaniards voted for the restoration of the monarchy. The latter was viewed by them as a symbol of the national unity, as well as a way to end the fascist dictatorship. Accepting the results of the referendum and declaring Spain a monarchy (temporarily without the monarch), Franco demonstrated to the West his intention to develop democracy in the country. This step convinced the West that by retaining ties with the Spanish leaders, it would exercise a more productive influence upon them. In 1949, the European countries restored diplomatic relations with Spain. In 1953, Franco signed the treaty of defense, economic aid and mutual security with the United States. U.S. military bases have appeared on Spanish soil. At the end of 1955, Spain was admitted to the UN.

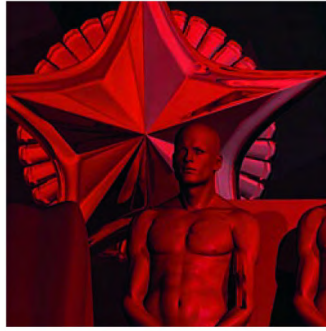
In order to adapt the fascist regime to the democratic Europe, in July 1945, the Constitution, (The Spaniard's Charter), was proclaimed. It formally declared, although without any guarantees, the rights of citizens to respecting their human dignity, to work, to a free expression of ideas, etc. It also prescribed the citizens' duties.

However, applying to the results of the 1947 referendum, Franco secured himself the head of state office for the lifetime by a special act. He was given the titles of 'Caudillo of Spain' and 'Generalissimo of the Armed Forces'. Spain was declared a 'Catholic, social and representative state', a 'Kingdom with a vacant throne' and a 'Monarchy without the Monarch'. The Board of the Regents established in accordance with this act became nominal, since a candidature for the King's throne could be really offered only by the dictator himself. Thus, some shifts of the regime towards democracy in the early postwar years were purely nominal, as the entirety of legislative, executive, judicial and military powers remained in Franco's hands.

Franco was also very flexible in his economic policies. Immediately after the war, he initiated the policy of autarky, i.e. a self-contained closed economy within a country, which contributed to the rapid economic recovery in Spain in the 1950s. The annual increase in production amounted then to some eight per cent. However, by the early 1960s, the autarky has become outdated. Spain was lagging ever more behind the countries with market economies, taking the thirteenth place in Europe in terms of the industrial output, and the fifteenth place in agriculture. Aware of the fact that the economic autarky would no longer bring the desired results, Franco gradually replaced it by the course toward a market economy. Because of these changes Spain could smoothly integrate into the European Community.

Subject No. 3
STALINIST COMMUNIST
MODEL OF TOTALITARIANISM:
MILESTONES OF HISTORY

The Soviet Union

While it took the Italian fascists about five years and the German Nazis a little more than ten years to establish the totalitarian regimes, the Communist Stalinist totalitarianism passed a longer and more difficult path to the top of its rule.

One reason for this was laid in the dual nature of the communist ideology, which at the initial stages of the party history was understood ambiguously by the Russian Social-Democrats.

The Marxist ideology was initially conspicuous by some traits of totalitarianism that were later adopted in the program of the Russian Social Democratic Labor Party (RSDLP), approved at its Second Congress in 1903. This was particularly characteristic of the Bolshevik faction of the party.

The ideology of Marxism-Leninism implied the presence of a class with a special mission, being formulated as ‘the proletariat as the gravedigger of capitalism’.

This ideology argued that only one party could express the interests of the working class, and lead its struggle for power and the Communist reconstruction of society. It proclaimed the revolution as the principal method of the power struggle, calling this power a dictatorship, even if it was the dictatorship of the proletariat.

The party was named RSDLP in 1898; RCP (bolsheviks) — in 1918, VKP (bolsheviks) — in 1925, and CPSU — since 1952. As any totalitarian body, it established extraordinary bodies and combat teams within their framework. From 1917 until the collapse of the Soviet Union in 1991, these institutions were consecutively represented by the Cheka in 1917, the GPU in 1922, the OGPU in 1923, the NKVD in 1934, the NKVD/ NKGB in 1941, the MGB in 1946, and the KGB in 1954.

Initially, the party was not completely totalitarian. At the moment of its formation at the Second Congress of the RSDLP, it split into two factions — the Bolsheviks headed by Vladimir Lenin, and the Mensheviks, headed by Georgy Plekhanov. While the former gave priority to violence and revolution in their struggle for power, the latter preferred the methods of evolutionary movement toward socialism. They believed that the party could achieve its program goals by reforming the capitalist society, and relying on a broad social base interested in improving the lives of people.

The evolutionary trend was also present as well in the Bolshevik faction of the RSDLP. This was characteristic for the pre-revolutionary period, and for 1917. In particular,

the Bolsheviks nurtured for some time after the February Revolution a real hope to come to power by winning the ordinary elections to the Soviets. During the October Revolution, and while forming the supreme local power bodies, they agreed to a compromise with the Left Socialist Revolutionaries (SRs) and other democratic forces.

The Bolsheviks until the October Revolution could not qualify for a totalitarian power, because they were not the most powerful force in the society. Thus, at the First All-Russian Congress of the Soviets in June 1917, there were only 105 Bolsheviks among the total of 822 delegates. At the Second Congress of Soviets in October 1917, the Bolsheviks prevailed among the delegates, but that Congress did not represent the interests of the entire people of Russia. More representative in characterizing the balance of political forces was the membership of the Constituent Assembly, even though it was elected on the lists drawn up before the October Revolution. But even here, there were only 175 Bolsheviks among the 707 deputies.

Yet after the February Revolution, Bolshevik influence among the masses rapidly increased. Their numbers between February and October 1917 increased by fifteen times from 24,000 in February to 350 thousand in October. However, the main 'culprit' of this was the Provisional Government, which had come to power by taking advantage of the popular movement, but was unable to solve any major issue presented by the February Revolution. The war was still going on, the people had not obtained freedom, and the peasantry remained landless. The nationalities issue was also not resolved. The cost of this lack of action for the Russian bourgeoisie was the loss of power.

Neither was the party completely totalitarian after the October revolution. The forcible seizure of power by the Bolsheviks in October 1917 in the center of the country was viewed with suspicion in many regions, including Ukraine. The Brest-Litovsk peace treaty with Germany, signed in March 1918 on Lenin's initiative, received a mixed assessment. The 'Left Communists' led by Nikolai Bukharin, as well as other political forces, viewed it as a betrayal of national interests.

The 'war communism' appeared to have all the attributes of the totalitarianism. At that time, all parties were banned, except the ruling one. The freedom of the press had vanished. The RCP (b) was actually ruled the government agencies. The 'Red Terror' reigned. The economy was fully submitted to the state, which resulted in the nationalization of industry, food requisitioning, and centralized distribution on a non-monetary basis.

It is true that these measures, taken in circumstances of war, were accepted by the people with due understanding.

However, when the civil war came to an end, the people were not ready to accept the conditions of 'war communism' in peace time. A mass protest movement against the Soviet power and its post-revolution policies embraced the entire country, including an armed struggle. These were not 'kulak revolts, as Soviet historiography claimed later, but a nationwide, primarily peasant war against 'war communism'.

Mass uprisings by soldiers and peasants broke out throughout the country. Among those that had the greatest repercussions, were the Kronstadt rebellion, Antonovshchina in the Tambov and Voronezh provinces, Popovshchina in the Volga region, Makhnovshchina in Ukraine, Kaygorodovshchina in Altai, the West-Siberian peasant uprising, and many others.

These events forced the Soviet government to abandon the methods of 'war communism' in favor of the New Economic Policy (NEP). Objectively, the NEP could have given Russia an opportunity to take a democratic alternative and market economy and given up the totalitarian prospects of development. However, judging by the statements of Vladimir Lenin, everything that was associated with capitalism, did not suit the Communist Party and the state leadership. For them, the NEP was just a tactical step in the fight against the capitalist tendency in the development of Russia. This attitude was clear by the words of Lenin himself. After the adoption of the New Economic Policy, 'the leader of the world proletariat', as he was known, stated that the policy would be 'long haul'.

However, a year later, at the Eleventh Congress of the RCP (B) in 1922, he said: 'We were retreating for a year. We must now say in the name of the party: enough! The goal pursued by the retreat has been achieved. This period either is coming to an end or it has already ended! Now we put forward another goal, and this goal is — realignment' (Lenin, Complete works, v.45, p.87 — in Russian). It is clear that this 'realignment' was to ensure the victory of the Soviet power in the fight against the 'new' capitalists.

A new round of the Soviet society's movement towards totalitarianism began. A milestone on this path was the adoption of Josef Stalin's personal power in the RCP (B) — VKP (b). After becoming the General Secretary of the Party in 1922, and relying on some group of his supporters, he used his powers to destroy others. He then changed his 'group of supporters', while seeking to defeat the new political opponents.

In the period between 1922 and 1925, various leftist Bolshevik groups were defeated. Among them there were the successors of the 'Workers 'Opposition', and the 'Group of Democratic Centralism', the 'Working Group', the authors of the 'Statement of the 22', the 'Workers Truth', supporters of Trotsky, and the 'Platform of the 46' among others.

These groups were supporting the democratization of party life, but failed. In the process of the internal party struggle, the group led by Stalin and having the closest ties with the state and party apparatus had consolidated its positions.

By 1928-1929, Stalin had pushed all his competitors away from the power levers of the Party the state leadership, obtaining a dictatorial power.

The triumph of totalitarianism in the Soviet Union was facilitated by the curtailment of the NEP, which came to be replaced by the policy of 'total collectivization'. The latter provided the 'commanding heights' of the state in agriculture, and its centralized management. The central government power was from that moment extended to all spheres of the society.

The strengthening of the Stalinist regime of totalitarian power was accompanied by an increased repression of the real and imaginary enemies of the party line, which in the second half of the 1930s, escalated into the fight against the 'enemies of the people'. The attitude towards this category of citizens was determined by the degree of loyalty of an individual to Stalin's regime, and to that variant of socialism which emerged in the Soviet Union by the mid-1930s.

The extent of the repression in the USSR in Stalin's period is breathtaking, although statistics here are extremely contradictory. Some political scientists, sociologists, and writers argue that the number of those repressed reached 100 million (i. e. a half of the USSR population (!?)), although some of these experts admit at times that their data are not documentary based.

However, more realistic statistics are often found in academic publications, based upon documentary evidence. Thus, the authors of this book researched a publication, which asserted that Nikita Khrushchev, in anticipation of the Twentieth Congress of the CPSU condemning Stalin's personality cult, assigned the law enforcement agencies with the task to provide information on the extent of repression in the period of 1921 to 1953. The data revealed the following: 3,777,380 persons were convicted in those years for counterrevolutionary crimes with 642,980 of them sentenced to death. Being personally involved in the repression, Khrushchev did not mention this figure in his report.

In the past two decades, new information has appeared in Russian historical research on the extent of repression in the USSR. The Russian historian Alexander Dugin studied for several decades the GULAG documents.

In his book *The Unknown GULAG: Documents and Facts* published in 1999 for GULAG's 80th anniversary, he asserts that from 1930 to 1953, 6,500,000 persons passed through the penal colonies. About 1,300,000 of them were convicted under political articles. The last figure is three times less than that presented to Khrushchev.

Now, in contrast to the Soviet epoch, no one tries to make a secret of the crime statistics. Even in the most democratic countries, there are prisons and other correctional institutions, where people who committed crimes are serving sentences. The numbers of these prisoners are well known, and this prompted Alexander Dugin to make a comparative analysis of the number of prisoners per thousand of the population in the in the Soviet Union of the GULAG period and the United States, one of the modern democracies.

Perhaps this comparison, as any other, is 'lame', but it is curious. Today U.S. prisons and penal colonies contain 2,190,000 prisoners. This means that with the total population of over 300 million, there are 1.37 inmates per every thousand Americans. In Russia, with 1,200,000 prisoners per 140,000,000 people, this figure is 1.16.

Compare these indicators with 1940, when the GULAG contained 1,659,992 prisoners, and the USSR population amounted to 194,000,000. There were at that time 1.17 prisoners per one thousand people. With these statistics as the base (not yet verified documentarily by the authors of this book), Dugin poses the question: "Why make a monster of Stalin? Why blame the Soviet government of all the crimes? The figures that I referred to, is quite comparable with today's Russia and the modern West". The author believes that due to certain political and ideological factors, the assessment of Stalin was biased, although Stalin was one of the few heads of state, who managed to bring a devastated country to the group of the world leaders.

We suggest that every reader should decide for themselves if they agree or disagree with these conclusions by Alexander Dugin.

Did the repression and the totalitarian evolution of the Soviet regime meet any resistance?

Of course it did. The Leninist old guard came to oppose Stalin's dictatorship in the 1920's and 1930's. Even Vladimir Lenin suggested in his 'Letter to the Congress' of 1922 that Stalin should be removed from the post of General Secretary and replaced by a person more loyal to his comrades. Alongside Lenin, there were also Nikolai Bukharin, Lev Kamenev, Georgy Pyatakov, Karl Radek, Alexei Rykov, Lev Trotsky, Mikhail Tomsky, Alexander Shliapnikov and many other old Bolsheviks who objected to Stalin in the interwar period, being aware of the danger of the Stalinist regime for the democratic development of Russia.

Bukharin warned alarmingly that Stalin's policy could result in a tragedy for the country and the people. He considered Stalin's thesis about the alleged aggravation of the class struggle in the course of building socialism as especially dangerous. "... At the very gates of socialism, we obviously have to open a civil war, or starve to death, and lay down our lives", Bukharin said. Unfortunately, this tragic prophecy came true.

Besides the Leninist old guard, some young politicians who had been promoted to high public offices protested against the Stalinist regime. Among them was Sergei Syrtsov, Chairman of the Council of People's Commissars of RSFSR, who spoke up in 1929 for 'moving Stalin' to another post. In 1932, Stalin was sharply criticized by Martemyan Ryutin and his supporters. They wrote down a program where Stalin was called a 'Great provocateur', the 'Destroyer of the Party', and the 'Gravedigger of the revolution in Russia'. In 1932, another group sought to oppose Stalin. It included Alexander Smirnov, RSFSR People's Commissar of Trade, Nikolai Eismont, RSFSR People's Commissariat of supply, and Vladimir Tolmachev, who suggested that Stalin be 'removed' from the post of General Secretary.

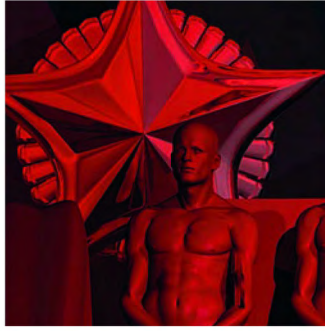
In 1934, at the Seventeenth Party Congress, a protest against the Stalinist regime appeared during the voting for members of the Central Committee. According to some data, of the 1227 delegates to the Congress, 292 delegates voted against Stalin. Yet historians refer also to other statistical information. The General Secretary's name was deleted from the list by nearly a quarter of the delegates with voting rights.

However, the vote was rigged, and the true results were never announced. The final official documents read that only 3 participants of the 'Congress of Winners' (as it was decided to call this event), had withdrawn their support for Stalin.

The fates of the opposition members mentioned above were similar. They all lost their lives during the Stalinist repression. So, the Seventeenth Congress of the VKP (B) was also labeled the 'Congress of those executed'.

Nevertheless, individual anti-Stalin actions were recorded even in the most horrible years of 1937 and 1938. An example was the old Bolshevik Iosif Piatnitski, who expressed his protest against the Stalinist regime in this period. He was subsequently arrested and shot. Another example was Fyodor Raskolnikov, the former commissar of the Volga Flotilla during the Civil War, who in the 1930s served as ambassador to Bulgaria. After being summoned to the Central Committee, and being aware that he would be arrested, sent the following letter to Stalin instead of appearing himself: "Your 'socialism' is celebrating its triumph when those who have built it are in prisons. It is as far from the true socialism, as the tyranny of your personal dictatorship is far from the dictatorship of the proletariat."

There were other cases of the protest movement against the totalitarian evolution of the country. Perhaps, these protests would have been successful. But the war broke out, during which the repression of Stalin's regime became even greater in scale. It often touched not only Nazi collaborators and political opponents, but even entire nations.

Eastern Europe

After World War II and the liberation from fascism, countries of Eastern Europe — Poland, Hungary, Romania, Czechoslovakia, Albania, Bulgaria, Yugoslavia and the German Democratic Republic — chose the socialist path of development. That led subsequently to the development of totalitarian regimes of the Soviet model in these countries.

Why did this become possible? What were the reasons behind the emerging of the Soviet model of totalitarianism in that region of the world?

Western, Soviet and post-Soviet historians give different answers to these questions. Western scholars, especially during the ‘Cold War’, clearly argued that the pro-Soviet regimes in Eastern Europe had been established by the violent policies of USSR assisting them in their liberation from fascism. The socialism, in their opinion, was brought to those countries ‘on the bayonets’ of the Red army.

The Soviet historians used to exaggerate sympathies of the peoples of the East European countries to the Soviet Union and to its social structure. These sympathies really existed, as the USSR had demonstrated its power during the war, and therefore its world prestige was undisputed.

It is obvious that both viewpoints were politically motivated. They had not arisen in academic research efforts, but due to the confrontation between the two socio-political systems during the ‘Cold War’.

Analysis of the truth obviously requires an unbiased, academic approach which gained ground in the period after the ‘Cold War’. This approach has been presented in a number of recent publications in the West, in Russia, and Ukraine.

Without doubt, the postwar history of the East European countries was influenced by both external and internal factors.

The external factors include the following:

1. The victory of the anti-Hitler coalition in World War II involved a radical change in the balance of power in favor of democracy. The national fascism, one of the two totalitarian systems, was defeated. In these circumstances, the countries of Eastern Europe striving for democracy, viewed the Soviet Union as the guarantor of non-restoration of their pre-war fascist and pro-fascist regimes;

2. The socialist orientation of the Eastern European countries was to a large degree influenced by the Soviet Union. It had proclaimed itself a socialist state, and proved the strength and vitality of that system in a brutal struggle against fascism, winning the sympathies of millions of the democratically minded people.
3. The war period had seen a substantial growth of the international prestige not only of the VKP (b), but also of the communist parties of other countries in Europe and Asia. Those parties proved to be the most consistent fighters against fascism and Japanese militarism, while the bourgeois parties were discredited in the years of the war.
4. Many people viewed the Soviet Union as an example of equitable social organization. The existing distortions in the Soviet Union were unknown abroad. In the event that information about them leaked abroad, the communist ideologues interpreted this as 'the machinations of bourgeois propaganda'.
5. The Soviet Union immediately after the liberation of the Eastern European countries from fascism, granted them major financial assistance, though its own people at that time was on the brink of survival;
6. The Western countries that had been the war-time allies of the Soviet Union and ceased to be allies after the war, unwillingly contributed to allowing the emergence of totalitarian regimes in the Eastern Europe. Winston Churchill recognized already in 1944, and viewed Eastern Europe except Greece, Yugoslavia and Hungary, as within the Soviet sphere of influence when distributing economic aid. In the Eastern European countries, the Soviet Union was given a free hand in exchange for Soviet non-interference in British activities in Greece. Using these opportunities, the Soviet Union firmly controlled the developments in this region, contributing in every possible way to the communists' coming to power.

'The Soviet presence' in Eastern Europe at the end of the war and in the early postwar years had an important influence on their political orientation. It is obvious that this presence was not the only factor underlying the choice of the development model of those countries after the war. Soviet troops were present in Austria, Norway, Finland, Iran, but these countries have not chosen the socialist path.

At the same time, the Soviet Army did not enter the territories of Albania and Vietnam, which were guided by the values of the Soviet way of life. It reflects that for all the turns of history, nations remain the masters of their own destinies, while choosing development prospects for their countries and societies. The subsequent events have proven that nations themselves determined finally the development paths of their states.

The domestic political situation in the Eastern European countries at the end of the war and immediately after, significantly contributed to the emergence of totalitarian regimes in this region. The collapse of the pro-fascist authoritarian regimes and the broad participation of the population of these countries in the resistance created preconditions for profound democratic changes in their government and political system.

Yet, in reality, the polarization of the popular masses and their commitment to democratic reforms were superficial. Authoritarian political psychology not only maintained itself, it even strengthened during the war. The mass consciousness in these countries still wished to view the state as a guarantor of the social stability, and as a "tough hand" which would cope with all challenges facing the society as soon as possible.

Authoritarianism prevailed in the world outlook of the new state elites which came to power in the Eastern European countries after the war. The social composition of these elites, and their political ideals were far from homogeneous, for the defeat of the National Socialism has put two irreconcilable enemies — the communist and liberal democratic — face to face. The proponents of these views came to dominate in the governments of the Eastern European countries, which predetermined the subsequent political and ideological confrontations. Complicating the situations was the growth of nationalism and agrarianism, both in the democratic and in the communist movements. These trends were encouraged in the nationalist and peasant parties.

In those countries of Eastern Europe where the Soviet Army had fought Nazi Germany, powerful domestic forces appeared by the end of the war guided by the communist development prospects after the war. For instance in Yugoslavia, Slovakia, Poland, pro-Soviet and pro-communist movements had a large number of adherents, which had gained mass participation even before the arrival of the Red Army. Meanwhile, their leaders were not fully controlled by Moscow.

It is important that the war defeat of the fascist bloc had undermined the law enforcement agencies of these countries. This facilitated the task for those forces that were advocating the pro-communist, pro-Soviet way of development.

The political environment also contributed to strengthening the Communist positions in the region. The presence of Communists in the governments of a country meant the communist's loyalty to the Soviet Union. It is no accident, that King Michael of Romania trying to emphasize a favorable attitude towards the Soviet Union, included communists in the government. Hungarian Prime Minister Ferenc Nagy was forced to maintain a coalition with the Communists, primarily because of the Soviet military presence.

Thus, by the end of the war, external and internal conditions, as well as pre-requisites appeared in East European countries for the development of a totalitarian state system. This system replicated the Communist-Stalinist model of socialism, which had been built in the Soviet Union in the pre-war period.

The practical implementation of the Soviet experience in these countries took several similar stages. These included establishment of the people's democratic regimes; adoption of a policy of socialism building; implantation of the Soviet model of socialism, accompanied by attempts of Eastern European leaders to take into account their national circumstances; and formalization of the Communist bloc as an international entity.

The initial stage of the political and socio-economic reforms in Eastern Europe was usually called the 'people's democracy'. This characteristic is quite reasonable, since the formation of the new state power involved broad participation of the masses in the political process. Mass left-wing organizations were emerging and spreading their activities. The remnants of fascist and pro-fascist regimes were liquidated. New democratic power bodies were formed. State sovereignties were asserted. A series of profound socio-economic reforms was implemented.

The 'People's Democracy' provided the parliamentary form of legislative power, the multi-party system, mixed economy, and constitutional order. This development was significantly different from the political system in the USSR, and was quite adequate to produce genuine democratic norms of the society's life. Although Stalin called it a 'specific

form of dictatorship of the proletariat', in fact, should it have been preserved and developed, this political system could have been a form of the democratic socialism.

However, it was in reality, a political game, conducted at the time by Stalin, to apparently demonstrate his commitment to the democratic development of the Eastern European countries. But this game did not last long.

Soon, the Soviet-type rule became established in the countries of the region by administrative process. The national peculiarities of this order were no longer the principle characteristic.

This process began with the uniting of the Communist and Social Democratic parties. First, it happened in East Germany in 1946, then in 1948 in Romania, Hungary, Czechoslovakia and Poland. This merger strengthened the positions of the Communists. Transition to the socialist path of development took place there mostly by peaceful and parliamentary ways. It is the merger of the working parties that initiated development of the Eastern European authoritarian regimes.

With the advent of the communist and workers parties to power in 1949, the first stage of the revolution ended, and its second phase began - the building of socialism. It basically replicated the Soviet version with some peculiarities of minor importance.

At this stage, the political contradictions frequently broke out between the Soviet Union and some countries of the People's Democracy. These contradictions were caused mainly by the attempts of the leaders of these countries to retreat from the Soviet 'standard', and to make a nationally oriented choice in building socialism. This was particularly evident in the countries where coalition governments, consisting of communist, social democratic, socialist, peasant, liberal and other parties had existed for some time.

Władysław Gomułka, the leader of the Polish communists, was advocating the 'Polish path' toward socialism, without the mass collectivization. Georgi Dimitrov argued that in Bulgaria there would be not the Soviet, but People's Republic, without the dictatorship of the proletariat. Klement Gottwald, leader of the Czechoslovak communists proclaimed in 1945, the goal to create a kind of socialist republic which could not fit into any existing political pattern. He called for searching nationally oriented ways of implementing this goal.

The leaders of the Communist Party of Yugoslavia (CPY) sought to develop and implement their own version of a socialist society, not similar to the Soviet model. The basic idea behind their 'self-management socialism' was the leading role of labor collectives in the public enterprises and superior economic associations, while maintaining ownership rights by the entire society. The economic management was to be carried through elected workers' councils of the enterprises. These councils were electing executive committees, including the enterprise directors, to exercise the operational management. The system of the state government had also undergone democratic changes.

However, such initiatives in the countries of People's Democracy were, as a rule, not supported by the Soviet leadership. In some of them, such as Yugoslavia, Hungary, Poland and Czechoslovakia, the attempts to practice different versions of socialist construction, led to acute and protracted conflicts between the USSR and the party and state leaderships of these countries. These conflicts often took the shape of armed confrontation.

In the end, almost all the countries of the People's Democracy were forced to accept the 'Stalinist Socialism'. Its fundamentals exhibited some basic features, such as an extremely

high degree of centralization of economic and political life; the dominance of the state ownership in all sectors of the urban economy and of the state and co-operative ownership in the village; and consolidation of the command-and-control methods of management.

As for preserving the national peculiarities of socialism in some countries, they should not have been a matter of principle, and not run counter to the fundamental concepts of the Stalinist model of socialism.

The totalitarian political system in Eastern Europe was taking shape gradually. Its primary elements were the Patriotic and National fronts (e.g. the Fatherland Front in Bulgaria, the National Democratic Front in Romania, the Hungarian National Front, the National Front of Czechs and Slovaks, and others). With the advance of the Soviet army towards the borders of Germany, these associations gained control over the entire state power. At the first stage, by bringing all the former opposition parties and movements together, they were democratic by their character. But later on, they laid the foundations of the communist totalitarian regime.

The common objectives for diverse political forces which were parts of these organizations became a unifying factor for their cooperation in the first years of post-war transition. All participants in those fronts, regardless of their political views, (Communists, agrarians, nationalists, democrats etc.) understood that their countries were facing overriding challenges in the post-war period. These challenges were providing the foundations for a new life, the elimination of authoritarian governance structures of previous regimes, and holding free elections. All the political forces faced the common tasks of recovering the shattered economy, of creating the decent material conditions of life, and solving the social problems. Due to these factors, there appeared conditions for the formation of regimes in Eastern Europe that were originally common in their political principles.

But this consolidation of the political forces proved to be temporary. The different views of political parties on strategy and methods of economic reforms were the primary cause of splits within the ruling regimes. The peasants' parties which at the time led the first post-war governments in Romania, Bulgaria and Hungary did not consider industrialization as a top priority. They opposed the excessive regulatory role of the state in the economy. Their priority was disbanding the large estates, and implementing an agrarian reform which would ensure the interests of the middle peasantry.

The Liberal Democratic, the Communist and the Social Democratic parties, although divided by significant political differences, were unanimous in their orientation towards the 'catch-up' model in economy. They wished their countries to make an industrial leap forward to get closer to the Western development level. As a coalition, these forces represented a significant political factor. But in the process of subsequent development, the peasants' parties were driven from power in 1946. This resulted in the adjustment of the reform policies, and launching the socialist transformation.

The governmental systems of the Eastern European countries had been as a whole shaped by the end of the Second World War and in the first post-war years. Despite Soviet attempts to unify the governmental bodies in these countries, this process and its results were characterized by numerous national peculiarities.

For example, in Poland and Czechoslovakia the old government power system had been destroyed during the Nazi occupation. In this regard, the post-war governments developed

new structures of the state machinery. In Poland, the People's Councils were formed from the top to the bottom, as well as the Polish Committee of National Liberation (PCNL), which in December 1944 was transformed into the Provisional Government of the Republic of Poland. In 1946, a unicameral parliament was established in Poland. In February, 1947, the Legislative Sejm adopted the Small Constitution, which defined the structure of government bodies of the Polish Republic. Those bodies were: the Legislative Sejm, the President, the Council of State and the Government. Finally the political system of Poland was formalized by the Constitution of 1952.

In Czechoslovakia, the National Front was established in March 1945, and in April the government was formed. When Czechoslovakia was fully liberated from the Nazi occupation, the new army, courts and system of public security were created in the country.

In the spring of 1946, elections were held for the Constituent National Assembly, which elected the President and the government. In May 1948 the Constitution (Fundamental Law) of the country was adopted. According to it, the one-party National Assembly, elected for six years, became the supreme power body. The country was headed by the President, who was elected for the seven year term by the National Assembly. He appointed the government responsible to the National Assembly. The local power was exercised by the National Committees.

The process of state-building was more complex in Bulgaria, Romania and Hungary, as they had been the allies of Nazi Germany. In those countries, the formation of new state machineries was preceded by the destruction of the old bodies of the state power.

In Bulgaria, the constitutional monarchy remained in power even after the victory of the popular uprising of September 9, 1944. The Fatherland Front Government formed after the uprising began the purge of the state apparatus. Supporters of the Nazi regime were driven out of the government agencies, and the Bulgarian army was renewed. After the referendum of September 8, 1946, Bulgaria was proclaimed a republic. In December, 1947, the constitution was passed which stipulated that the entire power was vested with the National Assembly. The latter was entitled to elect the president. The executive power was vested with the Council of Ministers. The local People's Councils were also established.

In Romania, Antonescu's government was arrested during the armed resurrection. Afterwards, the patriotic forces organized the defense of Bucharest until the arrival of the Soviet troops. Initially, Romania remained a monarchy. In March, 1945, the Government of the National Democratic Front was created in the country which carried out democratization of the state apparatus. In April, 1945, the Law on purging the state power bodies was adopted. The July 15, 1946 law abolished the Senate, the upper chamber of the Parliament. December 30, 1947, King Michael abdicated and Romania was proclaimed the People's Republic. In April 1948 the Great National Assembly adopted the constitution of the Romanian People's Republic.

In Hungary, the National Front was established in the late 1944. At the same time, the Provisional National Assembly was convened in Debrecen which formed the Provisional National government. That was the first step in the revolutionary transformations in the country. According to the governmental decision, the army was to be purged of the fascist elements, and the royal gendarmerie was to be disbanded. In 1946, the law was enacted by the National Assembly to abolish the monarchy and to proclaim the Republic. On August

18, 1949, the State Assembly unanimously adopted the Constitution of the Hungarian People's Republic.

The formation of the European states of 'People's Democracy' was accompanied by consolidation of the hegemony of the communist forces there, while socialism-building replicated the Soviet experience, although with insignificant national peculiarities.

For example, the main directions of the economic policy at the stage of the socialist transformation in these countries were, as well as in the USSR, nationalization of the industrial and banking sectors, industrialization, collectivization of the agriculture, and development of the new management and distribution system.

Nationalization was initially applied to the heavy industrial sector, but soon it spread to virtually all the industries. This process of nationalizing the corrupt capitalist property of war criminals, of German capital and of the pro-fascist regime cronies had begun even before the Communists came to power. In general, the nationalization in the countries of Eastern Europe was less deep than in Russia in the period from 1917 to 1919. It retained on a limited scale, the private ownership of the means of production and real estate. The cost of the nationalized enterprises was partially compensated by payments to former owners. Joint ventures appeared here and there.

By the early 1950's, about ninety per cent of the industrial sector, the entire banking system, wholesale and foreign trade, the bulk of the construction, transport and communication in most Eastern European countries were concentrated in the public sector.

Industrialization was considered the major component of the policy of the socialism-building in that period. As in the Soviet Union, it was carried out in an accelerated pace with the priority being development of the heavy industry (Group "A"). The Soviet Union granted all possible assistance to the Eastern European countries in solving this problem. By 1960, they had participated in the restoration and construction of 761 enterprises in those countries.

In the period of industrialization, each country of the region, due to the Soviet influence, obtained its own specialization in industrial production. The Soviet Union convinced the allies that the community of the Socialist states was forever. So, as small countries, they could not seek development of all sectors of industrial production.

Moscow encouraged them to develop mainly those sectors of the economy which were traditional, economically profitable and promising for a specific country. Thus, for example, it was recommended to Bulgaria to manufacture electric and diesel load-lifters for the entire socialist community. Poland was to produce fishing boats, Hungary specialized on buses, and Romania on oil equipment. As a result, the Soviet Union was converted into a 'raw materials reservoir' for its allies. The Eastern European economies were insulated from the economies of the developed capitalist countries, which ultimately predetermined the scientific and technological gap between those countries and the West.

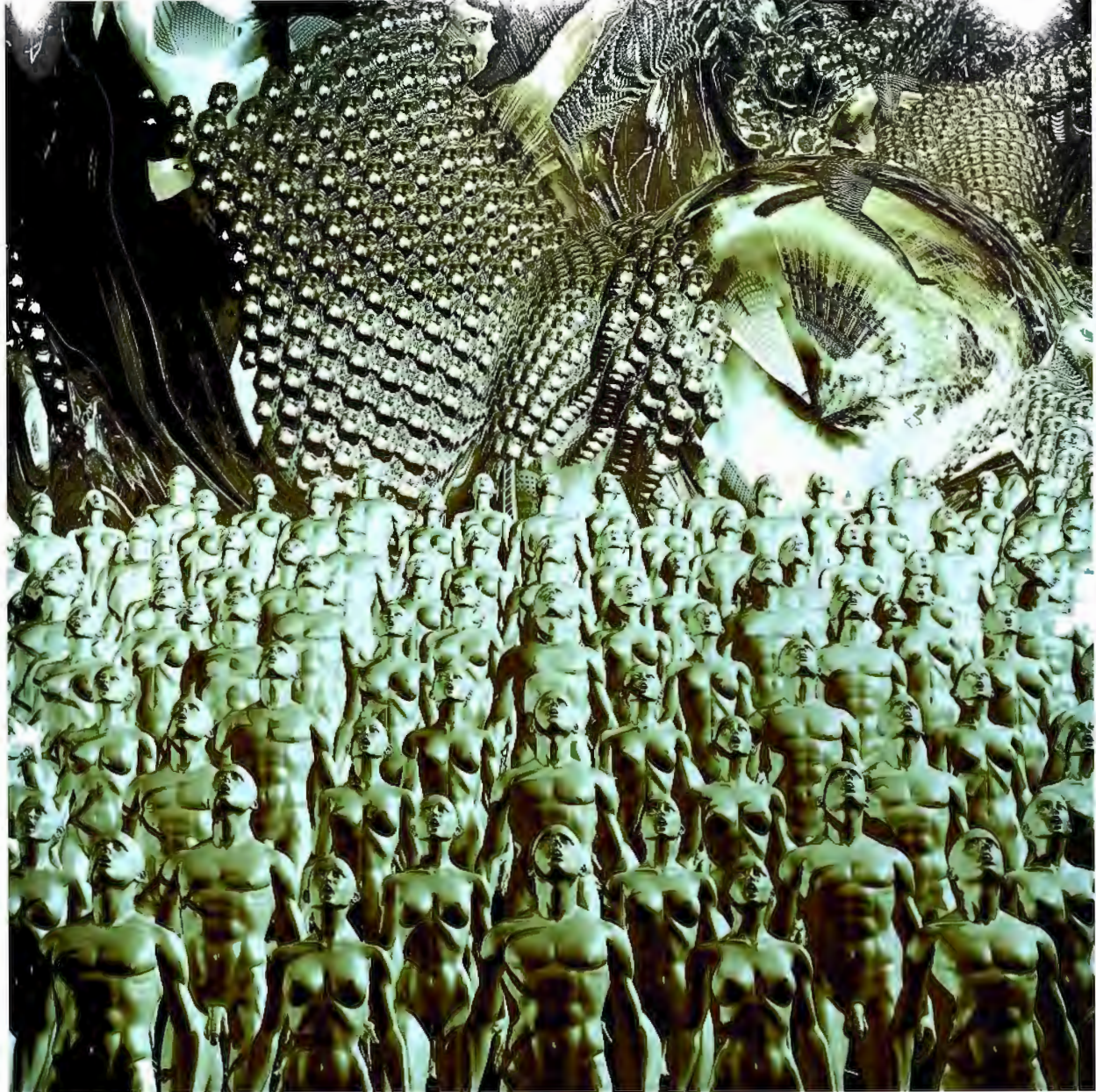
Agrarian reforms were an integral part of the socio-economic transformation in the 'People's Democracy' countries. Their fundamental difference from the Soviet model in the first stage was that the entire land was not nationalized. At the same time the rich peasants were subject to much softer restrictions than in the time of collectivization in the Soviet Union. Among these measures there were a progressive system of taxation, and a ban on the use of hired labor.

Agrarian reforms in different countries had their own features. Sometimes, they were substantial. In Hungary, these reforms were guided by the market principles of agricultural development, while in Poland preference was given to the individual farming.

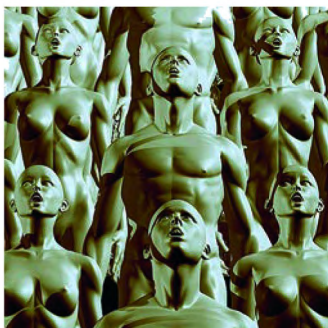
In general, a formal cooperation became the basic form of collectivization. Due to the lack of investments, only the peasants' labor was 'collectivized', while the technical and technological base, typical of the individual farming was maintained.

Along with the socio-economic transformation, a cultural revolution was carried out in the socialist countries, as well as previously in the USSR. The main idea behind it was the indoctrination of popular masses with the Marxist-Leninist ideology in its Stalinist interpretation. The education reform was the most important tool in addressing this issue.

This reform was aimed not only (or maybe not so much!) at teaching people to read and write, or at giving them an access to culture, or training the new corps of specialists which could provide a comprehensive social development. Its objective was above all to create a new national intelligentsia, which would make up the foundation for the pro-Soviet socialist transformation.

Subject No. 4
HISTORIC FUTILITY
OF TOTALITARIAN REGIMES

Among the scholars dealing with the history and essence of totalitarianism, one encounters those who argue that the totalitarian systems of government not only existed at all the stages of human history, but are bound to exist in the long perspective.

In our opinion, the error of these authors is that they do not understand the fundamental differences between various types of dictatorships, especially between ancient despotisms and modern totalitarian dictatorships. The former have arisen naturally in specific epochs, being an ordinary and natural phase in the social progress, and lasting for many centuries.

The latter although representing essentially and institutionally the past epochs, have 'intruded' in the contemporary age of democracy. They profited by the specific situation which developed in Europe and the world after World War I, claiming to be highly efficient, and to have a long historic perspective.

However, these regimes were doomed to failure from the very beginning, as they were artificial and manifested themselves as foreign bodies in the contemporary social progress. They used the situation of permanent crisis after the end of World War I and secured a relatively long life-span for themselves. But viewed historically, their claims for a 'brilliant future' promised to their peoples proved to be empty. Due to objective and subjective factors, they were bound to sooner or later give way, (although the terms for it are historically not long) to other political regimes, predominantly of the democratic type.

This is true not only of the Soviet totalitarian regime, withstanding the fight against fascism, but also of similar regimes wiped off from the world scene in the course of World War II. Even if Germany and its allies had defeated the Anti-Hitler coalition, they would have been doomed to collapse.

Similar conclusions do not always find support and understanding in the everyday consciousness of an older generation in former totalitarian countries. Generations of people who lived in totalitarian countries in the 20th century have experienced enormous economic hardship, and survived the war and post-war economic recovery. They remember ceremonial democratic experiments, repression, lack of justice, forced indoctrination, all-out politicization of the public life, and the shortage of goods and services, as well as many other adverse realities of totalitarian societies.

These experiences are indicated in the results of the survey conducted by the Gorshenin Institute in Ukraine, on the eve of the presidential elections in 2009. 1,207 residents of Kharkiv, aged 18 years and older, were asked the question: "Which of these historical

figures would you vote for in the presidential election?" The obvious leaders of this survey were those who were not characterized by a democratic way of rule in their time in office.

Bohdan Khmelnytsky 'scored' 19,2 per cent, Peter the Great — 17,8 per cent, Josef Stalin — 10,5 per cent, Mykhailo Hrushevsky — 8,2 per cent, Vladimir Lenin — 5,3 per cent, Leonid Brezhnev — 4,1 per cent, Ivan Mazepa — 3,8 per cent, Stepan Bandera — 2,4 per cent, Nikita Khrushchev — 2,3 per cent, Napoleon Bonaparte — 2,3 per cent, Ernesto Che Guevara — 1,4 per cent, and Adolf Hitler — 0,8 per cent of the vote.

A totalitarian syndrome persists even in the former totalitarian countries of the West. In April 1989, the correspondents of the Soviet newspaper *Izvestia* asked similar questions to citizens of the Federal Republic of Germany during their tour of that country.

One of the answers about their attitude towards the past was the following: "They (the contemporary politicians) are not fit to hold a candle to Hitler. That's why they are denigrating him and our glorious past. We were above all in the Hitler time. He took care of the people, he was building houses and roads. He was creating new jobs. I wish I could see what they all would have done, should he have returned".

According to Spanish sources, 43 per cent of Spaniards considered liberal democracy as an optimal regime after the death of Franco in 1975, and the final dissolution of the fascist regime in the country. But 80 per cent of them were in favor of maintaining the 'law and order', while 36 per cent would prefer to see the country led by a strong and credible leader.

Today we can talk not about neo-fascist outbursts in individual countries, but about its international recognition. The recently formed 'Identity, Tradition, Sovereignty' (ITS) group in the European Parliament cannot be assessed otherwise. This group includes politicians well-known for their neo-fascist views, from the National Front (France), the Flemish Interest (Belgium), the Social Alternative (Italy), headed by Alessandra Mussolini, granddaughter of Benito Mussolini, as well as representatives of the new neo-fascist organizations such as the Greater Romania Party from Romania and the Attack from Bulgaria.

Obviously, these facts and statistics are unable to fully characterize the political preferences of the peoples of the modern world. However, they reflect a positive memory of all that was done by the totalitarian regimes for their peoples in the difficult post-war period. The moral aspect of this charity is not taken into consideration here.

It is worth mentioning that, after the Nazi coming to power in January 1933, Germany managed to overcome the economic crisis. It built the strongest army in the world within a short term. It has subjugated politically or militarily almost all European countries at the beginning of World War II. It withstood successfully the anti-Hitler coalition for several years.

Still more impressive are the results of the economic, social, intellectual and military development of the USSR in the years of Josef Stalin's rule. After the First World War and the Civil War, the economy of the country was restored in a short period of time. Within 20 years, agrarian Russia became an industrial superpower. During the pre-war five-year plan periods, 9500 large industrial enterprises were built in the Soviet Union.

Obviously, this growth was aimed primarily at strengthening the military power of the Soviet Union. However, the economic modernization involved measures in other spheres. Those included the eradication of illiteracy, the introduction of affordable general, special and higher education for everybody, the emergence of social security institutions, the devel-

opment of literature and arts, of health care, mass sports, tourism and other spheres of life of the 'socialist' society available for the working people.

Stalin's regime was able in a short time to ensure a stable minimum standard of living, under the banner of the 'Stalin Constitution'. Despite the severe repression, it managed to demonstrate the 'Soviet democracy', to maintain the discipline of the 'lower strata' of the society, and their belief in the 'wisdom' of the policy of the party and the state leadership.

Using its growing economic potential and the changes in social and political life in the period of the 1920s and 1930s, the Soviet Union managed, although at an extremely high price, to confront an attack by the Nazis, and to win World War II together with the Allies, and afterwards to wage a struggle for world hegemony.

However, the temporary success of totalitarian states was unable to ensure them a long life term. Moreover, it is now clear that the apparent sources of the strength of these political systems, in fact, have become the sources of their weakness.

That pre-determined the death of the totalitarian regimes in a historically short period of time. It should be recognized that the disappearance of some totalitarian regimes from the political scene due to their defeat in World War II, particularly in Germany, Italy and some Eastern European countries, does not allow us to use their cases to trace the organic evils of their totalitarian rule, and the reasons for its collapse.

However, the communist totalitarian societies may compensate for this 'gap', since by winning the war, were given a chance to further prove their viability and high efficiency, but they have failed to do this.

One should not exaggerate the popular support of totalitarian regimes in the period of their advent to power. Although this factor cannot be denied, certain phenomena caused a social protest in these societies from the very beginning. Among these phenomena there are the following:

- Super-centralization of management;
- Single-party dictatorship;
- Merging of the ruling party's apparatus with government agencies;
- Priority of the of party functionaries in the management process;
- Ignoring the nationality and ethnic issues and even denying certain nations the right for existence;
- Total control of the workers' mass organizations by the state and giving them alien functions of government agencies;
- Coercive methods of the functioning of the state machinery.

We have focused upon the main causes of the decline of totalitarianism.

The command and administrative system of state power and management was established in totalitarian states in specific historical conditions, and, as a rule, legitimately. Historically, however, it was bound to lose the competition with democracy from the very beginning, for that system actually left the people without power, which turned the 'democracy' into a pure declaration lacking a real content, and serving as a cover for the state power's own dictatorship.

Upon a closer examination, the totalitarian dictatorship of the government was in fact a dictatorship of the party, where the personal authority of the leader played a key role, growing into the cult of his personality.

As the cult of the leader was growing in scale, the party dictatorship was growing into the personal power of the leader. In many totalitarian countries there were constitutions, but their role was purely declarative. Laws and regulations were worked out by the center-level and local officials at the instructions of the party organs, and approved unanimously.

However, implementation was only formal, since the laws actually duplicated party directives, which possessed the force of 'the Supreme Law'. The declared democratic system of elections to the state power bodies in reality were 'elections without choice': the ballot offered only one candidate from the 'bloc of the Communists and the non-party', as it was in the USSR.

In Germany, over a third of the Reichstag members (810 out of two thousand) were appointed by the Fuehrer. Participation in the vote was voluntary, but failure to appear at the polling station entailed certain sanctions. Plebiscites were declared as the highest form of expression of the popular will, but in practice they were almost never carried out.

The management personnel were a weak point of this totalitarian power. Their level of education and experience were extremely low. This was especially true of the communist totalitarian societies where the management system inherited from the past had been declared hostile and destroyed 'to the ground'. The management personnel from that system either lost their lives during the revolutions and the wars, or were repressed. A new social stratum of well-educated intellectuals could not be created in a short time. Paradoxically, the totalitarian regimes were themselves not interested in this development.

Moreover, the party and government elites in these countries sought to level the educational standards of the population and eliminate the social stratum of the intelligentsia by converting a major part of the people into pseudo-intellectuals. This was due to the fact that the ruling elite - if they can be considered elite in the classic sense of the term — and its leaders were themselves not well educated. For example, there was not a single person with a completed higher education in the Politburo of the Central Committee of the VKP(b) between December 1930 and February 1941.

Even more striking was the situation at the medium level of the state management, which played in many respects a key role. In 1939, 71.4 per cent of the secretaries of district, city, area committees, and 41.1 per cent of those in the territorial committees and in the Central Committees of the Communist Parties of the Union Republics did not even have a secondary education. Those party officials occupying senior positions, preferred to have the people in the state government, whose education did not exceed the basic level of literacy, but who were politically reliable and obedient. As the Russian researcher of totalitarianism Boris Orlov noted, they should have worked in this system like in an anthill, where everybody was dutifully performing his job. Those who doubted were isolated. Those who were especially loud in their doubts were killed.

It is clear that had genuinely educated, literate, cultured people appeared in the governmental apparatus, the totalitarian regime would have blown up from within. Managers of this type would not have a blind faith in the wisdom of the leader. They would not have agreed to perform the role of mindless 'cogs' in the mechanism of the totalitarian power.

All this gave rise to a popular skepticism towards the government, state power, the ruling party and its leader. This skepticism grew in the society, gradually shaping a powerful covert opposition to the totalitarian regime, and bringing the collapse of this regime ever closer.

The form of centralized, administrative and command economy was more or less dominant in the different varieties of totalitarian societies. Its domination was a major shaping force in the Soviet economy. This approach was not as much conspicuous under the national fascist rule, as in Germany there remained large monopoly groups and associations. But objectively, this model proved weaker than market relations, which predetermined in the historical perspective the victory of the market approach.

The major goals set by the totalitarian power were: to rapidly reverse the economic and social consequences of wars and revolutions, to overcome the traditional backwardness by work which could be immediately accomplished, as in the Soviet Union, to implement rapid short-term huge military programs, and to solve other emergency tasks.

Even in those totalitarian states where private property was preserved, administrative methods were helpful in achieving temporary economic success. But the people were from the outset deprived of normal living conditions. Workers and peasants were forced to live by the laws of war in a peaceful environment.

The rush methods of work were unable in the end to ensure a stable environment for a dynamic and progressive development of the economy. Emergency circumstances inevitably came to an end. Socio-economic conditions were stabilizing. Many long-term and often adventurous projects initially launched by the totalitarian regimes in their wish to promise their peoples a 'brilliant future' proved to be unrealistic. In view of this, the state power gradually lost credibility among the population. Guided by the experience of other countries, the people gradually became convinced of the advantages which a market-based regulation of the economy provided, as well as of the democratic methods of resolving political problems.

Economic relations in the communist-Stalinist totalitarian states were extremely influenced by political and ideological factors. This created insurmountable barriers for the scientific and technological progress, and for increasing productivity through intensification of production. The leaders of the socialist countries did everything in their societies to be free of unemployment, of class struggle, of material inequalities, and of other 'evils of capitalism'.

In reality, this policy slowed the progressive development of the economy, hampering its social efficiency, dooming the society to the economic stagnation and the inevitable lagging behind the civilized world.

Concentration of their immeasurable power gave the leaders of totalitarian countries an opportunity to single-handedly make vital political decisions. Many of those decisions turned out at best controversial and at worst erroneous.

Those solutions were detrimental for development of their economy, and for the life of the peoples in the totalitarian countries. For instance, Hitler's decision to curtail war production soon after the fall of France at the beginning of World War II is viewed by many German historians as one of the causes of Germany's defeat in the war. This decision was taken in anticipation of an easy victory over the Soviet Union, and concerned the armaments and technique for the land troops. It is difficult to overestimate the damage to the economy of the USSR and the Eastern European countries because of the arbitrary decisions of their leaders. An example of these damaging choices was Nikita Khrushchev's 1954 decision on the development of virgin and fallow lands.

The excessive scale of developing those lands undermined the agriculture of the central regions of the Soviet Union, which put the country on the brink of famine. Establishing the Councils of National Economy (Sovnarkhozes) in 1954 shattered the branch management by relegating it to numerous economic regions. It broke the unity of technical policy and impeded technological progress.

The Brezhnev leadership's failure to introduce intensive development measures, and its choice in favor of increasing exports of the raw minerals led to a slowdown in the non-resource sectors of the economy, to the backlog of high-tech industries, to poor product quality and the reduced level of labor productivity.

The anti-alcohol campaign launched by Mikhail Gorbachev in the mid-1980s broke the monetary stability in the country. Examples like those are multiple, as the subjectivist approach was an invariable feature of the totalitarian policies.

The centralized management of the economy was also inefficient due to its extreme degree of bureaucratization, with a huge management apparatus ever growing in number.

According to Nikita Zagladin, the entire army of Soviet managers was a three-story pyramid. Its first floor was occupied by the most numerous group of narrow-minded executive personnel. The second floor consisted of the people who realized that the 'leader's' decisions were flawed and unintelligent. But they had to deliberately take conformist positions. Finally, at the top of this imaginary pyramid there were intellectuals, who were talented enough to resist a blind faith in the wisdom of the leader. Yet they deliberately adapted to the requirements of the 'top' for the sake of their careers, and for receiving the privileges granted to the personal power regime. It is those top level bureaucrats, unscrupulous and ready to adapt to any power configuration to preserve their benefits which determined the shape of the Soviet system, including the economic sphere.

This bureaucratic apparatus was conservative both in its views and its deeds. It was slow in responding to the changing requirements of the economy, and not susceptible to technological innovations. In order to preserve its privileged position in the society, this apparatus was often ready to prevent even the most progressive economic reforms. This is evidenced by the failed market reform of the limited scale which started in the Soviet Union in 1965 at the initiative of Prime Minister Alexei Kosygin, and a prominent economist Evsei Lieberman.

While implementing these reforms in the eighth five-year plan period (1966 - 1970), positive results were achieved in the development of all spheres of the Soviet society. From 1965 to 1970, the national income increased from 30 per cent to 45 per cent compared to the previous five years, the average annual growth rate increased from 6.5 to 7.7 per cent, the labor productivity increased from 31 to 39 per cent. It is no accident that the eighth five-year period was called 'golden'.

Yet, by the early 1970s, the Soviet economy had returned to its original state. The reform 'choked' when an effort was made to apply it to all businesses and industries of the economy, which produced a negative impact on the welfare of managers, especially of the top management echelon. They, including some members of the Politburo of the Central Committee of the CPSU, did everything possible to curtail the reforms and return to the previous economic policy. This policy was ineffective, but familiar and safe for the material well-being and privileges of the administrative apparatus. Alexei Kosygin said in his conversation with

the Czechoslovak Prime Minister Lubomír Štrougal in 1971: “Nothing has left. Everything collapsed. All the work stopped, and the reform is in the hands of people who do not want it at all. The reform is being foiled. The people, who worked out the materials of the Congress along with me, have been fired. Other people are invited instead of them. I do not expect anything”.

The bureaucratic mode of economic management in a totalitarian society does not mean that the army of these bureaucrats was ready to forget about their own interests and to exercise an efficient control of a huge complex of economic processes and relationships, or to achieve an equitable distribution of wealth among the population and to prevent economic crime.

On the contrary, experience shows that even in the Soviet Union, a planned economy developed in a much more chaotic manner than the market economy, and that economic crime was endemic. This was in spite of the estimates of some Western scholars that the degree of totalitarianism in the Soviet society in the first postwar decade was almost absolute.

This is reflected by the scope of the so called ‘shadow economy’.

The ‘shadow economy’ involves those incomes that are extracted from the illicit activities of economic entities or individuals. These are smuggling of goods, drug manufacturing and trafficking, partially prostitution and gambling businesses. The precise extent of the ‘shadow economy’ is not known, but economists estimate that it amounts to 15 per cent in the United States and 30 per cent in Italy.

The estimates in the Soviet Union in 1990, for example, ranged from 20 to 100 (!) per cent of the shadow economy’s share in the national income. That was about 120 to 130 billion rubles a year, which made up one fifth of the national income.

However, one can believe a renowned economist Pavel Bunich, who argued that it was only the visible part of the iceberg. In reality, as he believes, the national income of the Soviet Union in the period from 1929 to 1985 increased not by 84 times (as the official statistics stated), but by 6.6 times. Huge funds stolen by bureaucrats from the people made it possible to form a ‘bureaucratic class’ in the Soviet Union already in the 1950s and 1960s. This very class soon upset the system that had created it.

The totalitarian economies were also impaired by their isolation from international economic relations. They were unable to integrate into the global market economy because of difference in forms of ownership, governance, political and ideological contradictions with the democratic world. Those democratic economies had access to many achievements of the scientific and technological revolution. Totalitarian rulers were forced to spend huge material resources on the development of the full range of their national economies, and to ‘reinvent the wheel’, a process long known in the countries outside the totalitarian world.

Soviet attempts to establish a system of economic integration of the allied European socialist countries were of no avail. The case of Nazi Germany trying to do the same in the conquered and allied countries incorporated into the management system of the Reich produced a similar result. Actually, those were experiments aimed at exporting totalitarianism to other countries, which, as expected, eventually ended in failure.

Thus, the collapse of the centralized totalitarian economy was objectively pre-determined by its non-competitiveness compared to the market economy. This thesis is convincingly proven by the repeated crises that both types of economy had undergone in the twentieth century.

While the dynamic market economies were finding ways out of the crises by intensifying production and introducing scientific and technological achievements on a broad scale, the conservative, totalitarian economies were led to a dead end by these crises.

A number of scholars legitimately argue that the crisis of the totalitarian ideologies was decisive in the collapse of the totalitarian regimes. Totalitarianism was created by an ideology and social engineering, intended to build a society attractive for working people.

It may be either communism, which was supposed to be a result of the world socialist revolution for all of the working people or National Socialism, which the Germans sought to implement by oppressing what they considered lower races. It is logical, therefore, that the death of these totalitarian ideologies, due to an apparent unreality of the projects they proclaimed and justified, inevitably led to the collapse of their political offspring.

This was fully confirmed in the second half of the twentieth century, when the regimes of the communist-totalitarian type surviving after World War II gradually came to decay. This happened not simply because they had failed to fully implement the social programs and to ensure well-being for their people, and had lost the competition with the market economy.

The primary cause of the failure of those regimes was an impracticable totalitarian ideology. The people in those countries lost faith in the reality of the theoretical concepts once proclaimed by the ruling parties. Ironically, it was the political demagoguery that had largely ensured them the way to power.

The totalitarian regimes, despite their lofty promises, failed to provide a decent life to ordinary people in their countries. They were unable to overcome the shortage of goods and services, to implement the declared rights and freedoms of people of different social classes and nations, and to solve other social problems which, in the final end precipitated the anti-totalitarian upheaval in a number of countries.

Aggressive foreign policies of the totalitarian countries as well as their isolationism on the world arena also became important factors behind the decay of totalitarianism. The huge military programs that had to be carried out in short terms involved exorbitant expenditures. This had a negative effect on popular well-being and sentiments.

Isolationism of the totalitarian states left them in the second tier of the world civilization or withdrew them from the historical arena. This was especially true against the background of the rapid scientific and technological revolution in the world, after World War II, especially in the economic area.

These factors pre-determined the underlying decay and historic futility and death of these totalitarian regimes.

But this process had its own peculiarities in different countries; these became in some cases relatively short or protracted in other case. The exceptions here are those totalitarian countries which were defeated in World War II, which had been destroyed by force. These include primarily Italy and Germany, as well as their former allies Hungary and Romania. The latter obviously had bad luck, because totalitarianism of the Nazi type was replaced there by the Communist-Stalinist regimes.

Franco's totalitarian regime in Spain survived the war for three decades. That country's transition to democracy took place after the dictator's death in 1975. It happened without violence, or social and economic disruption, because the foundations for democracy in Spain

had been laid in the period of Franco' rule. The Franco regime was moderate in its totalitarianism. Its authoritarian aspirations were restrained by the church, because not all priests were characterized by pro-Francoist sentiments.

Compared with Spain, the path to the democracy in most of the Eastern European countries was more complex. The building of the Soviet-style socialism in the post-war period caused from the very beginning, protests of a significant part of the population of these countries, who desired gravitating toward the West. However, any attempts to change the model of the social and political life of the Communist-Stalinist totalitarianism in favor of democracy were suppressed by force.

These attempts were motivated either by the wish to restore the pre-war order (Hungary, 1956), or were covered by the slogans of renewing and improving the socialism, as it was in Czechoslovakia in 1968. In the 'cold war' environment, any movements in these countries opposing the socialist order were considered by the communist leadership as potentially playing into the hands of the hostile capitalist system. The interests of the population of the Eastern European countries were not taken into account.

By the late 1980s, the regimes of the socialist camp countries were retaining their surface 'shells', with the rhetoric of the rulers mainly the same as before, but this rhetoric was not taken seriously by anybody.

Therefore, when, after the start of perestroika in the Soviet Union, it became clear that the threat of the Soviet military intervention was no longer relevant, a wave of bloodless (except Romania) democratic takeovers swept these countries. The new governments were formed by leaders who proclaimed reform programs aimed at de-nationalization of the economy, and transition to market relations.

The central question remains: Why did the totalitarian system in the Soviet Union not stand the test of time, and why did the USSR cease to exist as a state?

Analysts from the Segodnya paper in their December 8, 2011 edition cite five causes summarized as follows:

1. In the late 1980s, it became clear that the Soviet Union was drifting towards capitalism. However, Mikhail Gorbachev and the Soviet government did not have an articulate plan for the country's transition to a market economy. Gorbachev, having launched the market mechanism, could not keep the situation in the country under control. Moreover, market reforms were delayed, exacerbating the crisis. In these circumstances, the ruling nomenklaturas of the republics, including Russia, saw a chance for themselves to get rid of the power of the center and to rule independently, on their own territories for the benefit of their own purses. They were not going to share power with Moscow any longer. The final signal for the disengagement was the defeat of the GKChP (The State Committee on the State of Emergency), and the transition of power in Moscow from Gorbachev to Yeltsin, who understood that further attempts to save the Soviet Union could lead to civil war. Yugoslavia's example in this respect was fresh and revealing. The more so, as Russia with its vast natural resources, was more attractive for embezzling the Soviet-era property than all the other Soviet republics together.
2. The personality factor played an important role in the death of the Soviet Union. Although the communists denied the decisive role of the personality in history, this role had always been crucial. In 1917, there would have been no October Revolution

in Russia without Vladimir Lenin, and in 1991, there would have been no August takeover without Boris Yeltsin.

The conflict between Gorbachev and Yeltsin began in 1987. At that time, after the removal of Yeltsin as first secretary of the Moscow City Committee of the Communist Party, Gorbachev could have made him end up his political career. But he failed to do this, and thus, made it possible for the opposition to find a strong leader. The latter was a man who had vast political experience, perfectly familiar with all the intricacies of Soviet politics and possessing an extraordinary political will. Many analysts reasonably argue that should Boris Yeltsin have led the Communist Party in 1991, the Soviet Union would have continued to exist. With Yeltsin, there would have been neither 'conspirators' in the Bialowieza Forest, nor defenders of the White House, nor GKChP.

But the powerful state was led by a weak leader, who gradually handed the state rule to a powerless, but strong contender.

3. The bankruptcy of the Soviet ideology also contributed to the collapse of the USSR. The peoples of this huge country, who spared neither efforts nor lives in their struggle for a 'brilliant future' came to understand that neither world revolution, nor communism by 1981, promised by the Communist Party, would occur.

The resulting ideological vacuum was filled with a general desire to 'live like in the West', although chances still remained for the Soviet Union to remain. But then a new ideological factor - nationalism - came into effect. A desire to build an independent state, to a lesser extent was characteristic of the people in Ukraine (except the Western part of it), but even here the nomenklatura wanted to rule itself. For the Baltic, Central Asian, Trans-Caucasian Republics and Moldova, this desire was decisive. Theoretically, it was possible to try to save the union between Russia, Ukraine and Belarus (as Solzhenitsyn proposed in 1990), but it would have been a sort of a 'Slavic nationalism'. This task has already become unaffordable for the party leadership under Gorbachev.

4. Disintegration of the Soviet Union was promoted by the West. Yet one can hardly believe that it is the United States that destroyed the USSR. The American propaganda was no stronger than the Soviet one. One should not underestimate the invasion of symbols of the American way of life (jeans, Pepsi-Cola, Marlborough etc.) in the Soviet society. They affected the minds of Soviet youth far more than the Voice of America programs. Washington was more concerned about Soviet socialism than about a non-socialist Soviet Union, weakened by internal strife. And when an opportunity of this kind arose under Gorbachev, the U.S. and its allies in Europe gave him full support. However, the August coup of 1991 seriously troubled the West, which felt that Gorbachev's weakness could create an opportunity for the restoration of the communist regime in the entire Soviet Union. The West then withdrew its support to Gorbachev, although this decision was not easy, because several new nuclear powers, including Ukraine emerged after the collapse of the USSR. For NATO, this concern was less an evil than the risk of exporting communism.
5. The USSR collapsed because actually nobody was eager to defend the vast country in that fatal moment. The people were tired, not only of the economic hardship, but also of the lack of faith in the future. For Ukraine, this factor was decisive. In 1991, after

the failed coup, most of the Ukrainian people were extremely worried by the prospect of complete chaos in the Soviet Union. That is why, when independence was offered to the people at the referendum in December 1991, this option was supported by more than 90 per cent of the Ukrainian voters. In March of that year, nearly 78 per cent of the Ukrainians had voted at the all-Union referendum for preserving the Soviet Union. The population voted for a peaceful life in their own country, not to participate in the Caucasian and Central Asian fighting. It was also not clear what would happen next in Moscow.

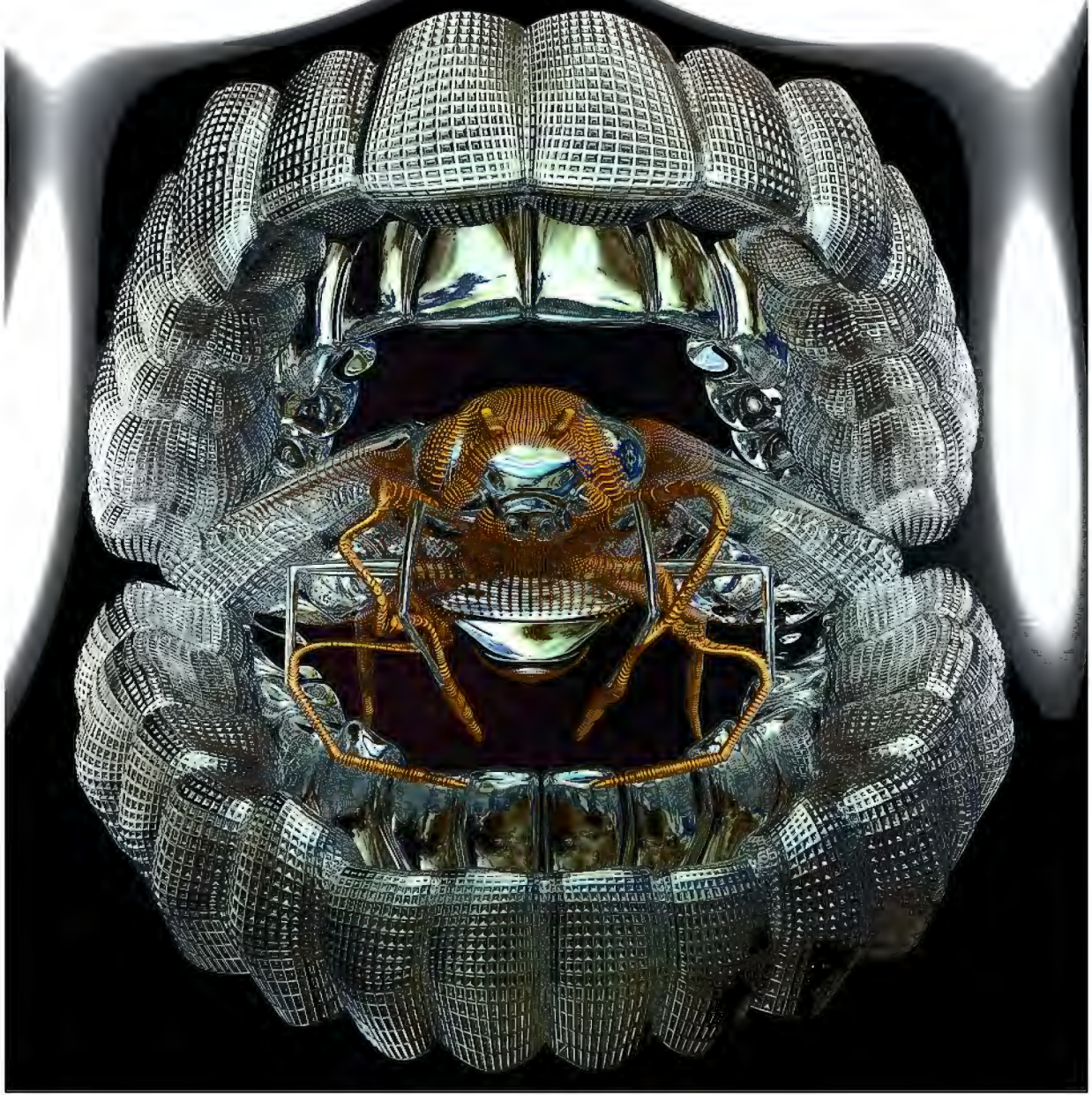
Ukraine, along with Russia and Belarus, were the base for the USSR. Therefore, without it any attempt to keep the old Soviet Union, or to build a new one would have been a failure.

The death of totalitarianism was predetermined from the very beginning, because in the age of democracy, this phenomenon in itself was objectively contrary to historical progress.

Building totalitarian societies were an attempt to implement unrealistic and historically unsustainable ideologies (be it communism or national-socialism) using social engineering methods.

These methods, contrary to the interests of social progress, were used by certain political forces (communists or fascists) in a concrete situation of permanent economic and political crises caused by the world wars. The aim of this process was to carry out some political programs. These programs could be selfish but appealed to most of the ordinary people in a concrete situation.

With the changing socio-political environment (usually for the worse) and with the growing influence of the global democratic community, the majority of totalitarian regimes were forced in different circumstances to leave the political arena, yielding its place to democratic societies.

Subject No. 5
NEO-TOTALITARIANISM
IN CONTEMPORARY WORLD

Totalitarianism has collapsed in the second half of the twentieth century. Does this mean that its resuscitation in the modern world is impossible? The academic studies do not give a clear answer to this question.

Some authors do not see a fundamental difference between the different types of dictatorships. Therefore these authors, according to the Russian scholar Leonid Polyakov, are prone to a 'one size fits all' attitude towards totalitarianism: be it Ivan the Terrible, medieval Chinese kingdoms or Orwell's 1984.

A similar view is held by Ukrainian political scientist Sergei Vonsovich, who argues that 'totalitarianism is not something inherent in the last century'.

Other researchers disagree, believing that the time of totalitarian regimes is definitely over. Leonid Vasilyev stated in a discussion on totalitarianism, "Touching upon the prospects of our planet ... it seems to me ... that there is no place for a totalitarian regime there. I do not rule out some random relapses here and there, but in principle totalitarianism will forever remain a phenomenon of the twentieth century".

The authors of this book do not advocate extreme views on this issue. Nikita Zagladin suggests in his works that the answer to this question be preceded by an analysis of the following issue: if the factors which in the early twentieth century pre-determined the emergence, and then development and relatively long functioning of the totalitarian regimes, are still available and viable in the current conditions. These include at least three factors: a totalitarian ideology, the social engineering and the state of society at that moment in time — if this society is able or unable to accept a totalitarian rule.

If we speak about an ideological component, which can contribute to the revival of totalitarianism in the modern world, it is apparent that the followers of National Socialism, or fascism, have not offered their supporters any new concepts. They feed pro-fascist movements with the same postulates once were laid down by German philosophers Friedrich Nietzsche, Oswald Spengler and Georg Hegel, and Italian philosopher Giovanni Gentile. Those thinkers preached racism, anti-Semitism, Pan-Germanism, corporatism, cult of the leader and military expansion. These philosophical guidelines formed the basis of the National Socialist Workers Party program.

Neither has de-legitimization and the collapse of the communist political doctrine (the Marxism-Leninism of the Soviet model) led to its disappearance from the political arena. This ideology, as frequently happened in the Soviet Union and other socialist countries, has

managed to adjust to the new environment. Its first alternatives were such perestroika-time labels as 'new political thinking', 'priority of universal human values', 'humane socialism', or 'socialism with a human face'. The latter had been widely used in Czechoslovakia, even during the Prague Spring of 1968.

Thus, the impending collapse of the Marxist-Leninist ideology did not catch the communist nomenklatura unaware. The nomenklatura has, paradoxically, not only undergone this de-ideologization earlier than the popular masses, but successfully used it in its own interests.

This does not mean that the new governments in the former socialist countries, which replaced the totalitarian one at the turn of the 1980s and the 1990s, can do without ideology. Ideology retains a role in the stabilization of the current political system of post-communist society. However, the owners of this new life are incapable of developing an entirely new ideological concept of the development of society. Therefore they invent and distribute a conglomeration of ideas, myths and slogans, designed not for the future, but for a particular social and economic situation.

These ideas, as a rule, denigrate the historical past of the peoples. A well-known Russian writer Yuri Bondarev was precisely correct in characterizing this situation in his interview in March, 2012, "We are living in hard times, without great ideas, without the natural goodness and morality, without modesty and without protective shamefacedness ... Our freedom is the freedom to spit in our past, our present and our future, to spit in all that is sacred and pure ...".

Neither do the radical neo-Communists offer anything new in ideology to their supporters. They call, as before, openly or in a veiled form, for returning to the totalitarian past and for reviving the power of the 'tough hand'. They declare the dictatorship of the proletariat, for abandoning the capitalism and course of the market economy in favor of the Soviet-type 'social equality'.

Statements from publications, election programs and speeches by leaders of Russian and Ukrainian pro-totalitarian parties and MPs of different levels with the similar ideological orientations reflect this repeat of the past thinking. No analytical comments are required here, for the words speak for themselves.

"The Indian Ocean washes the shores of India, but it will wash upon Russia, the southernmost tip of Russia ... The food, clothing, footwear, raw materials from the countries of the South, which are necessary for us will go to Russia day and night by rail and by roads and by air routes. And our machines, chemicals and equipment etc. will move in the opposite direction". (Vladimir Zhirinovskiy — the leader of the Liberal Democratic Party of Russia).

"Only a person who regards himself as a representative of the titular nation, can work to the benefit of the people with the greatest devotion" (Roman Kozak — Chairman of the Party of OUN, Ukraine).

"The principles of electoral democracy are contrary to the spirit of the Ukrainian people."

"Europe owes its liberation from fascism primarily to us, and then to Russians and other peoples of the Soviet Union".

"The Ukrainians had to destroy two empires in this century, the German and the Soviet. The former was destroyed by our heroism, the latter by our sabotage." (Dmitry Korchinsky — the leader of the All-Ukrainian Brotherhood Party).

"To restore the Soviet regime, a guarantee of stability and confidence in the future ... My goal is- to transfer power to the Soviets of Workers 'and Peasants' Deputies" ... The strict and universal abidance of the law, the people's control and the dictatorship of the proletariat — here are the conditions of stability and order in the State" (Alexander Yakovenko — Chairman of the Communist Party of the workers and peasants of Ukraine).

"... to take the gun and shoot the Jews, the Muscovites and the Poles." (Oleh Tyahnybok, leader of the All-Ukrainian Union 'Svoboda').

"I am proud of the fact that among 1500 chasteners at Babi Yar, 1,200 were from the OUN and only 300 were Germans." (V. Shkuratyyuk, Rivne City Council member).

Numerous statements of this type have appeared. They show that although the basic totalitarian ideas of both the Nazi and the Stalinist-communist type have left in the past epoch their remnants take their own niche in the minds of a certain part of the population of the post-totalitarian world, and not only of the older, but of the younger generation.

Is social engineering required in the modern world with its diversity of political systems?

This question arises because this engineering was an instrument for the implementation of speculative, science-like, totalitarian ideas in the socio-political life.

The answer to this question is obvious: it is required.

A genuine democracy is not a spontaneous process. It has nothing to do with anarchy or ochlocracy (rule by the mob). The society, under certain conditions, cannot do without the administrative regulation of economic, social, political, and intellectual processes. Thus, prerequisites emerge for the protection of democracy in times of economic crises and other emergencies. This is a democratic social engineering, which should reflect organic ties with social progress and contribute to its development. In a society with established democratic values, such social engineering has normally a temporary and tactical nature, being ultimately intended to protect those values.

This complex role of social engineering is confirmed by the entire history of the twentieth century. On the one hand, social engineering in that century was essential for the emergence and consolidation of totalitarianism: conversely — it contributed to progressive social trends.

Historians know perfectly the New Deal by President Franklin D. Roosevelt, designed to overcome the 1929-33 Great Depression in the United States. The measures taken by Roosevelt were successful attempts of state regulation within a market based economic system. Immediately after winning the election in 1932, Roosevelt passed 70 laws through the Congress designed for the 'recovery' of industry, agriculture, trade and the monetary system. The National Recovery Administration established in the United States organized the compulsory cartelization of industry. The latter was divided into 17 groups. Federal power established monopoly pricing for the products of every group, determined the terms of trade and credit, and set limits for output volumes and sales markets.

In agriculture, to assist it in overcoming the crisis, federal power provided support to farmers, set the volume of agricultural production, and controlled prices.

Simultaneously, Roosevelt understood the importance of class relations in the society and of material support for workers. Laws were enacted to establish the minimum wage and maximum working hours. Young people, making up for the majority of those unemployed, obtained state support and protection. Camps were set up which accommodated the young.

The latter were employed in the construction of public facilities: enterprises, bridges, roads and parks. The Americans still ride on these roads and use these facilities.

This is reminiscent of the state management system, which existed in those years in the Soviet Union. American economists do not deny that this system had a role in overcoming the deep economic crisis in the United States. But the need of these measures was temporary, since the U.S. was a country with a stable liberal democratic system

With the restoration of market tools, the United State painlessly transferred from a mobilization economy to the democratic model of social management and the necessary relationships within it. This transition was guaranteed by the democratic procedures, accepted and well-established in the pre-crisis epochs, as well as by a high level of the civil society, which is directly dependent on the standards of political culture.

Social engineering is applied also in modern societies, not only in the industrial societies, but in the post-industrial world. Typically, such governmental policies are successful if they are related to the solution of particular problems, or are designed to accelerate the processes developing in their natural patterns. A positive example of social engineering is the transformation of class conflicts in the West, which has led in a certain extent to the social partnership between labor and capital (although not always harmonious). In this case, the basic model of class relations in capitalist society and the subjects of different social interests remained the same as before. But the goal of the class struggle changed dramatically. Workers no longer see their objective as overthrowing the government by revolution. Rather they seek to ensure their rights, freedoms, and economic interests.

This process is not idealized. The effects of it in various post-industrial countries are not identical. However, some of them (e.g. Sweden), have seen serious social changes under the influence of social engineering in the post-war years that the phenomenon of the 'Swedish model of socialism.' emerged. This model has long been associated with an ideal social type.

There exists another example of the political will influencing an objectively overdue transition of civilized societies to the post-industrial stage of development. To neutralize resistance by certain groups of employees to this process, authorities in many countries tended to use ideological and repressive measures. They strongly encouraged elimination of older, uncompetitive industries and the introduction of high technologies. The issue of workers losing their jobs was addressed by tax reforms which encouraged those corporations which, despite temporary financial losses, focused on the implementation of innovative technologies. These actions shaped post-industrial societies in the countries of the 'North', contributing to their further development.

By resorting to administrative regulation, various states repeatedly surmounted economic difficulties, or carried out reforms, resulting in 'economic miracles'.

Furthermore, many researchers have reasonably argued that in some cases, even military coups should be regarded not only as a reactionary, but as sometimes progressive events. Those were the cases if the coups contributed to preventing acute crises in the societies (for example, imminent civil wars), and if the military taking power, held back from hindering the democratic transition and moreover created the necessary conditions for this transition. In Chile, in 1973, when the country came close to the brink of civil war, it was a military coup that has helped to stabilize the country and to make way for the subsequent liberal-democratic reforms.

It is obvious that social engineering has not exhausted itself in contemporary society. There is no guarantee that some advocates of 'a tough hand' will not try to use them again in certain circumstances.

Neo-totalitarianism in the contemporary world is viable largely due to the 'heritage', accumulated and left after its main personifications disappeared from the political scene. The central issue is not so much about a few surviving classic totalitarian regimes (North Korea, Cuba), or strengthening the authoritarian power in a number of post-totalitarian countries, which under certain conditions, can easily be transformed into a totalitarian society. The problem remains rather in the historical roots of the Nazi and the Communist-Stalinist totalitarianism, and in their management cadres who are still in offices. A deeply rooted nostalgia for the totalitarian times remains. Neo-totalitarian political movements appear in a number of countries. They rely on their predecessors' experience, guided by both democratic and extremist methods in their struggle for power.

After the First World War, the political situation in Europe was ideologically, organizationally and politically much closer to Nazi Germany than to the Soviet Union. Of the 27 countries on the continent, 17 countries had fascist or semi-fascist regimes. For these countries, the Soviet Union was the similar enemy during World War II, as for Germany. Germany's defeat in the war was perceived by them as their own defeat. Therefore, it was unreasonable to think that the peoples of these countries viewed the liberation of Europe from Nazism as the salvation from the tragic fate carried by the German fascists.

It would be unreasonable to expect any gratitude to the Soviet Union for its victory in the war from these nations. It is logical to agree with the opinion by Oleg Nemensky, research fellow of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, who believes that if Hitler had won the war, the Soviet Union, and modern Europe, including the countries of the English language and culture, would have considered him a great savior.

No wonder, therefore, that many Europeans not only of the older, but also of the younger generation are nostalgic for the pre-war statehoods, and for the projects that these countries developed and sought to implement, tying their success with Nazi Germany. A dream of revenge exists among certain segments of the population which is still a source of the partial rehabilitation of the Third Reich, and thus the Nazis. This is one of the factors contributing to the viability of neo-totalitarian and neo-Nazi sentiments of a certain part of the population in many European countries. The main obstacle for their implementation lies only in the fact that Nazism is now recognized as a unique evil both in the post-socialist countries and in the West.

The Communist totalitarian model has also left many political and intellectual illusions after its collapse. This model has not fully exhausted its intellectual potential and the resource inherent in the nomenklatura system. Its viability was aborted by the 'revolution from above' in the late 1980s - early 1990s, which declared the entry of the former socialist countries on the path of democracy. However, the distance from the declaration to the reality turned to be huge.

Actually, the Communist nomenklatura system of power has never completely disappeared in any country. The nomenklatura has not given its power voluntarily to anyone, and its totalitarian rule has never been destroyed by anyone. It has undergone a substantial evolution

in the former socialist countries, and acquired new forms. But genetically, essentially and historically it has remained associated with the previous government. In fact it has easily adapted to the new conditions. It is personified mostly by former party and government officials who continue to occupy key posts which they held under the communist regimes.

The totalitarian past of the post-Stalin ruling elite has pre-determined its unwillingness and inability to alter quickly and decisively from the totalitarian legacy. This process, which barely began in the Soviet Union with Khrushchev's coming to power, limited itself to the 'thaw'. The latter has at best, facilitated the transition of the Soviet society to authoritarian forms of government, to the rejection of Stalinist mass repression and to holding sham campaigns, declared by the authorities as a way to implement the communist program. The society continued to live under authoritarianism, its borderline with totalitarianism remaining just nominal. Due to the belatedness of a genuine democratic development, the democratic norms of life still confront enormous and growing difficulties in their implementation. This belated development provides a breeding ground for extremism and neo-totalitarianism.

In a period of political instability and economic uncertainty, the former Soviet bureaucrats rapidly adapted to the new conditions, and formed a new type of property. This was performed by an illegitimate shadow privatization and partition of the so called 'public property', created in the Soviet times. The existing party bureaucracy, the de facto manager of this property, changed quickly into their democratic clothes. It does not matter that it was done at the initiative of the pragmatic 'reformist' wing of the bureaucracy under the guise of 'restructuring' the Soviet society.

In fact, the current state power has become a universal commodity in the former socialist countries. The political market where it is bought and sold is closed for the majority of the citizens, being divided between the powerful criminal, nomenklatura and corporate clans. Among the participants of this market there are many who remember the totalitarian system, and do not mind its comeback. Many leaders of those clans have long been legalized, operating openly and coming to politics. Taking possession of large property, they have actively started to purchase key positions in the legislative, executive and judiciary power. It is clear that the fighting against corruption and the mafia which prospered under the communist totalitarianism is a pure populism in these circumstances. This fight is bound to be unsuccessful in the foreseeable future.

The owners of the modern life, who inherited the power and the property from the totalitarian society, would never fight against the required social and economic conditions, which ensure a relative legitimacy and transparency of the current post-communist property and power relations.

The popular nostalgia for the totalitarian times is demonstrated by unsuccessful attempts to ban the Communist parties in some former socialist countries, and by the social base that the communists have preserved. Relying on this base, they are making significant progress in elections to legislative bodies, and have representation in the parliaments of many countries. The orthodox Communists who persist in their calls to return to the totalitarian past do not enjoy much success. Most of the modern communist have given up the slogans of the world, and even of national revolution. They have come closer to the Social Democratic concept of reforms under capitalism, recognizing the democratic methods of fighting for a better future of their peoples.

Speaking about the possibility of renewal of totalitarian regimes, one should keep in mind not only the warnings of such risks in the modern world. One must also recognize that the world is now living in a radically new environment, and has a certain degree of immunity from a return to a past not appealing for everybody.

The 'classic totalitarianism' came into being in the very specific conditions of the first third of the twentieth century. Mass one-man command armies existed and effectively operated at that time. Vast enterprises with conveyor standardized production, with large numbers of employees, were controlled from a single center. Those management techniques demonstrated high efficiency even in the most difficult conditions of the war, or the post-war economic crisis. The society in the crisis environment was encouraged, although indirectly, to a denial of democracy. In the 1920s and 1930s, totalitarian societies were unrivaled on a global scale in economic efficiency. They were developed more dynamically than the democratic societies which experienced a severe economic crisis.

Now these factors have changed in much of the world. Mass armies are absent in most countries. They have been replaced by relatively small, professional armed forces, where service is motivated not so much by an idea, but by financial needs. The 'robots' of this army are not only capable of performing the function of defending the country from the outside enemy, but also in defending the government from its domestic opponents.

The period after the Second World War became the era of the scientific and technological revolution, which has had a huge impact on all spheres of human activity. The situation in the countries of the 'North' differs fundamentally from that of the past, and is clearly not conducive to the revival of totalitarianism. The labor process in the 'North' is characterized by intellectualization, individualization of work and by the transition to small batch and high-technology production. Huge armies of hired labor are now replaced by automated computer-aided manufacturing. Knowledge production is developing, and becoming a priority sector. Those changes provide a relatively high level of consumption for the entire population. Finally, peoples of the world cannot ignore the negative experience of the totalitarian regimes of the twentieth century.

All this is incompatible with totalitarianism. It is difficult to disagree with some researchers who argue that in the present conditions, totalitarianism can reappear either locally or in societies delayed in the pre-industrial or industrial phases of development.

It is in this area that the post-socialist countries, including Ukraine, are situated.

When the issue of a totalitarian revival in your own country is touched, you are eager to deny that option, and to believe that it has gone to the past forever.

However, one cannot ignore those real dangers for Ukraine related not only to the memories of its tragic totalitarian past, but to a possible resuscitation of these memories in the future.

The authors of this book, based on the existing studies of Russian and Ukrainian researchers (specially including Sergei Vonsovich, Oleg Dolzhenkov, Boris Demyanenko, Nikita Zagladin, Georgy Kryuchkov, Dmitry Tabachnik and others), are trying to find out if Ukraine's return to the authoritarian or even totalitarian past is really possible, and what is the degree of this danger. To provide an unbiased analysis, a researcher must take into account the community, interdependence and mutual impact of those processes transpiring in the post-Soviet countries. It is also necessary to analyze specifically Ukrainian realities, the past and present

mentality of this nation, its geographical location, its economic potential, its demographic situation in the years of independence, the historical traditions of the Ukrainian people, and many other factors that have an impact on the future development of the country. A textbook like this does not claim to be a substantial contribution to the analysis of this complex issue, but only presents the material for a further discussion.

After becoming independent on August 24, 1991, Ukraine declared itself a democratic nation by a special resolution of the Verkhovna Rada. This status is also declared in the Ukrainian Constitution adopted June 28, 1996, which states: "Ukraine is a sovereign and independent, democratic, social, law-based state".

However it is clear that these founding documents state the standards which the Ukrainian society has not yet achieved. On the eve of the adoption of those documents, the state of this society was rated as authoritarian, if not totalitarian. The constitution rather sets the guidelines, and the desired final goal for the country's future development.

The implementation of these democratic guidelines in Ukraine, as the whole period of its independence demonstrates, has proven to be very difficult. The long totalitarian and afterwards authoritarian past of Ukraine as a part of the USSR left deep roots. These roots are not leaving the political scene quickly and voluntarily. They have predetermined a real dualism in Ukraine's political development since obtaining independence. This development involves a confrontation between the new and the old. On the one hand, a strong desire is present to implement democratic reforms in the society. On the other hand, this desire is facing an opposition by authoritarian patterns of life and power familiar to much of the population, especially of the older generation. This confrontation is not only the objective reality of the modern Ukrainian society, but, apparently, will continue for a long time.

An analysis of the current situation in Ukraine, at the present stage of its development, creates the reality that the threat of a totalitarian return is quite real, and not to be underestimated. The appeal by the Czech anti-fascist Julius Fucik "People, I love you! Be careful!" from his Report from the Gallows is not less important for Ukraine today than in 1942, when it first appeared. Totalitarianism may have a continuation in the twenty-first century, depriving the predecessor century of the exclusive right to this phenomenon.

The defeat of Germany, its European satellites, and of Japan in World War II, the fall of fascist regimes in Portugal, Greece and Spain in 1974 and 1975, the collapse of the communist type of totalitarianism almost in all the socialist countries in the late 1980's - early 1990's, and the elimination of the colonial system - all these are real steps of the world evolution towards democracy in the post-war period.

However, totalitarian, and the more so, authoritarian forms of government, although historically outdated, are viable even now in some countries. They maintain themselves either in primitive (North Korea), or modified (China, Vietnam, Cuba) forms, or as hangovers from the past in the general democratic context of modern civilized societies, as an ideological and political component of their public life.

Ukraine, as well as other post-Soviet countries, is characterized by a transition period when a 'young democracy' and a multi-party democratic state are taking shape.

The growing strength of political parties is the most striking expression of the Ukrainian society's striving for democratization. At the beginning of 1993, there were 18 registered political parties in Ukraine. This figure grew to 54 in 1994, and to 74 by the end of 2007.

In the first half of 2012, their number reached 199. This process is by no means a sign of a mature democratic society. Rather it is a manifestation of an immature social structure in the transitional period. No mature democracy in the world, as we know, is characterized by a large number and political diversity of the parties to this extent.

Most of the emerging parties are nationalistic. Researchers distinguish five conventional political blocs within the modern political field of Ukraine. These blocs include: the conservative Communist; social liberal, national democratic, national statist, and national radical. Thus, four-fifths of the parties are using nationalism in their programs to a certain degree. Some of them are radical nationalist, their ideologies and programs being at least partially neo-totalitarian by their character. The leader among them is the All-Ukrainian Union 'Svoboda' (Freedom), headed by Oleh Tyahnybok. It is difficult to estimate the total membership of the nationalist parties and organizations in Ukraine, but there is no doubt that this membership is appreciable.

Given Ukraine's common roots, and the shared history and mentality with other post-Soviet countries, especially Russia, one may reasonably argue that the Ukrainian neo-totalitarians do not yield in any parameters to anybody from the neighboring countries. In Russia, according to the Moscow Bureau for Human Rights, there are 500,000 young people in extremist organizations, not including gangs of criminals and football fans. The largest groups of neo-Nazis are in St. Petersburg and Moscow. The number cited is two and a half the size of the current Ukrainian regular army.

Is it possible to underestimate the danger of a revival of totalitarianism in this context - even if we speak about Russia which is much larger in size and population than Ukraine?

Of course, no!

In Ukraine, the neo-Nazis, neo-Communists and extremists of other 'colors' are not only 'flexing muscles', but have actually come to power as heads of local councils in some western regions. They hope to succeed in the next parliamentary elections, build a faction in the Verkhovna Rada, and to promote their neo-totalitarian ideas in the whole country. Methods of this potential growth can vary. They may rely upon the experiences of their fascist predecessors who came to power in 1920s and 1930s in most countries in a civilized way, by defeating their political rivals in the elections. Or, the use of force to seize state power is possible, with the reality that Ukraine has a lot of 'combustible material'.

The well-known Ukrainian poet, writer and politician Boris Oleinik, was asked in an interview if a social explosion is possible. He stated: "It may happen at any moment. Before therevolution, we had a smaller gap between the rich and the poor. And today's gap is flagrant, dangerous and even explosive. It is only an illusion that the Ukrainians are quietly sitting at the fence. Just remember the Haidamak rebellions. The Russian revolt is senseless and merciless, as you know. The Ukrainian revolt, in my opinion, is even worse. There is somewhere Cossack blood in the Ukrainians."

Dmytro Pavlychko, another well-known Ukrainian writer and social activist has even ventured to specify the address where a 'new Mайдan' may occur. In an internet interview he said: "I think that it will start from the East, as the East is humiliated today most of all."

As for the social injustice in the Ukrainian society, especially the sharp economic contrasts between different groups of the population, Boris Oleinik is certainly right. The data available on this subject in the academic, political literature and Internet suggest: in Ukraine, the

income gap between rich and poor is so great that analogues can only be found in some Latin American and African countries. In the civilized world, such socio-economic contrasts do not exist anymore.

Georgy Kryuchkov and Dmitry Tabachnik report in their 2008 book *Fascism in Ukraine: threat or reality?* that the 50 richest people in Ukraine possess 80 per cent of the national wealth. The gap between the richest 10 per cent and the poorest 10 per cent of the citizens amounts to 1:40, while in the European Union, it ranges between 1:5 and 1:7, and in Japan it is 1:4.5. The laws and regulations adopted in the interests of the rich people in power (big business makes up the absolute majority of the members of the Verkhovna Rada) have allowed them to grab the bulk of the benefits logically intended for the poor. The *Fakty* newspaper reported in its issue of March 1, 2012 that 10 per cent of Ukraine's poorest citizens receive 2 per cent of social benefits, while 10 per cent of the wealthiest account for 22 per cent of these benefits, having a tenfold advantage. This absurdity is hard to find anywhere else in the world.

According to a 2007 study by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 89.1 per cent of those polled consider it necessary to change the socio-political system in the country, and 41.6 per cent of the respondents accept radical ways of changing the system. This is a potential prerequisite for a neo-totalitarian type revolution leading the country back to their totalitarian past? It is a fact that the October Revolution of 1917 in Russia was accomplished by only 10 per cent of the population.

The answer is obvious. And the younger generation of Ukraine cannot and should not ignore this reality, to avoid a repetition of our tragic historical experience.

CONCLUSION

Speaking figuratively, past totalitarian regimes while leaving the historical scene have left the testament and a warning to present and future generations. Its essence is plain: the life of society and of every human being does not imply easy paths out of difficult situations and crises. The historical experience of totalitarianism in the twentieth century demonstrates the consequences of people's faith in those political forces, who promise easy solutions to difficult situations.

This faith has caused innumerable victims, incredible disasters and sufferings of innocent citizens in the countries where those totalitarian forces fraudulently came to power. The historical record of totalitarian regimes clearly shows that there is no long-term alternative to genuine democracy in the modern world. We must cherish every opportunity to ensure the democratic development of our own country, and to cultivate the universal human values in every possible way for a decent life of the citizens.

Оглавление

Предисловие	
Вступление	
Тема 1.	
Сущность тоталитаризма.	
Исторические корни тоталитаризма.	
Историческое место тоталитаризма	
Краткая историография проблемы	
Тема 2.	
Исторический опыт становления фашистской, национал-социалистической модели тоталитаризма.	
Италия	
Германия	
Испания	
Тема 3.	
Коммунистическо-сталинская модель тоталитарного общества: основные вехи исторического пути	
Советский Союз	
Восточная Европа	
Тема 4.	
Историческая бесперспективность тоталитарных режимов.	
Тема 5.	
Неототалитаризм в современном мире	
Заключение	
Список литературы	

Content

Foreword	103
Preface	104
Subject No. 1.	
Essence of Totalitarianism.....	106
Historical Roots of Totalitarianism	109
Totalitarianism's Place in History	113
A Brief Historiography	115
Subject No. 2.	
Emergence and Development of Fascist and National Socialist Model of Totalitarianism.....	122
Italy	123
Germany	127
Spain	144
Subject No. 3.	
Stalinist Communist Model of Totalitarianism: Milestones of History	150
The Soviet Union	151
Eastern Europe	156
Subject No. 4.	
Historic Futility of Totalitarian Regimes	164
Subject No. 5.	
Neo-Totalitarianism in Contemporary World	176
Conclusion	188

Европейский Центр Всемирной Академии Наук Комплексной Безопасности
 European Center of World Academy of Science for Complex Security

Международное Антитеррористическое Единство
 International Antiterrorism Unity

Ivanska cesta 30/B
 821 04 Bratislava, Slovakia
 Tel.: +421 2 3255 3144
 www.aircraftgallery.eu
 e-mail: art@vankb.eu

РОССИЙСКИЕ ВЕСТИ

Библиотека "Руниверс"

